Class _____

Book _____

~~YUDIN COLLECTION~~

Михаилъ Юрьевъ.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ

ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Марія Стюартъ и письма шкатулки. Валленштейнъ и его измѣна. Сельская община у древнихъ франковъ.

МОСКВА.
Изданіе книжнаго магазина Гросманъ и Кнебель.
1894.

Yur'ev, Mikhail

Михаилъ Юрьевъ.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ

ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

Марія Стюартъ и письма шкатулки. Валленштейнъ и его измѣна. Сельская община у древнихъ франковъ.

МОСКВА.
Высоч. утвержд. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ, Петровка д. Левенсонъ.
1894.

D1
.I9

Вопросы, о которыхъ говорится въ этой книгѣ, сами по себѣ не особенно важны и значительны, но отношеніе къ нимъ многихъ западныхъ ученыхъ можетъ навести на мысли отнюдь не мелкія. Думая, что для русскихъ читателей необходимо разобраться въ особенностяхъ западно-европейской науки и желая содѣйствовать по мѣрѣ моихъ силъ этому, я и выпускаю эту книгу.

М. Ю.

Москва, 1 мая 1894 года.

Характеризуя спорный вопросъ о личности Маріи Стюартъ, мы пользовались слѣдующими сочиненіями:

1. Philippson. „Etudes sur l'histoire de Marie Stuart, les lettres de la cassette". (1887 — 1889 Revue Historique).

2. Bresslau. „Die Kassettenbriefe der Königin Maria Stuart. Historisches Taschenbuch. 1882.

3. Gerdes. „Geschichte der Königin Maria Stuart". 1885.

4. Gädecke. „Maria Stuart". 1879.

5. Mignet. „Histoire de Marie Stuart". 1851.

6. Philippson. Histoire de Marie Stuart. 3 v. 1891—1892.

7. А. С. (статья въ „Русскомъ Вѣстникѣ"): „Новѣйшая литература о Маріи Стюартъ". 1885.

8. Karlowa. „Maria Stuart's angebliche Briefe an den Grafen Botwell". 1886.

9. Gädecke. Die neuere Literatur über M. Stuart. (Hist. Zeit.—1883).

10. Bresslau. Beiträge zur Geschichte M. Stuart. (Hist. Zeit. 1884).

11. Sepp. Tagebuch der unglücklichen Schotten-Königin M. Stuart. 2 v. 1882—83.

12. Petrick. Die Briefe der Königin M. Stuart. 1873.

Говоря о Валленштейнѣ, мы имѣли подъ руками:

1. Gualdi. Vita Alberti Walsteini. 1668.

2. Khevenhillaer.—Annales. 1—12 v. 1721.

3. Chemnitz. Königlich Schwedisches in Deutschland geführtes Krieg.

4. Theatrum Europeum. 1656.

5. Pelzel. Geschichte Böhmens.

6. Förster. Wallenstein als Feldherr und Landesfürst. 1834.

7. Geier. Histoire de Suède.

8. Маймаръ. Исторія Австріи.

9. Aretin. Wallenstein. Beiträge zur Kenntniss seines Characters. 1845.

10. Рейсеръ. Исторія Реформаціи. 1883.

11. Ranke. Geschichte Wallensteins. 1879.

12. Gindely. Waldstein während seines ersten Generalitets. 2 v. 1886.

13. Hildebrandt. Wallenstein und seine Verhandlungen mit den Schweden. 1885.

14. Bilek. Beiträge zur Geschichte Waldsteins. 1886.

15. Gaedecke. Wallenstein und seine Verbindung mit den Schweden. 1885.

16. Schwebek. Lösung der Wallensteins Frage. 1880.

17. Halwich. Wallensteins Ende. 2 v. 1879.

18. Dudik. Waldstein 1858 и др.

Разбирая вопросъ о франкской общинѣ, мы имѣли въ виду сочиненія Фюстель де Куланжа, Глассона, Маурера и нѣкоторыхъ другихъ. Въ данномъ случаѣ нѣтъ такого разнообразія взглядовъ, какъ въ вопросахъ о Валленштейнѣ и Маріи Стюартъ: мы ограничились лишь самыми главными сочиненіями...

МАРІЯ СТЮАРТЪ

И ПИСЬМА

ШКАТУЛКИ.

I was the Queen o'bonnie France.
Where happy I hae been;
Fu'lightly rase I in the morn,
As blythe lay down at e'en:
And I'm the sov'reign of Scotland,
And mony a traitor there;
Bet here I lie in foreign bands,
And never-ending care.

Burns: „Lament of Mary
Queen of Scots".

Я не стану излагать всей исторіи Маріи Стюартъ, а напомню только нѣсколько фактовъ. Марія Стюартъ воспитывалась во Франціи, была замужемъ за Францискомъ II, который рано умеръ, оставивъ Марію восьмнадцатилѣтней вдовой. По смерти мужа Марія не хотѣла оставаться во Франціи, или, вѣрнѣе, не могла: такъ сильны были въ то время интриги Екатерины Медичи. Марія отправилась въ Шотландію. Первые годы ея царствованія были довольно покойны. Побочный братъ Маріи, Моррей, много помогалъ ей имѣть хоть сколько нибудь сносныя отношенія съ шотландской знатью. Такъ продолжалось до того времени, пока Марія не вышла замужъ за Дарнлея, молодого шотландскаго лорда. Это замужество не нравилось ни англійской королевѣ Елизаветѣ, ни протестантской знати, ни, въ особенности, главѣ этой послѣдней—Моррею. Вспыхнуло возстаніе подъ предводительствомъ Моррея, но скоро было подавлено, причемъ

Моррей принужденъ былъ бѣжать. Бракъ съ Дарнлеемъ, впрочемъ, не оказался счастливымъ: Дарнлей сталъ требовать участія въ государственныхъ дѣлахъ, а когда ему было въ этомъ отказано, то онъ, соединившись съ протестантской партіей королевства, простеръ свою дерзость до того, что съ толпою вооруженныхъ заговорщиковъ ворвался въ комнату Маріи и закололъ секретаря ея Ричіо. Мятежные лорды думали держать Марію въ плѣну, но это имъ не удалось: возстаніе было подавлено, зачинщики строго наказаны. Около этого времени изъ своего изгнанія вернулся Моррей; онъ былъ прощенъ, но уже не получилъ прежняго вліянія у королевы. При дворѣ появился новый фаворитъ— Ботвелль. Дарнлей же былъ совершенно отстраненъ, чего онъ не могъ простить Маріи: онъ не былъ даже на крестинахъ своего сына, а 24-го декабря 1567 г., ни съ кѣмъ не простившись, оставилъ дворъ Маріи и отправился въ Глазго къ отцу. Тамъ онъ заболѣлъ оспой. Узнавъ объ этомъ, Марія послала къ нему своего врача, потомъ поѣхала сама, ухаживала за больнымъ и отвезла его въ загородный домъ, близъ Эдинбурга. Этотъ-то домъ въ ночь съ 9-го на 10-е февраля былъ взорванъ на воздухъ,

причемъ Дарнлей былъ убитъ. Однимъ изъ участниковъ этого преступленія былъ, безъ сомнѣнія, и Ботвелль. Отецъ Дарнлея потребовалъ его на судъ, но судъ оправдалъ его. 19-го апрѣля лорды заключили союзъ, съ цѣлью просить королеву о томъ, чтобы она вышла замужъ за Ботвелля. Марія отказалась отъ этого предложенія, но 24-го апрѣля Ботвелль похитилъ ее. 15-го мая была свадьба, а 15-го іюля Марія была взята въ плѣнъ очять возмутившимися лордами, которые обвинили ее въ убійствѣ Дарнлея. Ботвелль бѣжалъ. Регентомъ былъ провозглашенъ Моррей, который, впрочемъ, будучи во Франціи, не принималъ непосредственнаго участія во всѣхъ этихъ событіяхъ. Но Марія убѣжала изъ плѣна и отдалась подъ покровительство Елизаветы. Англійская королева дѣйствовала чрезвычайно коварно по отношенію къ своей кузинѣ: она объявила себя посредницей между Маріей и шотландцами и, заключивъ шотландскую королеву въ тюрьму, начала судить ее за убійство Дарнлея. На судѣ главными уликами были, такъ называемыя, „письма шкатулки“, представленныя Морреемъ и другими шотландскими лордами въ качествѣ доказательствъ виновности Маріи. Эти письма составляли,

по свидѣтельству обвинителей Маріи, часть тайной переписки между ею и Ботвеллемъ. Всѣхъ этихъ писемъ восемь. Пять изъ нихъ написаны королевой изъ Глазго въ то время, когда Марія ухаживала за больнымъ мужемъ; они полны страстныхъ, любовныхъ признаній и не лишены многихъ довольно прозрачныхъ намековъ на замышляемое убійство Дарнлея. Изъ нихъ, между прочимъ, ясно, что Марія ухаживала за мужемъ, только для того, чтобы заглушить въ немъ подозрѣнія, вселить къ себѣ довѣріе и, такимъ образомъ, сдѣлать болѣе легкимъ исполненіе кроваваго замысла. Три же остальныхъ письма написаны Маріей изъ Стирлинга, за нѣсколько дней до ея похищенія Ботвеллемъ. Въ нихъ Марія сама обсуждаетъ съ Ботвеллемъ вопросъ о похищеніи, которое является, такимъ образомъ, впередъ условленной комедіей.

Найдены „письма шкатулки“, какъ утверждали шотландцы, 20-го іюня 1567 года, у одного слуги Дарнлея—Дальглейша. Но объ этихъ письмахъ начинаютъ носиться слухи только съ 21-го іюля, и то очень неясные, смутные. Только въ началѣ августа слухи эти дѣлаются болѣе опредѣленными. По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ депешу испанскаго по-

сланника Сильвы отъ 2-го августа. Сильва разсказываетъ, что къ нему проѣздомъ изъ Франціи заѣхалъ Моррей и сообщилъ о содержаніи какого-то одного письма. Содержаніе письма передается при этомъ Сильвою очень неопредѣленно, хотя въ общемъ соотвѣтствуетъ содержанію второго письма. Послѣ этого о письмахъ цѣлыхъ четыре мѣсяца царствуетъ глубокое молчаніе, и лишь 4-го декабря, на собраніи приверженцевъ Моррея, теперь уже регента, возникаетъ вопросъ о нихъ; 15-го же декабря ихъ показываютъ шотландскому парламенту. Но, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, говорится о письмахъ довольно нерѣшительно, туманно. Только во второй половинѣ 1568 г., уже послѣ того, какъ Елизавета заключила въ плѣнъ Марію и объявила себя посредницей между ею и шотландцами, только тогда возникаетъ вновь разговоръ о письмахъ, но разговоръ крайне осторожный. Шотландскіе лорды не осмѣливаются ничего утверждать и обращаются поэтому черезъ Мидлемора къ англійскому правительству съ просьбой, прежде чѣмъ приступить къ оффиціальному разбирательству, разсмотрѣть письма и дать отвѣтъ, могутъ ли эти письма служить достаточной уликой

по свидѣтельству обвинителей Маріи, часть тайной переписки между ею и Ботвеллемъ. Всѣхъ этихъ писемъ восемь. Пять изъ нихъ написаны королевой изъ Глазго въ то время, когда Марія ухаживала за больнымъ мужемъ; они полны страстныхъ, любовныхъ признаній и не лишены многихъ довольно прозрачныхъ намековъ на замышляемое убійство Дарнлея. Изъ нихъ, между прочимъ, ясно, что Марія ухаживала за мужемъ, только для того, чтобы заглушить въ немъ подозрѣнія, вселить къ себѣ довѣріе и, такимъ образомъ, сдѣлать болѣе легкимъ исполненіе кроваваго замысла. Три же остальныхъ письма написаны Маріей изъ Стирлинга, за нѣсколько дней до ея похищенія Ботвеллемъ. Въ нихъ Марія сама обсуждаетъ съ Ботвеллемъ вопросъ о похищеніи, которое является, такимъ образомъ, впередъ условленной комедіей.

Найдены „письма шкатулки", какъ утверждали шотландцы, 20-го іюня 1567 года, у одного слуги Дарнлея—Дальглейша. Но объ этихъ письмахъ начинаютъ носиться слухи только съ 21-го іюля, и то очень неясные, смутные. Только въ началѣ августа слухи эти дѣлаются болѣе опредѣленными. По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ депешу испанскаго по-

слапника Сильвы отъ 2-го августа. Сильва разсказываетъ, что къ нему проѣздомъ изъ Франціи заѣхалъ Моррей и сообщилъ о содержаніи какого-то одного письма. Содержаніе письма передается при этомъ Сильвою очень неопредѣленно, хотя въ общемъ соотвѣтствуетъ содержанію второго письма. Послѣ этого о письмахъ цѣлыхъ четыре мѣсяца царствуетъ глубокое молчаніе, и лишь 4-го декабря, на собраніи приверженцевъ Моррея, теперь уже регента, возникаетъ вопросъ о нихъ; 15-го же декабря ихъ показываютъ шотландскому парламенту. Но, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, говорится о письмахъ довольно нерѣшительно, туманно. Только во второй половинѣ 1568 г., уже послѣ того, какъ Елизавета заключила въ плѣнъ Марію и объявила себя посредницей между ею и шотландцами, только тогда возникаетъ вновь разговоръ о письмахъ, но разговоръ крайне осторожный. Шотландскіе лорды не осмѣливаются ничего утверждать и обращаются поэтому черезъ Мидлемора къ англійскому правительству съ просьбой, прежде чѣмъ приступить къ оффиціальному разбирательству, разсмотрѣть письма и дать отвѣтъ, могутъ ли эти письма служить достаточной уликой

забавлялась сестра Гете, ни клавесины, на которыхъ игралъ Моцартъ, ни столъ Шиллера съ его волосами, ни ворота изъ храма Темпліеровъ, заброшенныя теперь въ какой-то уголъ Версальскаго музея. Толпѣ скучно среди старыхъ вещей—ей хочется воня, на свѣжій воздухъ.... посмотрѣть на модные галстухи въ витринахъ магазиновъ. Я думаю, никто изъ обыкновенныхъ людей не согласился бы пробыть дня въ средневѣковомъ городѣ, даже если бы городъ и былъ въ тысячу разъ красивѣе, чѣмъ тотъ, который нарисовалъ какъ то, въ одномъ милomъ заграничномъ изданіи (Le Livre et L'Image), симпатичный Робида.

Сознайтесь прямо, милый мой читатель, вѣдь Вамъ скучны и противны всѣ эти ассирійцы съ сладострастными ноздрями и именами, которыхъ никто не можетъ выговорить правильно, всѣ эти лимонные и коричневые египетскіе цари, которые мило шутили, оскопляя заразъ по десяти тысячъ плѣнныхъ и лечились препротивными средствами, вродѣ молока женщины, только что родившей въ первый разъ... Вѣдь вы не находите особенной прелести ни въ пахучемъ сильфіонѣ, который такъ любили греки, ни въ субуррскихъ

клопахъ, о которыхъ чуть ли не съ восторгомъ говоритъ въ одномъ своемъ письмѣ Флоберъ. Васъ навѣрное тошнитъ отъ средневѣковыхъ судовъ любви, отъ всѣхъ этихъ суккубъ и инкубъ, черныхъ козловъ и религіозныхъ процессій съ сотнями нагихъ мужчинъ и женщинъ. А между тѣмъ завзятые историки всѣмъ этимъ восторгаются, пишутъ книги, да еще какія книги! Вы ихъ не знаете—эти книги.... Поэтому Вы навѣрно съ удивленіемъ прочитаете у меня, что о Маріи Стюартъ, о которой писали всѣ поэты, всѣ романисты и всѣ драматурги пишутъ и спорятъ ученые люди. Да еще какъ спорятъ—со слезами и съ дрожью въ голосѣ....

Каждый годъ выходятъ очерки, этюды, монографіи, посвященные разбору различныхъ періодовъ жизни Маріи Стюартъ. Но хотя для освѣщенія скрытой подъ трехъ-вѣковымъ мракомъ личности шотландской королевы потрачено не мало труда и остроумія, сколько-нибудь опредѣленнаго результата еще не получено. О личности шотландской королевы и теперь еще ведется споръ. Съ вопросомъ о личности Маріи Стюартъ еще до сихъ поръ переплетены религіозныя и политическія симпа-

тіи, такъ что трудно, да и для нѣкоторыхъ невозможно, судить о шотландской королевѣ вполнѣ объективно и безпристрастно. Всѣ, кто занимался исторіей Маріи Стюартъ, въ одинъ голосъ жалуются на ненаучный характеръ изслѣдованій, посвященныхъ этому вопросу, на слишкомъ пристрастное и субъективное отношеніе къ самому предмету. И, дѣйствительно, ни на одной страницѣ среди многихъ томовъ, посвященныхъ этому вопросу, не видно величаваго объективизма науки, незамѣтно того „спокойнаго состоянія духа“, которое, какъ гдѣ-то выразился Спенсеръ, необходимо для точнаго наблюденія и правильныхъ выводовъ. Всюду чувствуется пристрастіе, ожесточеніе, какъ будто бы Марію Стюартъ судятъ не потомки, а современники.

Историки раздѣлились на два враждебные лагеря: на противниковъ Маріи и на ея защитниковъ. Восторженныя похвалы или яростныя проклятія— вотъ что раздается въ воздухѣ, когда дѣло коснется несчастной шотландской королевы. Противники Маріи Стюартъ рисуютъ шотландскую королеву съ душою мрачной и темной, какъ бездна. По мнѣнію одного изъ нихъ, напр., Фруда, Марія подобна „разъяренной пантерѣ“, „дикой кошкѣ“, „лютому

звѣрю". Защитники же Маріи Стюартъ, наоборотъ рисуютъ ее съ душой чистой и ослѣпительно-бѣлой; они считаютъ ее несчастной страдалицей, царственной мученицей, невинной голубкой, которую терзаютъ хищные вороны — Елизавета и Моррей. Въ особенности достается послѣднему. На него защитники Маріи Стюартъ изливаютъ всю находящуюся въ ихъ распоряженіи черную краску, ниспровергаютъ всѣ громы краснорѣчія. По ихъ мнѣнію, Моррей злодѣй, неимѣющій себѣ равнаго подъ луной; онъ породилъ всѣ несчастія Шотландіи, погубилъ Марію, попралъ ногами все святое и т. д.

Не надо, впрочемъ, забывать, что подобные, чуть ли не до лубочности пристрастные портреты принадлежатъ кисти не однихъ старинныхъ историковъ, даже новѣйшіе писатели не чужды этого недостатка. Гердесъ, современный нѣмецкій профессоръ, въ своей книгѣ о Маріи Стюартъ, прямо говоря, что нѣтъ ни одного поступка, который бы могъ бросить хоть наималѣйшую тѣнь на благородство мыслей шотландской королевы и на чистоту ея души, рисуетъ между тѣмъ Моррея въ видѣ какого-то злодѣя безъ малѣйшей искры Божіей, „въ діавольской душѣ котораго получали свое происхожденіе всѣ несча-

стія, всѣ заговоры, всѣ убійства", и повторяетъ все тѣ же обвиненія, которыми, три вѣка тому назадъ, осыпалъ Моррея восторженный защитникъ Маріи, епископъ Росскій. Вы удивляетесь, дорогой читатель. Но вѣдь и ученые люди могутъ ненавидѣть и ученые люди могутъ любить. Право, я не знаю, почему, какъ ученый—то это непремѣнно старикъ съ пергаментнымъ цвѣтомъ лица, какъ поэтъ—то краснощекій юноша съ кудрями. Вообще публика имѣетъ очень мало представленій объ ученыхъ людяхъ.

Весь споръ о Маріи Стюартъ вертится на мелочахъ. Раскрывая сочиненія, посвященныя этому предмету, мы вступаемъ въ область такихъ съ профанской точки зрѣнія пустяковъ, что рѣшительно можно въ нихъ запутаться. За каждый мелкій фактъ ухватываются, чтобы доказать подложность или оригинальность писемъ, каждое слово толкуется на множество ладовъ и все это страшно затуманиваетъ, сбиваетъ и рѣшительно не подвигаетъ дѣла ни на шагъ впередъ. Все это въ сущности ужасно скучно и я заранѣе прошу снисхожденія за изложеніе такихъ неинтересныхъ вещей.

Прежде всего является вопросъ: на какомъ языкѣ

были написаны эти письма? Извѣстно, что въ Вестминстерской коммиссіи оригиналы этихъ писемъ были на французскомъ языкѣ, а „въ Іоркской коммиссіи, которая была ранѣе“, говорятъ ученые, желающіе доказать, что письма подложны и Марія Стюартъ мужа своего не убивала, „тѣ же оригиналы были на шотландскомъ языкѣ“. Если это такъ, то на лицо имѣется очень вѣское доказательство подложности писемъ. Съ перваго раза даже непонятно это превращеніе шотландскаго текста во французскій, это существованіе отъ однихъ и тѣхъ же писемъ двухъ оригинальныхъ текстовъ, но Филиппсонъ объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что въ первое время Моррей не обладалъ французской редакціей писемъ. „Легко было“, говоритъ Филиппсонъ, „обманщикамъ составить письма по-шотландски, но имъ трудно было составить ихъ по-французски. Вотъ почему, въ октябрѣ 1568 года (т. е. въ Іоркѣ), представляютъ шотландскіе оригиналы“. Когда же черезъ мѣсяцъ была готова французская редакція писемъ, то ее тогда и представили въ Вестминстерское собраніе въ качествѣ первоначальной и оригинальной, признавъ, слѣдовательно, шотландскій текстъ, тотъ самый текстъ, который за мѣсяцъ пе-

редъ тѣмъ въ Іоркѣ выдавался въ качествѣ оригинала,—лишь переводомъ съ оригинала.

Кажется, все это на столько очевидно, превращеніе шотландскаго оригинала во французскій такъ бьетъ всякому въ глаза, что только слѣпой могъ этого не замѣтить. А между тѣмъ объ этомъ никто не упоминаетъ. Спрашивается: еслибы превращеніе изъ шотландскаго во французскій оригиналъ дѣйствительно произошло, неужели никто не замѣтилъ бы его, неужели ни судебные защитники Маріи, ни умные и ученые панегиристы шотландской королевы, въ родѣ горячо-преданнаго Маріи архіепископа Росскаго, — панегиристы, бывшіе самыми близкими очевидцами всѣхъ событій изъ жизни Маріи,—неужели, повторяю, никто не возсталъ бы противъ дерзкаго и наглаго обмана, не заявилъ бы, что люди, въ Іоркѣ показывающіе оригиналы, написанные по-шотландски, а въ Вестминстерѣ оригиналы тѣхъ же писемъ, написанные по-французски, не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія. Да и, кромѣ того, вѣдь и раньше до іоркскихъ собраній, французскій текстъ считался оригиналомъ. Моррей, въ іюнѣ 1567 года, говоря Мидлемору о шотландской версіи писемъ, называлъ эту редакцію переводомъ. А утверж-

дають вдругъ, что черезъ 3 мѣсяца онъ этотъ же шотландскій переводъ выдавалъ за оригиналъ. Это рѣшительно неправдоподобно! Если бы Моррей не имѣлъ французскаго текста, то съ самаго начала выдавалъ бы шотландскую версію за оригиналъ.

Впрочемъ, утвержденіе противниковъ подлинности писемъ пришлось бы принять, еслибъ были представлены неопровержимыя свидѣтельства того, что шотландскій текстъ въ Іоркѣ выдавался за оригиналъ (относительно того, что въ Вестминстерѣ оригиналомъ считался французскій текстъ,—сомнѣнія быть не можетъ), но дѣло въ томъ, что это положеніе почти ничѣмъ не обосновано. Единственное доказательство заключается въ томъ, что англійскій коммиссаръ Садлеръ сдѣлалъ въ Іоркѣ выписки изъ писемъ на шотландскомъ языкѣ. По нашему мнѣнію, это обстоятельство рѣшительно ничего не доказываетъ: французскихъ оригиналовъ Садлеръ могъ и не имѣть подъ рукой, тѣмъ болѣе, что шотландцы дѣйствовали крайне осторожно и едва ли согласились отдать оригиналы писемъ въ чужія руки, какъ не давали они ихъ и въ Вестминстерѣ: ему дали, по всей вѣроятности, шотландскій переводъ.

Другое доказательство того, что оригинальной сви-

талась первоначально шотландская редакція. противники подлинности находятъ въ самомъ текстѣ писемъ. Именно, по мнѣнію Филиппсона, англійскій текстъ переведенъ съ шотландскаго. Но это доказательство чрезвычайно слабо. Самъ Филиппсонъ сознается въ этомъ. „Правда", говоритъ онъ, „что фактъ перевода писемъ съ шотландскаго, а не съ французскаго, не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ въ то время, когда былъ изготовляемъ англійскій переводъ на собраніяхъ Вестминстера, французскій текстъ уже существовалъ". Дѣйствительно, то обстоятельство, что переводъ былъ сдѣланъ съ шотландскаго, рѣшительно ничего не доказываетъ: это могло произойти чисто случайно; хотя, до извѣстной степени, этотъ фактъ бросаетъ нѣкоторую, едва замѣтную, тѣнь на подлинность писемъ или, вѣрнѣе сказать, бросалъ бы, если бы доводы Филиппсона были хоть нѣсколько убѣдительны (вѣдь переводъ обыкновенно дѣлается съ первоначальнаго текста).

Для подтвержденія этого положенія Филиппсонъ приводитъ отрывокъ изъ перваго письма, состоящій изъ 72 строчекъ петита; изъ нихъ 14 строкъ носятъ, по мнѣнію Филиппсона, слѣды вліянія шотландскаго текста, хотя безспорными можно считать только 6. Далѣе,

онъ видитъ доказательство своей мысли въ томъ, что находятся нѣкоторыя рѣдкія выраженія, вмѣсто болѣе употребительныхъ; тѣ же, что въ шотландскомъ, то и въ англійскомъ текстѣ: appointment вмѣсто reconciliation; to scribble—to write и проч. Послѣднее утвержденіе рѣшительно невѣрно. Слова appointment и reconciliation вовсе не синонимы: appointment—сдѣлка, условное соглашеніе; reconciliation—примиреніе полное; to scribble—пачкать, писать каракулями; to write—просто писать.

Если мы обратимся къ контексту, то увидимъ, что здѣсь очень подходятъ выраженія, столь смутившія Филиппсона: слово „писать каракулями“—очень умѣстно, когда дѣло идетъ о томъ, что Марія извиняется за плохо написанное письмо (Excuse also that I scribbled). Слово „соглашеніе“ вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ отношеніямъ, которыя сложились между Дарлеемъ и Маріей. „Зачѣмъ она пришла сюда? не для того ли чтобы войти со мной въ соглашеніе“—это могъ сказать Дарлей о Маріи. Такимъ образомъ, удивленіе Филиппсона о странномъ и параллельномъ употребленіи рѣдкихъ синонимовъ совершенно напрасно; слова appointment и to scribble здѣсь очень умѣстны. Что же касается

до другого доказательства того, что англійскій переводъ сдѣланъ съ шотландскаго языка, а именно тѣхъ 14 или вѣрнѣе 6 строкъ, въ которыхъ Филиппсонъ видитъ слѣды вліянія шотландскаго текста на англійскій, то оно едва ли кого убѣдитъ. Слѣды этого вліянія могутъ быть объяснены или простою случайностью или тѣмъ, что переводчикъ, плохо зная языкъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пользовался помощью шотландскаго перевода. Но относительно того, что переводчикъ имѣлъ передъ собой французскій текстъ, относительно этого, повторяю, мы имѣемъ неопровержимыя доказательства, приведенныя у Бресслау,—доказательства, на которыя Филиппсонъ не дѣлаетъ никакихъ существенныхъ возраженій. Относительно одного доказательства, именно пословнаго перевода извѣстнаго, чисто французскаго выраженія „tirer les vers du nez“, самъ Филиппсонъ сознается, что рѣшительно ничего не можетъ возразить, но думаетъ, что, въ виду множества противорѣчащихъ этому доказательствъ, это обстоятельство не можетъ имѣть значенія.

Мы видѣли, такимъ образомъ, что всѣ доказательства въ пользу того, что шотландскій текстъ— текстъ первоначальный, всѣ предположенія историка,

что Моррей не обладалъ вначалѣ французскимъ текстомъ и что, поэтому, онъ въ Іоркѣ предложилъ въ качествѣ оригиналовъ шотландскую редакцію, мы видѣли, повторяю, что всѣ эти доказательства очень слабы, если не сказать болѣе.

То, что Садлеръ сдѣлалъ въ Іоркѣ выписки изъ шотландскаго перевода, объясняется очень просто, точно такъ же, какъ и вліяніе шотландскаго перевода на 6 строчекъ англійскаго текста писемъ, и вовсе не говоритъ въ пользу того, что шотландскій текстъ—текстъ первоначальный: эту гипотезу нельзя признать даже удачной, потому что она очень неправдоподобна. Судебные защитники Маріи Стюартъ, которые не замѣтили превращенія шотландскаго оригинала во французскій, совершившагося въ какой нибудь мѣсяцъ, являются въ этомъ случаѣ невинными, какъ дѣти, съ чѣмъ, конечно, хоть не много ихъ зная, нельзя согласиться.

Я съ намѣреніемъ останавливался такъ долго на разборѣ вопроса о томъ, какой текстъ первоначальный, и вдался здѣсь въ мелочныя подробности, во-первыхъ потому, что изъ этихъ мелочей дѣлаются выводы вовсе не мелкіе, а во-вторыхъ, мнѣ хотѣлось нѣсколько намѣтить характеръ спора о Маріи

Стюартъ, хотѣлось указать, съ какой массой маленькихъ и въ отдѣльности неубѣдительныхъ фактовъ приходится имѣть дѣло. Теперь я перейду къ разбору остальныхъ доказательствъ подложности писемъ, доказательствъ общаго характера.

Прежде всего, предъ нами факты, свидѣтельствующіе, что первоначальныя свѣдѣнія о письмахъ были совершенно невѣрны, а именно: извѣстно, что осенью 1567 года Моррей изъ Франціи заѣхалъ въ Лондонъ и сообщилъ испанскому послу о „письмахъ шкатулки“ въ крайне туманныхъ, сбивчивыхъ и даже прямо невѣрныхъ выраженіяхъ; въ декабрѣ 1567 г. говорилось о томъ, что письма Маріи подписаны ею, и т. д. Во всемъ этомъ противники подлинности видятъ подтвержденіе своей мысли: Моррей, думаютъ они, сочинилъ эти письма, потомъ измѣнилъ ихъ, но смыслъ первоначальной редакціи онъ уже передалъ испанскому послу; точно также, по мнѣнію Филлипсона, первоначально поддѣлали подъ письмами подпись Маріи, а потомъ раздумали и сдѣлали другую редакцію писемъ, уже безъ подписи. Все это очень смѣлыя, очень остроумныя, но несовсѣмъ основательныя гипотезы. Намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, что го-

раздо легче все это объяснить, не мудрствуя лукаво, т. е. повѣривъ словамъ Моррея. Послѣдній прямо заявляетъ, что испанскому посланнику онъ говорилъ, зная о письмахъ изъ вторыхъ рукъ. Понятно, что испанскій посланникъ въ своемъ письмѣ къ Филиппу передавалъ это извѣстіе уже изъ четвертыхъ рукъ, и, конечно, сбивчиво и невѣрно. Да и удивительно было бы, если бы это не было такъ. Что же касается до того факта, что вначалѣ называли письма подписанными королевой, то это легко объяснить простой небрежностью, потому что для людей, поддѣлавшихъ почеркъ Маріи во всемъ письмѣ, право, какъ справедливо замѣчаетъ Бресслау, не могло быть и вопроса о томъ, поддѣлать или не поддѣлать подпись Маріи.

Кромѣ этихъ доказательствъ, противники подлинности, т. е., другими словами, защитники Маріи Стюартъ представляютъ цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ на то, что послѣ 20-го іюня 1567 года, т. е. послѣ того числа, когда, по свидѣтельству Моррея и Мортона, были найдены „письма шкатулки“, о нихъ почти вовсе не говорятъ, а, напротивъ, какъ бы стараются замять этотъ вопросъ, и только въ октябрѣ 1568 года, т. е.

когда Марія была въ темницѣ, начинаютъ громко говорить о нихъ. Филиппсонъ дѣлаетъ изъ всего этого заключеніе, что, во-первыхъ, письма не были еще готовы, а во-вторыхъ, что шотландцы боялись того, что Марія, еще находящаяся на свободѣ, разоблачитъ ихъ обманъ. Намъ же кажется, что всѣ эти факты объясняются гораздо проще, именно тѣмъ, что тогда, какъ на островѣ, такъ и на континентѣ было очень распространено убѣжденіе, что Елизавета, не смотря ни на что, возвратитъ Марію на шотландскій престолъ [1]). Естественно, что шотландскіе вельможи дѣйствовали здѣсь крайне осторожно: они не хотѣли, представивъ письма, отрѣзать себѣ отступленіе и сжечь, такимъ образомъ, всѣ свои корабли. Когда же Марія Стюартъ оказалась въ темницѣ, шотландцы возвысили голосъ и представили письма. Все это очень естественно и просто.

---

[1]) Что это убѣжденіе было распространено среди шотландцевъ, съ этимъ согласны какъ Бресслау, такъ и Филиппсонъ съ Гердесомъ. Что же касается до континента, то мы можемъ согласиться на парадный пріемъ, который устроили Ботвеллю шведы. „Король Фридрихъ“,—говоритъ А. С.,—„считалъ возможнымъ такой переворотъ въ Шотландіи, который возстановилъ бы права М. Стюартъ на престолъ“.

Затѣмъ видятъ доказательство поддѣльности писемъ въ томъ, что въ Іоркѣ было показано 5 писемъ, а въ Вестминстерѣ—8. Но мнѣ кажется это обстоятельство безразличнымъ и, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что въ Іоркѣ не сочли нужнымъ показывать остальныя три письма (самыя маловажныя, прибавимъ мы отъ себя), или не успѣли включить ихъ въ протоколъ. Что же касается до утвержденія Филлипсона, что существовало въ Іоркѣ какое-то особенное письмо, то это чистая гипотеза. „Въ этомъ письмѣ говорится о Медеѣ и о Робертѣ Стюартѣ“, говоритъ Филлипсонъ. Но для этого не нужно искать особеннаго письма: въ 4-мъ письмѣ говорится также о подругѣ Язона, и находятся не совсѣмъ понятныя слова: je luy ay promise de lui mener demain, для объясненія которыхъ, какъ думаетъ Гердесъ, по всей вѣроятности, Летингтонъ и привелъ разсказъ о Робертѣ Стюартѣ. И этотъ доводъ такъ же мало убѣдителенъ, какъ всѣ вышеприведенные доводы подложности писемъ [1])....

[1]) Что касается до самаго нахожденія шкатулки, то нѣкоторые признаютъ всю исторію о ней вымышленной. Особенно на этомъ настаиваютъ Филлипсонъ и Гердесъ, приводя тотъ фактъ, что въ обвинительномъ актѣ Дальгліейша, у котораго нашли шкатулку, не было ничего сказано о письмахъ. Это объясняется

Неправда ли, читатель, Вамъ ужасно скучно! Но что дѣлать, Вамъ придется еще порядочно поскучать, прежде чѣмъ дойти до какого нибудь результата: гулять не всегда пріятно, въ особенности когда дождь идетъ и вѣтеръ срываетъ шляпу; но люди всетаки и въ это время ходятъ по улицамъ... Пойдемъ и мы съ Вами впередъ, дорогой мой читатель. Господи, съ какими мелочными подробностями приходится имѣть дѣло.

Нѣкоторые напримѣръ указываютъ, что на первомъ письмѣ, посланномъ Маріей Ботвеллю, надписано: „ce samedi matin“, говорятъ, что это письмо подложно, потому что Марія не могла пріѣхать въ Глазго ранѣе субботы вечера; о послѣднемъ они заключаютъ изъ записей государственной печати. Подобное разсужденіе, если говорить откровенно, довольно опрометчиво. Вообще, указывать, для доказательства подложности пи-

---

очень просто: введи Моррей этотъ пунктъ въ обвинительный актъ, ему было бы чрезвычайно трудно отступить назадъ въ томъ случаѣ, когда Марія возвратилась бы на шотландскій престолъ. То, что Мортонъ, найдя письма, не отдалъ ихъ тотчасъ же шотландскому правительству, по моему, совершенно безразлично. Этотъ фактъ можно съ одинаковымъ правомъ или, вѣрнѣе, съ одинаковымъ безправіемъ толковать какъ угодно: какъ для доказательства вымышленности исторіи о шкатулкѣ, что дѣлаетъ, между прочимъ, Карлова, такъ и для доказательства противнаго, что дѣлаетъ Гедеке.

семъ, на неточность даты—пріемъ, можетъ быть, очень легкій, но не совсѣмъ научный. Вѣдь доказать, что число, выставленное на письмѣ—невѣрно, можно только сравненіемъ съ другими записями. Но гдѣ же гарантія, что эти послѣднія справедливы? Вѣдь въ старину бумаги велись такъ небрежно, что полагаться на нихъ въ хронологическомъ отношеніи совершенно невозможно. Хотя бы, напримѣръ, въ данномъ случаѣ: гдѣ доказательства того, что данныя дневника Моррея (согласныя съ письмомъ) невѣрны, а дата „записей печати“ справедлива? Доказательство невѣрности свидѣтельства Моррея Филиппсонъ видитъ въ томъ, что, по дневнику, Марія должна была сдѣлать крюкъ въ 75 километровъ, и полагаетъ, что въ суровую шотландскую зиму Марія не сдѣлала бы этого крюка. Но вѣдь это—чистое предположеніе и ровно ничего не доказываетъ. Такихъ предположеній могутъ быть сотни, тысячи, и ими можно поколебать всякую дату: какъ дату Моррея, такъ и дату „записей печати“, принятую Филиппсономъ,—послѣднюю даже съ бо̀льшимъ успѣхомъ.

По мнѣнію Филиппсона, напр., Марія отправилась изъ Глазго 28-го, утромъ, въ Литлингофъ (45 километр.) прибыла вечеромъ того же дня;

въ Эдинбургъ же попала только 31-го, т. е. 45 километровъ сдѣлала въ одинъ день, а 22 километра въ трое сутокъ. Это, пожалуй, даже менѣе вѣроятно, чѣмъ крюкъ въ 75 киллом. Впрочемъ, повторяю, я этому обстоятельству не приписываю рѣшительно никакого значенія. По нашему мнѣнію, неточность даты рѣшительно не доказываетъ подложности письма. А это, собственно, единственный доводъ, приводимый для доказательства поддѣлки перваго письма.

Что же касается до самаго содержанія письма, то оно вовсе не такъ невинно, какъ думаютъ Филиппсонъ и Гердесъ. Правда, въ немъ нѣтъ прямого указанія на убійство Дарнлея, но за то въ немъ находятся довольно прозрачные намеки на какой то скрытный планъ дѣйствій. „Я поѣду въ Эдинбургъ", — пишетъ, напримѣръ, Марія, „если ничего не услышу отъ васъ противъ этого... Если вы не будете дѣйствовать умнѣе, то вся тяжесть падетъ на мои плечи" [1]). А потомъ въ этомъ письмѣ въ большомъ

*) Собственно, это послѣднее мѣсто Гердесъ разсматриваетъ, какъ одно изъ доказательствъ того, что въ первомъ письмѣ и рѣчи быть не можетъ объ убійствѣ Дарнлея. „Если бъ",—разсуждаетъ историкъ,—„здѣсь дѣло шло объ убійствѣ, то эти выраженія—безсмыслица, такъ какъ не могла же Марія сама дѣлать приготовленія къ убійству". Не только приготовленія къ

изобилія находятся довольно-таки пылкія любовныя признанія, которыя, указывая на то, что Марія измѣняла мужу, конечно, въ особенную услугу Маріи Стюартъ поставлены быть не могутъ.

Обратимся теперь ко второму письму. Это самое важное, самое интересное письмо. Въ немъ чуть-ли не прямо говорится о замыслѣ на жизнь Дарнлея. „Чертъ побери этого рябого человѣка“,—пишетъ Марія Ботвеллю:—„онъ мнѣ причиняетъ столько трудовъ... Подумайте-ка, не найдете ли вы какого-нибудь тайнаго средства: посредствомъ напитка... такъ какъ ему придется принимать лѣкарство въ Крэгмиллярѣ...“ и т. д. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, среди подобныхъ, насыщенныхъ цинизмомъ, словъ попадаются иногда грустныя строки. „Вы меня заставляете играть роль предательницы“,—пишетъ Марія: „знайте же, что я бы согласилась скорѣе умереть, если бы здѣсь дѣло не шло о повиновеніи вамъ. Я никого не обманывала, но дѣлайте со мной, что хотите. Мое сердце истекаетъ, отъ всего этого,

---

убійству имѣла возможность она дѣлать, но она могла даже сама принять активное участіе въ самомъ актѣ убійства: вѣдь носились же слухи, будто бы Марія Стюартъ сама хотѣла отравить мужа.

кровью...“ Эти печальныя строки свидѣтельствуютъ о томъ, что Марія не безъ борьбы пошла на преступленіе, на которое ее толкалъ Ботвелль.

На первый взглядъ поражаетъ противорѣчіе этого покорнаго, грустнаго тона съ наглымъ цинизмомъ. Филиппсонъ, какъ, между прочимъ, и Петрикъ, видитъ въ этомъ доказательство подложности письма: „Первая часть“, — говоритъ онъ: — „цинична, вторая содержитъ въ себѣ полное раскаяніе“, что чрезвычайно неестественно, по его мнѣнію, и указываетъ на подложность письма. Но это, впрочемъ, несовсѣмъ такъ: и въ первой части слышатся грустные, тихіе вздохи, видно, что все существо Маріи — противъ злодѣйства. „Я занята дѣломъ[1]), которое мнѣ безконечно противно“ — вотъ что пишетъ Марія непосредственно предъ словами, которыя своимъ цинизмомъ такъ смутили Филиппсона. Что же касается до второй части, то и тамъ на-

---

[1]) Подъ словомъ „дѣло“, какъ указывается общимъ смысломъ письма и дальнѣйшими фактами, слѣдуетъ разумѣть то обстоятельство, что Марія отправилась въ Глазго съ тѣмъ, чтобы, нѣжной заботливостью, постаравшись усыпить въ мужѣ подозрительность къ ней лично и къ его врагамъ, поставить его въ условія, наиболѣе благопріятныя для совершенія надъ нимъ насилія.

ходятся такіе цинпчные намеки на преступленіе, что слова Филиппсона кажутся рѣшительно непонятными. Само же противорѣчіе цинизма и отчаянія, по моему, очень естественно. Я не вѣрю, что Марія искренно была цинична, ибо не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, она хвастаться тѣмъ, о чемъ она только что сказала, что это ей противно. Цинизмъ ея какой-то неискренній, судорожный. Она прибѣгаетъ къ нему, какъ пьяница къ вину, чтобъ хоть на время забыться, заставить замолчать муки своего сердца. Это ей не всегда удается. Филиппсонъ не замѣтилъ этого, онъ сталъ требовать одноцвѣтной окраски отъ письма, совершенно забывъ, что противорѣчія иногда бываютъ гораздо естественнѣе, чѣмъ то однообразіе тона, котораго онъ требуетъ...

Кромѣ этихъ внутреннихъ противорѣчій, выставляются еще внѣшнія; они такъ же неубѣдительны, какъ и первыя. Во-первыхъ, неточность даты. Мы уже высказали свой взглядъ на то, что неточность даты не есть доказательство подложности, и не станемъ его повторять. Упомянемъ развѣ, что неточность даты, главнымъ образомъ, очевидна изъ сравненія съ дневникомъ Моррея, которому, какъ доказываетъ Филиппсонъ, не слѣдуетъ вѣрить ни въ одномъ

словѣ. По нашему мнѣнію, въ этомъ скорѣе можно видѣть доказательство оригинальности, чѣмъ подложности [1]).

Но, кромѣ вышеприведенныхъ доводовъ подложности письма, существуетъ одно доказательство, которое, по мнѣнію Бресслау, исключаетъ всякую возможность сомнѣваться въ томъ, что письмо подложно. Это—фактъ, съ перваго раза очень бьющій въ глаза, а именно: довольно близкое сходство между показаніемъ Кравфорда и нѣкоторыми мѣстами письма. Кравфордъ жилъ у Дарнлея и пользовался его расположеніемъ и довѣріемъ. Король сообщалъ ему по вечерамъ, что онъ дѣлалъ днемъ, а также посвящалъ его въ свои бесѣды съ королевой. Объ одной и той же бесѣдѣ передаетъ второе письмо Маріи и показаніе, данное имъ Вестминстерской коммиссіи. Сходство между письмомъ,

---

[1]) Кстати, тутъ дневникъ Моррея уже потому не внушаетъ къ себѣ довѣрія, что передаетъ факты, которымъ вполнѣ противорѣчатъ другія историческія данныя. Такъ, напримѣръ, онъ передаетъ, что Ботвелль оставилъ Марію на полдорогѣ, а между тѣмъ извѣстно, что обязанность Ботвелля состояла въ томъ, чтобы проводить Марію до воротъ Глазго (La verité sur M. St., 106: „Bothwell accompagna la Reine jusqu'aux portes de Glasgow, comme c'etait le devoir de sa charge“.).

или, вѣрнѣе, шотландской редакціей его и показаніемъ Кравфорда довольно сильное: сходны не только мысли, но и отдѣльныя выраженія. Это, по мнѣнію Филиппсона и Бресслау, неопровержимый доводъ въ пользу подложности письма.

Дѣйствительно, если й возможно предположить, что Марія и Кравфордъ одинаково записали рѣчь короля, то рѣшительно непонятно, какъ въ шотландскій текстъ, т. е. въ переводъ, могли попасть тѣ же выраженія, которыя употребилъ Кравфордъ въ своемъ показаніи. Для того, чтобъ объяснить это сходство, остается только предположить вліяніе показанія на письмо или наоборотъ. Филиппсонъ и Бресслау рѣшительно высказываются противъ того предположенія, что показаніе поддѣлано на основаніи письма, и полагаютъ, что письмо поддѣлано на основаніи показанія. Но доводы ихъ очень слабы. Во-первыхъ, говорятъ они, Кравфордъ былъ честенъ и не поддѣлалъ бы своего показанія [1]). Доказательствъ же честности Кравфорда они почти не приводятъ; да

---

[1]) Что Кравфордъ былъ совсѣмъ не честенъ, объ этомъ очень краснорѣчиво свидѣтельствуютъ факты, приведенные въ книгѣ профессора Карлова. (стр. 24—25).

и потомъ, какъ будто въ дѣлахъ подобнаго рода можно полагаться на честное слово.

Самъ Филиппсонъ сознается, что мы слишкомъ мало знаемъ о характерѣ Кравфорда, чтобы вывести какое-нибудь заключеніе о подлинности его показанія. Но за то Филиппсонъ приводитъ другое доказательство того, что второе письмо Маріи было поддѣлано при помощи, или, лучше сказать, на основаніи письменнаго показанія Кравфорда: Филиппсонъ говоритъ, что 11-го іюня 1568 года графъ Леноксъ, отецъ Дарнлея, обратился съ письмомъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ вассаловъ и, между прочимъ, къ Кравфорду, именемъ Господа (какъ значится въ самомъ письмѣ), прося ихъ доставить улики противъ королевы, сообщивъ ему все, что имъ извѣстно о Маріи Стюартъ, и въ особенности все, что они знаютъ о ея пребываніи въ Глазго; при этомъ графъ Леноксъ ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ по пунктамъ: о чемъ бесѣдовала Марія съ своимъ больнымъ супругомъ, какое общество окружало ее въ это время и т. п. Изъ этого факта, по мнѣнію Филиппсона, слѣдуетъ, что шотландцы 20-го іюня 1567 года вовсе еще не обладали письмами Маріи, какъ они это позднѣе утверждали, а сфабри-

ковали эти письма лишь черезъ годъ, т. е. въ іюнѣ 1568 года, послѣ того уже, когда получили показанія Кравфорда и другихъ. „Еслибы“,—говоритъ Филиппсонъ,—„противники шотландской королевы обладали цѣлый годъ „письмами шкатулки“, которыя сами по себѣ давали подробныя объясненія на приведенные выше вопросные пункты письма (графа Ленокса), то къ чему эти излишніе вопросы (обращаемые къ Кравфорду и другимъ вассаламъ)? На это можетъ существовать одинъ отвѣтъ“—продолжаетъ Филиппсонъ: — „писемъ еще не существовало, и ихъ хотѣли составить по показаніямъ вассаловъ графа Ленокса“.

Здѣсь мы встрѣчаемъ во-первыхъ, одно очень странное недоразумѣніе, а именно: въ книгѣ профессора Карлова (ст. 9) прямо говорится, что Моррей уже въ маѣ, т. е. за мѣсяцъ до письма графа Ленокса, послалъ въ Англію своего секретаря Вуда съ шотландскими переводами этихъ писемъ. Этотъ фактъ, конечно, очень колеблетъ утвержденіе Филиппсона: изъ него слѣдуетъ, что письма не могли быть изготовлены на основаніи показанія Кравфорда, если бы даже послѣднее и было прислано графу Леноксу, на что, впрочемъ, мы не

имѣемъ никакихъ данныхъ: показаніе могло притти только въ концѣ іюня, а переводы писемъ существовали уже въ маѣ. Но, къ несчастію, я не могу судить, насколько основательно утвержденіе профессора Карлова и, поэтому, не могу особенно настаивать на немъ.

Впрочемъ, даже еслибы профессоръ Карлова ошибался, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Филиппсонъ правъ. Я, собственно, не совсѣмъ понимаю, какимъ образомъ тотъ фактъ, что графъ Леноксъ захотѣлъ воспользоваться и другими уликами противъ Маріи, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ не обладалъ „письмами шкатулки“. Неужели письма являются такими сильными уликами, что о другихъ и думать не стоило. Стоитъ только вспомнить письмо Моррея къ Мидлемору, въ которомъ регентъ Шотландіи проситъ англійское правительство изслѣдовать письма и дать отвѣтъ, достаточны ли они для обвиненія королевы; стоитъ только принять во вниманіе, что и въ настоящее время нѣкоторые, хотя и считаютъ эти письма за подлинныя, колеблются, однако, дать рѣшительный отвѣтъ о виновности Маріи; стоитъ только вспомнить все это, чтобы

понять, что имѣть, кромѣ писемъ, другія еще улики противъ Маріи для шотландцевъ было дѣломъ вовсе нелишнимъ. Предположеніе Филиппсона лишается, такимъ образомъ, всякой фактической подкладки.

Фактъ поддѣлки письма, а не показанія, остается совершенно недоказаннымъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что и поддѣлка показанія принадлежитъ совершенно къ области предположеній, хотя предположеній болѣе вѣроятныхъ, чѣмъ поддѣлка письма на основаніи показанія. Вѣроятность поддѣлки показанія на основаніи письма скорѣе можно допустить уже по одному тому, что показаніе Кравфорда почти вовсе не свидѣтельствуетъ противъ Маріи, такъ что трудно понять, какую выгоду могли извлечь изъ него шотландскіе бароны [1]).

---

[1]) Предположеніе Филиппсона можетъ быть до нѣкоторой степени поколеблено и хронологической неточностью, — тѣмъ средствомъ, къ которому онъ самъ такъ часто прибѣгаетъ. Дѣло въ слѣдующемъ: письмо Ленокса было написано 11-го іюня, а извѣстно, что 22-го іюня Моррей уже предлагалъ шотландскую редакцію писемъ для просмотра. По Филиппсону, такимъ образомъ, приходится принять, что впродолженіе 11 дней совершено было слѣдующее: письмо графа Ленокса изъ Англіи (?) прошло къ Кравфорду въ Шотландію; Кравфордъ написалъ свое пока-

Вліяніе шотландскаго текста письма на составленіе показанія Кравфорда объясняется, по моему мнѣнію, гораздо легче. Я думаю, вмѣстѣ съ Гердесомъ, что то показаніе Кравфорда, которое дошло до насъ, есть лишь простая компиляція, составленная изъ данныхъ второго письма и оригинальнаго показанія самого Кравфорда [1]). Впрочемъ, это для насъ не особенно важно; намъ необходимо было только поколебать доводъ Филиппсона и Бресслау, утверждавшихъ, что второе письмо поддѣлано при помощи показанія. Нашей задачей было только показать, что сходство между письмомъ

заніе и отвѣтъ; потомъ, это показаніе получилъ гр. Леноксъ, прочелъ его, послалъ Мортону; тотъ переработалъ громадное второе письмо, потомъ извѣстилъ объ этомъ Моррея, а Моррей написалъ Мидлемору—и это все въ 11 дней. Пожалуй, этого ужъ и много для 11 дней. Впрочемъ, я этому не придаю особеннаго вѣса, какъ и вообще хронологической неточности, которая, какъ я уже неоднократно говорилъ, мало можетъ имѣть значенія. Въ данномъ же случаѣ, мнѣ кажется, я уже по одному тому имѣю право разсматривать хронологическую неточность, что не подлинность какого-нибудь документа оспариваю, а только стремлюсь лишь поколебать предположеніе, гипотезу, которая не основана ни на какихъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ фактахъ.

[1]) Самъ Кравфордъ объявилъ, когда ему прочитали показаніе, что оно хотя въ общемъ и вѣрно, но не совсѣмъ точно въ отдѣльныхъ словахъ („Though not percase in all parts the very words themselves“).

и показаніемъ можно объяснить иначе, не принимая поддѣлки письма. — Собственно мы перебрали всѣ доказательства, теперь которыя обыкновенно приводятся для того, чтобы показать подложность второго письма.

На остальныя письма, посланныя изъ Глазго (3-е, 4-е и 5-е письмо), историки обращаютъ мало вниманія, и не безъ основанія: эти письма, вообще, мало имѣютъ значенія для характеристики Маріи Стюартъ. Главная ихъ тема—любовь; письма переполнены любовными признаніями, любовными эпитетами. Конечно, все это, можетъ быть, очень интересно, но для насъ, прочитавшихъ 1-е и 2-е письмо, во всякомъ случаѣ, не ново. Впрочемъ, я не считаю возможнымъ пройти молчаніемъ тѣ доводы, которые обыкновенно приводятся для того, чтобы доказать ихъ подложность. Защитники шотландской королевы говорятъ, эти письма подложны потому, что ихъ слишкомъ много для четырехъ дней. Этотъ доводъ, понятно, очень слабъ, во-первыхъ, потому, что неизвѣстно, четыре дня пробыла Марія въ Глазго или больше и во-вторыхъ, потому, что Марія могла написать въ четыре дня и болѣе пяти писемъ. Это объясняется самымъ характеромъ писемъ:

Марія въ своихъ письмахъ сообщала Ботвеллю о всѣхъ событіяхъ, какія она только видѣла и переживала, надѣясь, что тотъ уже сдѣлаетъ надлежащее заключеніе изъ нихъ.

По мнѣнію Филиппсона, кромѣ того, 4-е письмо подложно, потому что въ началѣ письма Марія говоритъ, что она обѣщала отвезти мужа на слѣдующій день; отвезла же она мужа 27-го числа,—ergo, заключаетъ Филиппсонъ, она писала это письмо 26-го числа. Обѣщать—не значитъ же исполнить! Но даже предположивъ, что письмо написано 26-го числа, я не понимаю, въ чемъ тутъ особенное противорѣчіе. Правда, Филиппсонъ говоритъ, что Марія просила у Ботвелля инструкцій; и дѣйствительно, пожалуй странно со стороны Маріи наканунѣ отъѣзда просить объ инструкціяхъ человѣка, который въ это время находился отъ нея, по меньшей мѣрѣ, километрахъ въ семидесяти. Но дѣло въ томъ, что, я думаю, текстъ, столь смутившій Филиппсона, можно объяснить нѣсколько иначе. Мы не совсѣмъ понимаемъ, къ чему выраженіе: „mettre у ordre“ — Филиппсонъ переводитъ въ смыслѣ — „давать инструкцію“. Это выраженіе у Маріи, какъ это показалъ Бресслау, по большей части употреб-

ляется въ смыслѣ „дѣлать соотвѣтствующія распоряженія“. Если мы примемъ это толкованіе, то всѣ противорѣчія исчезнутъ [1]). — Что же касается до пятаго письма, то доказательство его подложности Филиппсонъ видитъ въ томъ, что Марія говоритъ въ немъ о горничной. По его мнѣнію, Марія не стала бы говорить о такихъ пустякахъ.

Пятымъ письмомъ оканчивается серія глазговскихъ писемъ. Письма шестое, седьмое и восьмое посланы Маріей изъ Стирлинга. Въ нихъ, какъ мы уже упомянули во введеніи, говорится о предполагаемомъ похищеніи Маріи. Намъ кажется очень страннымъ, что Филиппсонъ возстаетъ противъ ихъ подлинности, когда онъ же самъ, въ другой, конечно, связи, утверждаетъ, что похищеніе было

[1]) Нѣкоторые, и между прочимъ Гердесъ, указываютъ на то, что, судя по 4-му письму, между слугами и Маріей сложились слишкомъ фамильярныя для королевы отношенія. Въ этомъ они готовы видѣть подложность письма. „Неужели“, говоритъ между прочимъ Гердесъ, „Марія, воспитанная у самаго церемоннаго двора Европы, не научилась возбуждать въ слугахъ большее почтеніе“? Для того, чтобы понять неубѣдительность довода Гердеса, стоитъ только припомнить, что почти всѣ источники говорятъ какъ разъ противное и свидѣтельствуютъ, что Марія обращалась очень просто со слугами, даже слишкомъ просто: простыхъ сторожей, напр., во время заключенія она дѣлала повѣренными своихъ тайнъ.

дѣломъ, заранѣе условленнымъ. Доводы же его въ пользу подложности этихъ писемъ очень слабы. Я думаю, что я не сдѣлаю ошибки, если совсѣмъ обойду ихъ молчаніемъ.

Мы кончили наше разсмотрѣніе въ главныхъ чертахъ тѣхъ доводовъ, которые обыкновенно приводятся въ доказательство подложности писемъ, и пришли къ очень интересному результату: мы увидали, что всѣ доводы подложности писемъ основаны на шаткихъ и ничтожныхъ фактическихъ данныхъ и не выдерживаютъ критики. Неточность даты, отсутствіе желаемаго однообразія въ письмѣ—вотъ что является достаточнымъ основаніемъ, чтобы признать письмо подложнымъ. Это прямо—неосновательно и неосновательно съ методологической стороны! А между тѣмъ вѣдь въ подобную ошибку впадаютъ не какіе нибудь научные пролетаріи или желторотые юнцы, а Филиппсонъ, авторъ превосходнаго труда Les Origines du Catholicisme Moderne, Гердесъ, авторъ очень хорошей исторіи нѣмецкаго народа (вышелъ всего одинъ томъ) и много большихъ и умныхъ западно-европейскихъ ученыхъ. Не правда-ли, что все это не обычно, и странно для васъ, читатель.

Я нисколько не хочу сказать, что одни защитники Маріи Стюартъ, т. е., другими словами, противники подлинности писемъ грѣшатъ противъ правильнаго научнаго метода. Доводы, которые приводятся въ подтвержденіе подлинности писемъ, тоже очень слабы.

Доводовъ этихъ, правда, сравнительно не много: противники Маріи Стюартъ, вообще, мало обращаютъ вниманія на пресловутыя письма, а нѣкоторые изъ нихъ даже не упоминаютъ объ этихъ документахъ. Но увлеченіе споромъ, пристрастіе положили свою печать и на доводы въ пользу подлинности писемъ. Часто ничего незначущій фактъ противники несчастной королевы не колеблются истолковывать въ свою пользу, надѣясь этимъ доказать свою мысль. Но, конечно, этимъ они ничего не доказываютъ, а только затемняютъ ту часть истины, которая все-таки находится въ нѣкоторыхъ доводахъ. Я думаю, что не будетъ большой ошибки съ моей стороны, если я не стану подробно останавливаться на разборѣ доводовъ въ пользу подлинности писемъ. Упомяну только, что самые доводы, приведенные въ доказательство оригиналь-

ности писемъ учеными Бресслау и Гэдеке *), очень слабы. Бресслау видитъ доказательство своей мысли въ сходствѣ отрывковъ изъ „писемъ шкатулки" съ отдѣльными мѣстами изъ завѣдомо-подлинной переписки Маріи, совершенно забывая, что подобное сходство вовсе не доказываетъ принадлежности писемъ одному лицу, а свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что письма писались приблизительно въ одну и ту же эпоху и на томъ же языкѣ. Въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить, какъ это и показалъ Кардаунсъ, что „письма шкатулки" принадлежатъ Екатеринѣ Медичи, ибо между ея письмами и „письмами шкатулки" замѣчается также громадное сходство въ слогѣ.

Гэдеке видитъ доказательство подлинности писемъ въ отрывочности и неясности второго письма—именно въ томъ самомъ, въ чемъ защитники Маріи, и, между прочимъ, Филиппсонъ, видятъ доказательство подложности. Какъ сильно, стало быть, увлеченіе споромъ! Два человѣка одинаковаго почти образованія смотрятъ на одинъ и тотъ же фактъ, и одинъ по-

*) Въ первомъ его трудѣ; статья же его въ „Historische Zeitschrift" опровергаетъ только доводы „противъ", но почти не приводитъ доказательствъ за подлинность писемъ.

нимаетъ его въ извѣстномъ смыслѣ, а другой — какъ разъ наоборотъ.

Впрочемъ, у Гэдеке находится, кромѣ вышеприведеннаго довода, еще пять, но заимствованныхъ у предшественниковъ и, главнымъ образомъ, у Минье. Этотъ послѣдній приводитъ собственно два главныхъ довода, и довода очень солидныхъ. Онъ видитъ доказательство своей мысли, во-первыхъ, въ томъ, что письма передаютъ событія такъ правильно, такъ сходно со всѣми другими данными, что рѣшительно невозможнымъ становится предположить поддѣлку, — и, во-вторыхъ, въ томъ, что почти всѣ современники Маріи признавали подлинность этихъ писемъ. Я не буду возражать противъ подобнаго раздѣленія доводовъ, но скажу только, что, какъ мнѣ кажется, второе обстоятельство, приведенное Минье, представляетъ собою отчасти слѣдствіе изъ перваго, т. е. изъ фактическаго правдоподобія писемъ, отчасти же слѣдствіе другой причины, о которой не упоминаетъ Минье, именно—слѣдствіе правдоподобія внутренняго, такъ сказать, психическаго.

„Письма шкатулки“ такъ искренни, такъ горячо написаны, что совершенно понимаешь англійскихъ

комиссаровъ, которые прямо объявили, что поддѣлать эти документы невозможно. Эти письма, по мѣткому выраженію даже очень неостроумнаго Гейссера, дѣйствительно, благоухаютъ страстью; въ нихъ чувствуется солнце, югъ, прекрасная Франція, гдѣ лились серенады, гдѣ раздавался стихъ Ронсара, гдѣ все было пропитано страстью, любовью и нѣгой. Житель горной Шотландіи, гдѣ было все такъ дико, холодно, голо, гдѣ королеву встрѣчали не серенадами, а молитвенными псалмами, гдѣ для ея свиты подавали простыя телѣги, гдѣ царствовалъ Ноксъ, суровый и мрачный, какъ его великій женевскій учитель, — житель Шотландіи не могъ написать этихъ писемъ: на его языкѣ не было словъ страсти; онъ зналъ одни слова пресвитеріанской молитвы.

Да и потомъ, какъ могло постороннее лицо знать въ такой подробности всѣ мелкія обстоятельства жизни Маріи и Дарнлея. Очевидно, что поддѣлать письма, выдумать ихъ чрезвычайно было бы трудно: для того, чтобы сочинить эти документы, нужно было, говоря словами Фруда, быть вторымъ Шекспиромъ *). Впрочемъ, многіе стараются опроверг-

*) Даже Петрикъ думаетъ, что для того, чтобы сочинить „письма шкатулки“, нуженъ „замѣчательный“ фальсификаторъ. Ранке,

нуть и вышеприведенный доводъ; но всѣ попытки въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ. Попытокъ объяснить правдоподобность писемъ, не принимая ихъ подлинности, было нѣсколько: была попытка Госака и Скельтона; они думали, что „письма шкатулки“ (3-е, 4-е, 5-е) представляютъ собой письма Маріи къ Дарнлею, но ихъ гипотеза почти совсѣмъ оставлена. Существуютъ въ настоящее время только три гипотезы, которыя объясняютъ эту правдоподобность писемъ: гипотезы Сеппа, Гердеса и Карловы.

Книга Сеппа была встрѣчена очень враждебно ученымъ міромъ; даже противники подлинности писемъ, говоритъ Гедеке, „едва сдерживали смѣхъ“. И дѣйствительно, смѣшного у Сеппа много. Смѣшна, во-первыхъ, наивность автора, который совершенно серьезно передаетъ о томъ, какъ другой ученый прекратилъ съ нимъ переписку и посовѣтовалъ ему бросить предпринятый разборъ „писемъ шкатулки“; смѣшно посвященіе маленькой брошюры памяти матери, смѣшонъ выборъ громкихъ эпиграфовъ, смѣшна и та надежда, которую высказываетъ

въ правдоподобности этихъ документовъ видитъ рѣшительное доказательство ихъ подлинности (Englische Geschichte—I, 259—262).

въ концѣ книги авторъ,—надежда на то, что рыцарскій духъ, приказывающій защищать честь дамы (sic!) помѣшаетъ намъ въ 19 вѣкѣ осудить Марію. Все это смѣшно и не совсѣмъ соотвѣтствуетъ научному изслѣдованію.

Сеппъ прямо ставитъ вопросъ на религіозную почву, откровенно говоритъ про себя „мы католики“ и кончаетъ свое сочиненіе какимъ-то страннымъ въ устахъ объективнаго изслѣдователя обѣщаніемъ, что если историки, враждебные Маріи, возвратятъ ей доброе имя, то и они (т. е. другими словами—католики), съ своей стороны, склонны приписать Елизаветѣ меньшую вину. Этой собственно точкой зрѣнія и объясняется взглядъ Сеппа на письма: нѣмецкій ученый понялъ, что письма не могли быть сочинены, но не хотѣлъ признавать ихъ подлинными, поэтому онъ и принялъ, что „письма шкатулки“ представляли собой первоначально дневникъ Маріи. Въ этотъ-то дневникъ, по мнѣнію Сеппа, были вписаны компрометирующія Марію мѣста, а также и тѣ предложенія, которыя придаютъ этимъ документамъ видъ писемъ; нѣкоторыя же мѣста изъ дневника были исключены, и, такимъ образомъ, получились такъ называемыя „письма шкатул-

ки". Для доказательства своей мысли Сепиъ рѣшительно пренебрегаетъ фактическими доказательствами и носится въ туманной области гипотезъ. Правда, онъ издалъ цѣлую брошюру, посвященную доказательствамъ взгляда своего на письма, изложеннаго за годъ передъ этимъ (!?), но и въ этой спеціальной брошюрѣ онъ не привелъ ни одного факта въ пользу своего мнѣнія. Въ этой брошюрѣ онъ доказываетъ, да и то, впрочемъ, чрезвычайно слабо, что донесеніе Кравфорда не оказало вліянія на 2-е письмо, и пускается въ многорѣчивыя разсужденія о томъ, что компрометирующія Марію и придающія документамъ характеръ писемъ отдѣльныя мѣста сами по себѣ возбуждаютъ подозрѣнія, какъ придуманныя, что поэтому ихъ нужно откинуть (и откинувъ ихъ, мы получаемъ дневникъ Маріи, послужившій основаніемъ для т. н. „писемъ шкатулки"). Но разсужденія эти до такой степени слабы и скучны, что я, право, считаю возможнымъ пройти ихъ молчаніемъ *); я даже думаю, что самъ Сепиъ не смотрѣлъ на нихъ серьезно...

*) Сепиъ изъ всѣхъ силъ старается представить, что предложенія самыя простыя, самыя обыденныя не могли быть написаны Маріей. Марія, напримѣръ пишетъ Ботвеллю, что если

Я вовсе не хочу сказать, что и самый взглядъ Сеппа не достоинъ вниманія; напротивъ, несмотря на фактическую бездоказательность, мнѣніе Сеппа могло бы имѣть значеніе, какъ чистое предположеніе, уясняющее правдоподобность писемъ, не принимая ихъ подлинности. Но такого значенія взглядъ Сеппа не имѣетъ: если это гипотеза, то гипотеза, во всякомъ случаѣ, неудачная. Дѣйствительно, трудно, да и почти невозможно, представить, что „письма шкатулки" были первоначально дневникомъ Маріи. Самая мысль о томъ, что Марія въ одну изъ наиболѣе критическихъ минутъ своей жизни писала подробный дневникъ, въ который вносила безъ всякой необходимости всѣ, даже совершенно незначущія,

---

ему нравится, то пусть онъ сдѣлаетъ надлежащія распоряженія (относительно пріема Дарплея). Сеппъ же по поводу этого замѣчаетъ, что такъ какъ Ботвелль запретилъ Маріи переписываться съ нимъ, то онъ не исполнитъ ея приказанія, и заключаетъ изъ этого, что вышеупомянутая фраза не можетъ принадлежать Маріи. Какая здѣсь логическая послѣдовательность, рѣшительно не понятно. Или, напримѣръ, Марія высказываетъ желаніе, чтобы дьяволъ похитилъ двухъ лживыхъ существъ, которыми связаны Марія и Ботвелль (т. е. Дарплея и Жанну Гердопъ—жену Ботвелля). Сеппъ же на это замѣчаетъ, что Марія, будучи лживой, не могла обвинять другихъ въ лживости и что поэтому вышеупомянутое мѣсто вставлено кѣмъ нибудь другимъ. Доказательство, которое, я думаю, едва ли кого убѣдитъ!

обстоятельства,—рѣшительно неправдоподобна. Неправдоподобность усиливается еще тѣмъ, что 3-е, 4-е и 5-е письма Сенпъ считаетъ за отрывки изъ рѣчи Дарилея къ Маріи,—рѣчи, которую Марія записала въ своемъ дневникѣ. Дѣйствительно, къ чему было Маріи съ такой точностью записывать рѣчь Дарилея: вѣдь, собственно, 3-е, 4-е и 5-е письма, какъ мы говорили выше, полны любовными признаніями, эпитетами. Неужели Марія могла сохранить все это въ памяти, и потомъ, повторяю, къ чему ей было записывать все это... Кромѣ того, крайне неестественно предположить, что больной Дарилей могъ говорить столько времени: 3-е, 4-е и 5-е письма занимаютъ (у того же Сенпа) около 10-ти печатныхъ страницъ. Наконецъ, мы должны прибавить, что возстаемъ противъ Сенпа уже потому, что намъ кажется рѣшительно невозможнымъ приписывать Дарилею благоухающія строки „писемъ никатулки"; грубый, предающійся пьянству и порокамъ Дарилей неужели могъ произнести такую рѣчь, которая, даже перенесенная въ дневникъ Маріи, сохранила обаяніе нѣжной и пылкой страсти.

Внѣшняя форма писемъ также нѣсколько противорѣчитъ предположенію Сенпа. Послѣдній самъ

сознается въ этомъ, но говоритъ, что только во второмъ письмѣ наиболѣе очевидна первоначальная форма дневника, но и это надо понимать съ ограниченіемъ. Даже въ томъ видѣ писемъ, тщательно профильтрованномъ и измѣненномъ Сепномъ, нѣкоторыя выраженія рѣшительно не подходятъ къ дневнику. „Я во все время (бесѣды) отвѣчала мужу“,— пишетъ, напримѣръ, Марія.—„но обо всемъ написать было бы долго“.—фраза очень естественная въ письмѣ, но неособенно подходящая къ дневнику. Впрочемъ, на послѣднемъ доказательствѣ я не особенно настаиваю. Я думаю, что всего вышеприведеннаго достаточно, чтобы показать, насколько неудачно предположеніе Сепна, что письма шкатулки были первоначально дневникомъ Маріи. Обратимся теперь къ другой гипотезѣ,—гипотезѣ Гердеса.

Гердесъ ясно понялъ, что никто не могъ сочинить этихъ писемъ: поддѣлку писемъ онъ пытается объяснить тоже чрезвычайно смѣлой гипотезой (собственно, мы называемъ ее гипотезой, а Гердесъ придаетъ своему толкованію болѣе серьезное значеніе): онъ принялъ, что письма 4-е, 5-е и 6-е суть письма Дарнлея къ Маріи; письма первое и второе—письма Маріи къ Моррею; письмо 8-е есть письмо шотландскаго

вельможи Роберта Стюарта къ Маріи, а седьмое письмо—письмо королевы къ Моррею по поводу Роберта Стюарта. Въ эти-то письма, какъ полагаетъ далѣе Гердесъ, и были поддѣлывателемъ включены незначительные фрагменты, обвиняющіе Марію въ убійствѣ мужа, причемъ нѣкоторыя фразы самыхъ писемъ также были измѣнены.

Но Гердесъ совсѣмъ не приводитъ доказательствъ для подтвержденія своего мнѣнія. Такъ, напр., мы не видимъ ни малѣйшаго основанія, почему 4-е письмо нѣмецкій профессоръ считаетъ письмомъ Дарнлея къ Маріи. Онъ только приводитъ доказательство подложности письма; потомъ начинаетъ разбирать стоящую въ началѣ письма фразу: „je luy ay promise de lui mener demain“ и говоритъ, что Лединтонъ въ Іоркѣ неправильно объяснилъ ее, замѣчая, при этомъ, что она означала другое, а потомъ вдругъ, совершенно внезапно, заключаетъ, что, вѣроятно, здѣсь стояла не эта фраза, а слова: „Vous m'avez promis de me mener demain“—слова, съ которыми Дарнлей будто бы обратился къ Маріи.

Не давъ опомниться отъ этого, Гердесъ, для подтвержденія своей мысли, приводитъ переводъ тек-

ста, очищеннаго отъ компрометирующихъ свидѣтельствъ. — переводъ до такой степени произвольный, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ смыслъ совершенно измѣняется. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ стоитъ глаголъ: excuser (въ латинск. перев. excusare)—извинять: Гердесъ же смѣло его переводитъ словомъ «исполнять», чѣмъ очень измѣняетъ смыслъ текста въ свою пользу, и переводитъ только на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, здѣсь, вѣроятно, стоялъ глаголъ executer вмѣсто excuser; но почему „вѣроятно", на это Гердесъ такъ и не даетъ отвѣта. Впрочемъ, нѣсколько ниже Гердесъ приводитъ слѣдующія доказательства справедливости своего взгляда въ этомъ случаѣ. Доказательство того, что письма 4-е, 5-е и 6-е принадлежатъ Дарилею. Гердесъ видитъ въ томъ, что тонъ и слогъ ихъ похожъ на тонъ тѣхъ мѣстъ 1-го и 2-го письма, въ которыхъ передается бесѣда Дарилея. Намъ кажется, что всякій безпристрастный человѣкъ увидѣлъ бы въ этомъ подтвержденіе той мысли, что всѣ письма принадлежатъ одному лицу—Маріи, ибо странно было бы предположить, что Марія передавала бесѣды свои съ мужемъ слогомъ этого послѣдняго, а не своимъ собственнымъ. Въ самомъ крайнемъ случаѣ могли,

можетъ быть, сохраниться отдѣльныя выраженія. Другое доказательство своей мысли Гердесъ видитъ въ томъ, что письма 4-е и 6-е по своему содержанію сходны съ бесѣдами Дарилея. Еслибы это дѣйствительно и было такъ, то рѣшительно ничего бы собою не обозначало: положеніе Дарилея въ его бесѣдахъ и Маріи въ ея письмахъ было въ общемъ довольно похоже, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, еслибы Дарилей два или три раза сказалъ Маріи то же, что послѣдняя писала Ботвеллю. Но дѣло въ томъ, что утвержденіе Гердеса фактически невѣроятно: сходство даже между отрывками, приведенными имъ, иногда совсѣмъ не замѣчается *). Такимъ образомъ, мы видимъ, что утвержденіе Гердеса не имѣетъ подъ собой никакого фактическаго основанія. Это простая гипотеза, да и гипотеза неудачная. Стоитъ только прочесть мемуары Но (Nau), чтобы убѣдиться въ томъ, что невозможно, чтобы Дарилей, этотъ грубый, развратный мальчишка,

*). Вотъ, для примѣра, такъ называемый отрывокъ 7-й.

Gif J may obtene pardon J protest J sall never mak fault agon.	Je pris Dieu... donner... a moi votre bonne grace, comme je seul bien, que je desire et a quoy je tends.

Неужели здѣсь существуетъ сходство въ содержаніи!

своею отяжелѣвшею отъ вина рукою могъ написать эти чисто женскія письма.

Подъ конецъ Гердесъ переходитъ ко 2-му письму: по его мнѣнію, это письмо было первоначально письмомъ Маріи къ Моррею. Оно не могло быть адресовано Ботвеллю, во-первыхъ, потому, что въ письмѣ говорится о братѣ адресата, а у Ботвелля не было брата; во-вторыхъ, потому, что въ письмѣ говорится, что Дарнлей не любилъ адресата, а объ непріязненныхъ отношеніяхъ между Дарнлеемъ и Ботвеллемъ ничего неизвѣстно; въ-третьихъ, потому, что Ботвелль не могъ интересоваться тѣми серьезно-политическими извѣстіями, которыми переполнено это письмо.

На это можно возразить слѣдующее. Во-первыхъ, хотя у Ботвелля и не было брата, но у него былъ свояк (brother in law—beau-frère), причемъ слѣдуетъ замѣтить, что какъ въ остальныхъ частныхъ письмахъ Маріи, такъ и въ офиціальныхъ актахъ ея царствованія свояк называется просто братомъ. Въ такъ называемомъ протоколѣ 1-го показанія слуги Ботвелля, Пэрса, тотъ же Гуонтли названъ просто братомъ. Во-вторыхъ, что касается до враждебныхъ отношеній между королемъ

и Ботвеллемъ, то о нихъ упоминается въ дипломатическихъ актахъ; по крайней мѣрѣ, Филиппсонъ говоритъ, что Дарнлей питалъ ревность къ Ботвеллю изъ-за вліянія на королеву; да и Ботвелль все-таки стоялъ въ строю противниковъ короля. Въ-третьихъ, Гердесъ удивляется, какъ могли интересовать Ботвелля серьезныя политическія новости; но нѣмецкій ученый забываетъ, что во второй половинѣ 1566 года Ботвелль былъ совѣтникомъ королевы. Наконецъ, мы должны прибавить, что рѣшительно возстаемъ противъ утвержденія Гердеса, возстаемъ уже потому, что Марія въ началѣ 1567 года вовсе не была способна писать такія довѣрчивыя письма своему брату. 17-го іюня 1566 года Рандольфъ писалъ Сесилю, что шотландская королева узнала о томъ, что Моррей предлагалъ свои услуги англичанамъ и что Марія, такимъ образомъ, разгадала своего брата: она прямо сказала про него, что онъ измѣнникъ и лишь прикрывается религіей. Я думаю, вышеприведенныхъ фактовъ будетъ достаточно для того, чтобы показать всю несостоятельность взгляда Гердеса. А между тѣмъ этотъ взглядъ пользуется правомъ гражданства въ наукѣ.

Пользуется или не пользуется правомъ граждан-

ства въ наукѣ взглядъ профессора Карловы, я, право, не знаю. Да, собственно говоря, оригинальнаго взгляда совершенно нѣтъ у профессора Карловы. Онъ держится чего-то средняго между Сеппомъ и Гердесомъ; одни письма (между прочимъ второе) онъ считаетъ лишь измѣненнымъ дневникомъ Маріи, другія—письмами Дарлея къ королевѣ. Въ наукѣ книга Карловы не имѣетъ никакого значенія, но, можетъ быть, пользуется распространеніемъ.

Я думаю, что книги Гердеса, Сеппа, Карловы имѣютъ успѣхъ вовсе не благодаря своей убѣдительности (о ней можно судить по всему вышесказанному), а только благодаря тому, что онѣ пытаются хотя нѣсколько объяснить правдоподобность писемъ, не признавая ихъ подлинности, что для многихъ очень пріятно. Это имъ не удалось, такъ что они нисколько не колеблютъ подлинности писемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ фактомъ существованія книги Сеппа, Гердеса и Карловы еще болѣе подчеркиваютъ силу того довода въ пользу подлинности писемъ, который былъ приведенъ въ первый разъ три вѣка тому назадъ еще англійскими комиссарами. Послѣдніе прямо объявили, что эти письма такъ правдоподобны, что сочинить ихъ рѣшительно невоз-

можно. И вотъ зачѣмъ то извѣстные современные европейскіе ученые пишутъ изслѣдованія и цѣлые годы трудятся только для того, чтобы ниспровергнуть этотъ доводъ, сохранившій свою силу по прошествіи трехъ вѣковъ. Но всѣ усилія ихъ, по моему, тщетны. Правдоподобность писемъ, ихъ естественность находятъ единственное объясненіе въ оригинальности документовъ. Впрочемъ, мы подождемъ рѣшительно высказываться въ пользу подлинности писемъ. Разбора писемъ, которымъ мы заняли всѣ предшествующія страницы, недостаточно для рѣшенія вопроса,—подлинны или не подлинны эти документы, виновата или не виновата Марія въ убійствѣ мужа.

Мы полагаемъ, что для правильнаго рѣшенія вопроса о подлинности писемъ необходимо также посмотрѣть, насколько соотвѣтствуютъ эти письма положенію и характеру Маріи. „Письма шкатулки“ являются лишь отдѣльнымъ звеномъ въ цѣлой цѣпи событій изъ жизни королевы. Разсматривать какой-нибудь фактъ, не принимая во вниманіе окружающія его обстоятельства, по меньшей мѣрѣ, не логично. Если, напр., мы бы имѣли твердыя не-

опровержимыя свидѣтельства, что въ январѣ 1567 года, равно какъ и позднѣе, Марія любила своего мужа и ненавидѣла Ботвелля, то можно бы совершенно отвергнуть подлинность писемъ. Или, также, еслибы мы изъ остальныхъ событій жизни Маріи ясно видѣли, что она всюду являлась образцомъ невинности и супружеской вѣрности, то было бы болѣе шансовъ признать, что Марія не писала этихъ писемъ. Но историки, спеціально занимающіеся изслѣдованіемъ ихъ, рѣдко обращаютъ на это вниманіе. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ изслѣдователей этого вопроса, д-ръ Бресслау, даже гордится тѣмъ, что въ рѣшеніи вопроса о подлинности писемъ онъ стоялъ на почвѣ одного только объективнаго разбора писемъ и не руководился сложившимся представленіемъ о характерѣ Маріи. По правдѣ сказать, мы рѣшительно не понимаемъ, чѣмъ тутъ гордиться! Вѣдь и на судѣ не ограничиваются однѣми уликами: вѣдь спрашиваютъ же свидѣтелей о характерѣ подсудимаго, о томъ, могъ ли онъ совершить это преступленіе или нѣтъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что Бресслау иногда и принимаетъ во вниманіе характеръ дѣйствующихъ лицъ и окружающія обстоятельства; во второй статьѣ онъ посвящаетъ даже около 3-хъ страницъ разбору

окружающихъ обстоятельствъ, для того, чтобы рѣшить, могла ли Марія написать 7-е и 8-е письма, но дѣлаетъ это онъ съ какими-то оговорками, точно стыдится своего ненаучнаго пріема... Изъ писателей, занимающихся этимъ вопросомъ, только Онкенъ *) и Филиппсонъ обратили вниманіе на односторонность изслѣдованій о „письмахъ шкатулки“. Мы не будемъ разбирать Онкена и остановимся на одномъ Филиппсонѣ.

Статьи Филиппсона въ Revue Historique, прошедшія почти незамѣтно, имѣютъ громадное значеніе уже потому, что въ нихъ находится чрезвычайно богатый матеріалъ для ознакомленія съ тѣми обстоятельствами, которыя находятся въ непосредственной связи съ самими письмами и убійствомъ Дарнлея. Именно, у Филиппсона приведенъ въ послѣднихъ статьяхъ цѣлый рядъ строго провѣренныхъ фактовъ — и фактовъ первостатейной важности—для правильнаго рѣшенія вопроса о подлинности писемъ, о виновности Маріи. Факты эти заимствованы изъ источниковъ троякаго рода: изъ

*) Онкену слѣдуетъ его ученикъ Беккеръ.—Maria Stuart, Darnley, Bothwell. 1881.

судебныхъ показаній, изъ сочиненій современныхъ Маріи историковъ и изъ дипломатическихъ донесеній. Мы стараемся, насколько возможно, не обращать вниманія на мелочи *), и поэтому принимаемъ безъ возраженій дѣленіе Филиппсона. Но мы не совсѣмъ сходимся съ Филиппсономъ относительно тѣхъ выводовъ, которые онъ дѣлаетъ изъ приведенныхъ имъ фактовъ. Ученый думаетъ, что судебныя показанія подтверждаютъ невинность Маріи, а сочиненія историковъ и депеши дипломатовъ нисколько не свидѣтельствуютъ противъ Маріи. Мы же думаемъ какъ разъ наоборотъ: по нашему мнѣнію, судебныя показанія рѣшительно ничего не говорятъ въ пользу Маріи, сочиненія же историковъ и донесенія дипло-

*) Историки, занимающіеся вопросомъ о подлинности „писемъ шкатулки“, иногда чрезвычайно мелочны; на это справедливо жалуется Гэдеке въ своей статьѣ. Но мы рѣшительно не понимаемъ, какъ этотъ ученый видитъ мелочность историковъ въ томъ, что они обращаютъ вниманіе на точность цитаты: неправильность цитаты вовсе не мелочь, а очень тяжкое преступленіе со стороны историка. Впрочемъ, кстати замѣтить, на точность цитаты вообще обращаютъ сравнительно мало вниманія. Даже Бреслау не чуждъ этого недостатка; такъ, напр., онъ выдергиваетъ отдѣльныя предложенія и безъ всякаго основанія соединяетъ ихъ въ одно. And I'll go to Edinbourgh... (—) I pray you send me word from you at large and what I schall dod, if you be not retourned, when I schall be there... (;) fut that...

матовъ, напротивъ, чрезвычайно сильно свидѣтельствуютъ противъ Маріи.

Я рѣшительно поражаюсь, когда читаю статьи Филиппсона. Какое чистое научное трудолюбіе и какія ошибки противъ метода. Разборъ судебныхъ показаній приводитъ Филиппсона къ заключенію, что Марія невинна въ убійствѣ мужа, и, слѣдовательно, письма подложны. Именно, Филиппсонъ утверждаетъ, что преступленіе было совершено протестантскою знатью изъ чисто религіозныхъ цѣлей и безъ участія королевы. По его мнѣнію, показанія, компрометирующія Марію, или вымучены пыткой, или подложны и не имѣютъ, поэтому, никакого вѣса. Только одно показаніе, думаетъ онъ, носитъ печать истины, это — 1-е показаніе Пэрриса; а въ этомъ показаніи не упоминается о Маріи и говорится, со словъ, впрочемъ, другого, что въ преступленіи принимали участіе два или три протестантскихъ вельможи — обстоятельство, которое, по мнѣнію Филиппсона, именно и доказываетъ, что убійство Дарнлея было совершено изъ религіозныхъ цѣлей протестантской знатью. Относительно религіознаго характера убійства неопровержимо, по мнѣнію Филиппсона, свидѣтельствуютъ

также и нѣкоторыя не совсѣмъ, впрочемъ, отчетливыя извѣстія о томъ, что передъ моментомъ казни осужденные за убійство Дарнлея каялись и въ числѣ своихъ сообщниковъ называли нѣкоторыхъ изъ представителей протестантской партіи въ Шотландіи. Этимъ собственно и исчерпываются доводы Филиппсона въ пользу того, что Марія невинна въ убійствѣ Дарнлея; насколько они сами по себѣ доказательны, предоставляю судить другимъ.

Но доводы Филиппсона не убѣдительны уже потому, что они не имѣютъ подъ собой никакой фактической основы, начиная уже съ того, что Филиппсонъ рѣшительно по одному только произволу принимаетъ и отвергаетъ показанія. Я, по крайней мѣрѣ, не понимаю, на какомъ основаніи Филиппсонъ откинулъ компрометирующія Марію показанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по какому праву онъ принялъ благопріятное королевѣ 1-е показаніе Пэриса. Правда, онъ говоритъ, что показанія, враждебныя Маріи, или, по крайней мѣрѣ, два изъ нихъ (Гая и Гепбюрна) не имѣютъ никакого значенія, потому что они передаютъ, что порохъ былъ положенъ въ спальню королевы, и, такимъ образомъ, «несогласны съ обстоятельствомъ, которое внѣ всякаго сомнѣнія, а

именно, что домъ былъ весь разрушенъ и, между прочимъ, и его основаніе» ,—но это обстоятельство, во-первыхъ, вовсе не внѣ всякаго сомнѣнія *), а во-вторыхъ, почему же тогда Филиппсонъ принялъ и 1-е показаніе Пэрпса,—показаніе, которое точно также передаетъ, что порохъ былъ принесенъ въ спальню королевы. Чтобы быть послѣдовательнымъ, нужно было бы и его отвергнуть. Это, дѣйствительно, большая ошибка со стороны Филиппсона: онъ рѣшительно объявилъ, что пороха не было въ комнатѣ королевы, отвергъ на основаніи этого компрометирующія Марію показанія, а между тѣмъ чуть ли не черезъ 2 страницы послѣ этого принялъ 1-е показаніе Пэрпса, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что порохъ былъ въ комнатѣ королевы. Такъ что я, по крайней мѣрѣ, не знаю, былъ ли порохъ въ комнатѣ Маріи или его не было. Эта непослѣдо-

*) Домъ, собственно говоря, вовсе не былъ разрушенъ до основанія, такъ чтобы не осталось камня на камнѣ, какъ утверждаетъ Филиппсонъ на основаніи манифеста шотландскаго парламента. По всей вѣроятности, какая-либо часть стѣны осталась. Какъ извѣстно, подъ обломками найденъ невредимымъ слуга Дарнлея—Нельсонъ. Еслибы дѣйствительно не осталось камня на камнѣ, то Нельсонъ, конечно, погибъ бы. Очевидно, эти слова шотландской прокламаціи, которыя такъ смутили Филиппсона, были сказаны „такъ", для эффекта.

вательность произошла, конечно, невольно. Мы не имѣемъ права обвинять Филиппсона въ умышленной подтасовкѣ, но все таки фактъ остается фактомъ, непослѣдовательность — непослѣдовательностью, и указывать на то, въ какія крупныя ошибки впадаютъ даже большіе западные ученые.

Филиппсонъ стремится во чтобы то ни стало оправдать Марію Стюартъ и съ радостью принимаетъ безъ всякихъ возраженій показаніе Пэрриса, которое, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ о невинности Маріи. Но въ этомъ показаніи не говорится о Маріи, и Филиппсонъ видитъ доказательство ея невинности въ томъ, что о ней не упоминается въ томъ числѣ заговорщиковъ, о которыхъ Ботвелль сообщилъ Пэррису. Но развѣ подобное доказательство — ex silentio — достаточно убѣдительно! Впрочемъ, Филиппсонъ придаетъ еще громадное значеніе тому, что въ числѣ заговорщиковъ Ботвелль назвалъ нѣсколько лицъ, стоявшихъ во главѣ протестантской партіи. Это обстоятельство да еще смутные слухи о предсмертныхъ признаніяхъ заговорщиковъ даютъ ему возможность разсматривать убійство Дарнлея, какъ плодъ громаднаго заговора кальвинистской знати Шотландіи, какъ результатъ не-

ненависти протестантовъ къ католику. Мы не будемъ говорить, что утвержденіе Филиппсона рѣшительно ни на чемъ не основано. Кой-какіе смутные слухи да еще показаніе Пэрриса со словъ Ботвелля, который, какъ сознается и самъ Филиппсонъ, говорилъ неправду гораздо чаще, чѣмъ правду, едва ли убѣдятъ кого-либо; а если и убѣдятъ, то лишь въ участіи двухъ или трехъ протестантовъ въ убійствѣ Дарнлея. Что же касается до существованія громаднаго религіознаго заговора, то это полнѣйшая выдумка Филиппсона, да и выдумка неудачная.

Мы не согласны съ Филиппсономъ на основаніи чисто общихъ соображеній. По нашему мнѣнію, приписывать религіозный характеръ убійству Дарнлея рѣшительно невозможно уже потому, что Дарнлей вовсе не былъ ярымъ католикомъ, такъ что повредить шотландскому протестантизму онъ рѣшительно не могъ. Къ чему же было его убивать? Да и кромѣ того, интересы религіи вовсе не были близки шотландской знати. «Шотландскіе бароны», говоритъ французскій посолъ, «не вѣрятъ ни Богу, ни чорту».

И дѣйствительно, религія была для нихъ лишь маской, плащемъ, подъ которымъ они скрывали свои низменныя стремленія. «Они лишь прикрываются

религіей»,—говоритъ про нихъ Марія. Какъ мало значила для нихъ религія, ясно уже изъ того, что многіе протестанты впослѣдствіи защищали Марію противъ своихъ единовѣрцевъ, а Марія была въ тысячу разъ опаснѣе для протестантизма, чѣмъ Дарнлей. Кромѣ того, повторяю, большинство заговорщиковъ были католики: въ убійствѣ Дарнлея принимали участіе даже французы изъ свиты Маріи, которые изъ всѣхъ силъ старались о торжествѣ католицизма въ Шотландіи. Предположить, что они помогали протестантамъ въ борьбѣ съ католицизмомъ, значитъ предполагать, что они сами завѣдомо обрекали себя на погибель; а это совершеннѣйшая нелѣпость... Я думаю, этого достаточно, чтобы понять, что приписывать религіозный характеръ убійству Дарнлея рѣшительно невозможно. А такимъ образомъ, приходится откинуть послѣдній, да и почти единственный, доводъ въ пользу невинности Маріи,—доводъ, почерпнутый Филиппсономъ изъ разбора судебныхъ показаній; приходится принять, что факты, заимствуемые изъ судебныхъ показаній, нисколько не колеблютъ подлинности писемъ.

Нисколько не колеблютъ подлинности писемъ и тѣ факты, которые заимствованы Филиппсономъ изъ

сочиненій современныхъ Маріи историковъ и изъ донесеній дипломатовъ и, напротивъ, даже они очень сильно свидѣтельствуютъ въ пользу ихъ оригинальности. А именно: изъ нихъ ясно, что Марія послѣ убійства Ризіо начала смертельно ненавидѣть своего мужа, и эта ненависть продолжалась до самой смерти послѣдняго. Главнымъ лицомъ при дворѣ королевы былъ Ботвелль. Марія подозрѣвала о заговорѣ, но не принимала никакихъ мѣръ для его предотвращенія. Когда же убійство было совершено, Марія вовсе не думала мстить или наказывать злодѣевъ; напротивъ, черезъ два мѣсяца послѣ смерти мужа она отдала свою руку главному злодѣю—Ботвеллю, котораго продолжала любить до самой своей смерти. Эти выводы сдѣланы вовсе не мной, сдѣлалъ ихъ Филиппсонъ, обвинить котораго тутъ въ пристрастіи*)

*) Двѣ послѣднія статьи Филиппсона написаны съ гораздо большимъ безпристрастіемъ. Мы почти ничего не имѣемъ возразить противъ нихъ. Мы только въ нѣкоторыхъ мелочахъ встрѣтили у Филиппсона неточности; такъ, напр., въ показаніи Мортона, для опроверженія котораго Филиппсонъ ничего не приводитъ, сказано, что такъ называемый Бондъ Энсли-Супперъ, на которомъ было рѣшено просить Марію о бракѣ съ Ботвеллемъ, былъ заключенъ по письменному приказу самой королевы; а въ 4-й своей статьѣ Филиппсонъ говоритъ, что Бондъ этотъ былъ дѣломъ одного Ботвелля.

рѣшительно невозможно. Дѣйствительно, какъ ни какъ, эти выводы все таки не совсѣмъ въ пользу Маріи и указываютъ скорѣй на виновность Маріи, чѣмъ на ея невинность. Разъ мы примемъ, что Марія ненавидѣла своего мужа, была рада его смерти и по своей волѣ черезъ два мѣсяца послѣ катастрофы вышла замужъ за Ботвелля, который и былъ главой заговорщиковъ,—если мы, повторяю, примемъ все это, то намъ будетъ трудно да и почти невозможно признавать невинность Маріи, доказывать подложность писемъ.

Кто хоть сколько нибудь знаетъ исторію Маріи, тотъ едва ли скажетъ, что Марія обладала такимъ твердымъ характеромъ, такими непоколебимыми принципами нравственности, чтобы имѣть силы бороться съ искушеніемъ, до конца остаться вѣрной ненавистному мужу и не помогать заговору, который клонился къ ея освобожденію. Вся предыдущая, равно какъ и послѣдующая жизнь Маріи не представляетъ ни одного поступка, ни одного дѣйствія, которое могло быть истолковано въ пользу того, что Марія имѣла хоть какой-нибудь строго опредѣленный кодексъ нравственныхъ правилъ. Напротивъ, нѣкоторые ея поступки свидѣтельствуютъ противъ этого. Но, я

боюсь особенно на этомъ настаивать. Жизнь Маріи Стюартъ до сихъ поръ, какъ это ни странно на первый взглядъ, такъ мало обработана, что ни одного рѣзкаго, твердо опредѣленнаго факта нельзя привести изъ біографіи шотландской королевы. Хотя, напримѣръ, я рѣшительно не знаю, жалѣла и плакала о своемъ первомъ мужѣ, Франциске II, Марія или нѣтъ? Гердесъ передаетъ, что она чуть не умерла отъ горя, а другіе историки говорятъ, что она и послѣ смерти Франциска не прекращала любовныхъ исторій.

Мнѣ кажется, что строгую нравственность Маріи можно отрицать на основаніи чисто общихъ соображеній; Маріи не откуда было получить строгихъ нравственныхъ правилъ. Она воспитывалась при французскомъ дворѣ Генриха II. А я думаю, никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что это былъ, говоря словами Минье, самый блестящій, но вмѣстѣ съ тѣмъ самый развратный дворъ всей Европы. Стоитъ только прочесть Брантома *), а въ особенности,

*) Упомянувъ о Брантомѣ, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что книги этого послѣдняго важны нетолько благодаря своему фактическому матеріалу, которымъ и воспользовался между прочимъ Минье, но также важны и сами по себѣ, по своему тону

«Les vies des femmes galantes», чтобы понять, до чего можетъ пасть человѣкъ, до чего можетъ дойти нравственная распущенность. Остается только изумляться, какъ могли историки типа Гердеса съ такимъ стараніемъ выписывать дѣвственно-чистый образъ шотландской королевы. Неужели они думали, что на больномъ деревѣ можетъ вырости здоровый плодъ? Да и потомъ, еслибы Марія обладала строгой нравственностью, то это была бы такая странность, это бы звучало такимъ диссонансомъ среди всеобщей оргіи, что, безъ сомнѣнія, Марію выдѣлили бы изъ всеобщаго ряда, непремѣнно похвалили бы за ея добродѣтель. А между тѣмъ, если Марія Сто-

по тому міровоззрѣнію, которое сквозитъ въ нихъ, по самой личности автора, которая очень рельефно обрисовывается въ его „Les vies des femmes galantes“. Брантомъ—это сынъ своего вѣка: въ мутной и развратной атмосферѣ французскаго двора онъ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, съ наслажденіемъ разсказываетъ онъ различныя скандальныя исторіи, унивается ими и нисколько не стѣсняется громко говорить объ этомъ. Для него нѣтъ ничего святого; даже сочиненія святыхъ отцовъ и Ветхій завѣтъ не оставляетъ онъ въ покоѣ. Очень жаль, что этой субъективной стороной книги Брантома еще до сихъ поръ почти никто не воспользовался при характеристикѣ французскаго двора того времени. Сенъ-Бёфъ въ своемъ чрезвычайно важномъ для характеристики той эпохи „Tableau de la poésie Française“—совсѣмъ не упоминаетъ о Брантомѣ, Буркхардтъ же прямо говоритъ (II, 66), что Брантомомъ главнымъ образомъ руководила чувственность.

артъ и выдѣляется изъ числа своихъ современницъ, то развѣ лишь количествомъ существующихъ про нее грязныхъ исторій.

Итакъ, повторяю, предполагать, что Марія, ненавидя своего мужа, съ нетерпѣніемъ ожидая его смерти, осталась вѣрной своему долгу и не помогала освобожденію своему отъ ненавистнаго супружескаго ига,—предполагать это—значитъ говорить противъ исторической правдоподобности. Такимъ образомъ, и изъ разбора обстоятельствъ, связанныхъ съ убійствомъ Дарнлея и предыдущей жизни Маріи, мы приходимъ къ заключенію, что не только Марія могла написать „письма шкатулки“, но даже, по всей вѣроятности, и написала ихъ, т. е. приходимъ къ выводу, къ которому мы пришли и при разборѣ писемъ, а именно, что „письма шкатулки“ подлинны. Конечно, подлинность писемъ мы не доказали математически ясно, да намъ и не хотѣлось доказывать! Право, для исторіи вовсе не такъ важно, убила ли Марія Стюартъ своего мужа или нѣтъ. Мы принимаемъ письма подлинными, но вовсе не имѣемъ причины видѣть въ Маріи не человѣка, а какого-то дикаго звѣря, какъ это дѣлаетъ Фрудъ. Напротивъ, 2-е письмо, какъ намъ кажется,

чрезвычайно сильно свидѣтельствуетъ въ пользу того, что въ Маріи еще не умеръ человѣкъ. Во 2-мъ письмѣ мы видимъ борьбу слабыхъ нравственныхъ понятій съ охватившей все существо Маріи страстью. Страсть побѣдила, унесла Марію, завертѣла и ниспровергла ее въ омутъ злодѣйства... Судьба наказала ее за это чрезвычайно сурово. Я совершенно понимаю Робертсона, который закончилъ характеристику Маріи Стюартъ словами Брантома: „Никто не прочтетъ исторію Маріи Стюартъ безъ сожалѣнія“, но мнѣ не хочется все таки окончить такъ мой очеркъ.

Я все таки желалъ бы, чтобы читатель понялъ, съ какою цѣлью я заставилъ его проскучать цѣлыхъ семьдесятъ страницъ. Мнѣ хотѣлось показать, что не всѣ западные ученые безгрѣшны и не всѣ нѣмецкіе профессора безпристрастны. Ахъ, какъ бы я былъ радъ, еслибы читатель призналъ бы этотъ выводъ вѣрнымъ. Право, намъ нужно хоть немного отнестись критически къ западной наукѣ и не разбивать себѣ лобъ передъ ней. Разбиваютъ лобъ свой — одни дѣти и дикари. А намъ пора перестать быть и тѣми и другими.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ

И

ЕГО ИЗМѢНА.

Два съ половиной вѣка прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ погибъ Валленштейнъ, но его личность все также загадочна, все также таинственна, какою и была въ мрачную и печальную эпоху тридцатилѣтней войны... Что за человѣкъ былъ въ самомъ дѣлѣ Валленштейнъ? Что онъ думалъ, о чемъ онъ заботился, къ чему онъ стремился? Мечталъ-ли онъ о торжествѣ и могуществѣ своего императора или-же желалъ ниспровергнуть его? Идеальные-ли помыслы волновали его грудь или-же простое личное честолюбіе снѣдало его душу..? На всѣ эти вопросы современная наука не даетъ положительнаго отвѣта: вопросъ о Валленштейнѣ является однимъ изъ самыхъ спутанныхъ и спорныхъ вопросовъ всеобщей исторіи. Все дѣло въ главныхъ чертахъ своихъ сводится къ вопросу о характерѣ сношеній Валленштейна со Шведами и Саксонцами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Валленштейнъ сносился съ врагами, но опредѣленно нельзя сказать, съ какою цѣлью онъ

дѣлалъ это. Кромѣ того, съ достаточной ясностью не установлено еще время этихъ сношеній. Одни утверждаютъ, что онъ, заботясь о личной выгодѣ, сносился съ врагами уже въ то время, когда послѣ Регенсбургскаго сейма, отставленный отъ должности, проживалъ частнымъ человѣкомъ въ Прагѣ, другіе же отрицаютъ это и утверждаютъ лишь, что онъ велъ переговоры съ врагами только тогда, когда былъ уже главнокомандующимъ императорскихъ войскъ, и что цѣлью этихъ переговоровъ было благо императора. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что вопросъ почти никогда не ставится такъ опредѣленно: во мнѣніяхъ относительно Валленштейна существуетъ такая масса оттѣнковъ, что рѣшительно трудно найти двухъ историковъ, которые одинаково-бы смотрѣли на Валленштейна.

Альбрехтъ Валленштейнъ или, какъ называютъ его современные нѣмецкіе ученые „Вальдштейнъ“, происходилъ изъ довольно стариннаго, но небогатаго дворянскаго рода. Родился 24 сентября 1583 года или 14 сентября (если принять дату существовавшаго въ то время въ Богеміи старинаго календаря). Родители его были протестанты, и когда они умерли, оставивъ его двѣнадцатилѣт-

нимъ сиротой,—его къ себѣ въ домъ взялъ дядя, тоже протестантъ — Альбрехтъ Славата. Но Валленштейнъ пробылъ у него не долго: другой дядя взялъ его къ себѣ. Этотъ дядя былъ католикомъ; онъ помѣстилъ молодого Валленштейна въ Іезуитскую коллегію. Послѣ Іезуитской коллегіи Валленштейнъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые источники, занимался въ Альтдорфскомъ университетѣ и былъ, кромѣ того, въ Италіи (въ Падуѣ). Окончивъ образованіе, Валленштейнъ поступилъ на службу къ императору Рудольфу II-му. Въ 1617 году онъ организуетъ на свои средства полкъ и помогаетъ имъ Эрцгерцогу Штирійскому Фердинанду. Этимъ, собственно, и начинается цѣлый рядъ услугъ Валленштейна Фердинанду. Мы не станемъ въ подробности разсматривать ихъ. Скажемъ только, что онѣ были настолько значительны, что въ 1622 году императоръ жалуетъ Валленштейну, въ благодарность за нихъ, герцогство Фридландское. Въ 1625 году Валленштейнъ предлагаетъ императору организовать войско и берется содержать его на свои средства. Императоръ соглашается. Благодаря своему войску, Валленштейнъ одерживаетъ побѣду надъ Христіаномъ IV. Въ благодарность за это императоръ от-

даетъ ему Мекленбургъ и, кромѣ того, жалуетъ его титуломъ „генерала Балтійскаго и Океанійскаго моря“. Валленштейнъ нападаетъ на Стральзундъ, но терпитъ неудачу. Слѣдствіемъ этого является Любекскій миръ 1629 г., по которому Христіанъ IV получаетъ обратно всѣ завоеванныя земли.

Въ Іюнѣ 1630 года собираются князья на сеймъ въ Регенсбургѣ и требуютъ отставки Валленштейна. Императоръ, желавшій сдѣлать своего сына римскимъ королемъ, соглашается на это, и Валленштейнъ лишается своего сана, теряетъ свое могущество. Онъ живетъ въ Прагѣ. Но въ это время шведскій король Густавъ Адольфъ появляется въ Германіи со своимъ войскомъ и завоевываетъ ее почти всю до границъ наслѣдственныхъ Габсбургскихъ земель. Императоръ, находящійся въ критическомъ положеніи, прибѣгаетъ за помощью къ Валленштейну. Тотъ соглашается, набираетъ войско и вступаетъ въ борьбу съ Густавомъ Адольфомъ. Борьба эта ведется съ перемѣннымъ успѣхомъ съ той и другой стороны. Главнымъ событіемъ этой борьбы можно считать Люценскую битву, 6-го ноября 1632 г., во время которой былъ убитъ Густавъ Адольфъ. Во главѣ шведскаго войска, по смерти короля, стали Бери-

гардъ Веймарскій и Акселъ Оксенштирна. Со шведами были въ то время также въ союзѣ саксонцы и бранденбуржцы. Валленштейнъ вступаетъ въ переговоры какъ съ саксонцами, такъ и со шведами.

Какая цѣль была этихъ переговоровъ, какъ мы уже сказали, еще твердо не опредѣлено. На это историки отвѣчаютъ различно. Опредѣленно мы знаемъ только то, что Валленштейнъ патентомъ отъ 24 января 1634 года былъ объявленъ измѣнникомъ предъ императоромъ — справедливо или нѣтъ, это другой вопросъ. 25 февраля онъ былъ убитъ въ своей комнатѣ, въ Егерѣ, солдатами Деверу. Въ тотъ-же вечеръ были убиты друзья его — Иловъ, Кинскій, Терцкій и Нейманъ.

Руководителями убійства были офицеры императорской арміи: Гордонъ, Леслн, Ботлеръ. Всѣ они потомъ были щедро вознаграждены императоромъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ, какъ вообще обо всей катастрофѣ Валленштейна, намъ придется подробнѣе говорить въ самомъ очеркѣ.

Какъ ни высоко уходитъ наука отъ суетныхъ волненій жизни, жизнь съ ея религіозными и политическими пристрастіями все таки не совсѣмъ выпускаетъ ее отъ себя. Я это очень хорошо понимаю, потому что ученые—тѣ же люди; они, навѣрное, какъ и всѣ мы грѣшные, любятъ свою родину и ходятъ въ церкви молиться Богу. Я не знаю, откуда это выросла увѣренность, что ученые люди—особенные люди, безъ страстей и недостатковъ. Насколько я встрѣчался съ учеными, они обыкновенные, часто очень усталые, убитые жизнью и непосильнымъ трудомъ люди. Правда, въ этомъ трудѣ ихъ забвеніе, и они прибѣгаютъ къ нему, чтобы забыться. Изъ сѣрой дѣйствительности они уносятся усиліемъ мысли то на дно моря, то въ мглу прошедшихъ вѣковъ. И мнѣ все кажется, что, уносясь такъ далеко или глубоко, они ищутъ чего то другого, чѣмъ то, что встрѣчается на каждомъ

шагу... Когда ученые люди разбираютъ прошлое людей, они невольно выбираютъ изъ прошлаго то, что не напоминало бы о ссорахъ съ кухаркой или о супѣ съ картофелемъ. Но ссоры эти были вѣчно, а картофеля если и не было, то была рѣпа, которую такъ любили римляне, были вареные въ соленой водѣ бобы, остатки которыхъ нашлись въ Помпеѣ. Я не знаю, что вкуснѣе: рѣпа или картофель. По моему, рѣпа хуже. А вѣдь рѣпу ѣли тогда всѣ. Муренъ ѣли немногіе, да и то раза два въ годъ.

Это стремленіе уйти изъ кухоннаго чада въ надзвѣздный эфиръ сказалось, конечно, всего болѣе въ характеристикѣ историческихъ дѣятелей. Кругомъ люди такіе мелкіе, сѣрые, скучные... «не то было, конечно, прежде». Ко всему этому присоединяется вліяніе изящной словесности... Невольно, мало по-малу историческіе дѣятели дѣлаются ярче, они вырастаютъ, осѣняются ореоломъ поэзіи, становятся выразителями какой-то идеи. Если въ жизни историческаго лица не все ясно, тогда начинаютъ разбирать его жизнь, спорить, сердиться и изъ обыкновеннаго, жестокаго до звѣрства генерала, смотрѣвшаго на войну съ промышленной точ-

ки зрѣнія, дѣлаютъ геніальнаго борца за католицизмъ или даже за вѣротерпимость, изъ помятаго любителя скандаловъ—борца за свободу, изъ ловкаго жулика—представителя просвѣщенія, изъ ширококостной, суевѣрной мужички, которая съ толпою вооруженныхъ дубинами крестьянъ помогла разбить два небольшихъ отряда—святую дѣвственницу, хрупкую и нѣжную, съ тонкимъ профилемъ и маленькими ногами. Всѣ эти метаморфозы произошли съ Валленштейномъ, Катилиной, Лже-Дмитріемъ, Іоанной д'Аркъ. Мнѣ хочется остановить ваше вниманіе на Валленштейнѣ, тѣмъ болѣе, что съ его характеристикой связанъ вопросъ объ его измѣнѣ, и намъ, можетъ быть, удастся отмѣтить нѣсколько методологическихъ ошибокъ, въ которыя впали нѣкоторые видные европейскіе ученые. А отмѣчать чужія ошибки всегда полезно.

Репутацію Валленштейну создала, главнымъ образомъ, смерть его. Трагическая смерть Валленштейна подъ ударами подосланныхъ убійцъ невольно возмущаетъ душу, и въ настоящее время, когда даже самыя пятна крови исчезли уже съ стѣны знаменитаго дома Пахальбеля въ Егерѣ (въ которомъ былъ убитъ Валленштейнъ), и когда одна только алебарда, храня-

щаяся въ Егерскомъ музеѣ является воспоминаніемъ объ ужасномъ событіи 25 февраля 1634 года. Если насъ трогаетъ насильственная смерть Валленштейна, то какъ должна была она потрясти современниковъ, у которыхъ въ памяти свѣжи были еще его побѣды, его борьба съ Христіаномъ IV и Густавомъ Адольфомъ, современниковъ, которые привыкли слѣдить за каждымъ его движеніемъ. Общественное мнѣніе было за Валленштейна. Въ богемскихъ лѣсахъ народъ складывалъ пѣсни, въ которыхъ прославлялъ Валленштейна, „Валленштейнъ—не предатель, но преданъ“—вотъ что говорилось тогда. Негодованіе на императора не прорывалось наружу, но оно чувствовалось. Императоръ Фердинандъ понималъ это и желалъ оправдаться. Но этой-то причинѣ, съ его соизволенія, появляется цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ оправдывается убійство Валленштейна. Издается „Apologia“, за ней „Alberti Fridlandi Perduellionis Chaos“; за Хаосомъ „Ausführlicher und grundlicher Bericht“. Эти произведенія—одни изъ первыхъ, въ которыхъ говорится о Валленштейнѣ. Это скорѣй памфлеты, газетныя статьи, прокурорскія рѣчи, чѣмъ произведенія исторической науки.

Они даже не выражаютъ мнѣній болѣе или менѣе значительной части общества: они просто желаютъ очернить насколько возможно личность убитаго герцога Фридландскаго. Нѣмецкій ученый Швебекъ думаетъ, что личный врагъ Валленштейна, богемскій канцлеръ Славата принималъ участіе въ ихъ составленіи. Въ этомъ, конечно, можно сомнѣваться, но что лицо, писавшее ихъ, было очень пристрастно,— это несомнѣнно. Эти произведенія не оказали большого вліянія на общественное мнѣніе: въ одной нѣснѣ народной есть насмѣшка надъ ними—„маленькими книжечками, которыя ужъ очень преслѣдуютъ Фридланда". У позднѣйшихъ историковъ мы видимъ очень мало заимствованій изъ этихъ произведеній. Общественное мнѣніе мало-по-малу измѣнилось: исчезли крайности: негодованіе, которое, въ сущности, вовсе не было ужъ такъ сильно, стало стихать; начали удивляться быстрому паденію Валленштейна, относясь къ этому вопросу хладнокровнѣе, стали искать въ его исторіи поученія для себя и для будущихъ поколѣній.

Представителемъ такого направленія общественной мысли является итальянецъ Гвальди, въ своей біографіи Валленштейна. Она вышла во второй по-

ловинѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія. Мы, впрочемъ, не можемъ установить въ точности даты, такъ какъ не имѣли подъ руками итальянскаго оригинала, а пользовались латинскимъ переводомъ 1668 года.

Гвальди написалъ собственно свою книгу съ извѣстной цѣлью: онъ въ ней желаетъ поучать тому, что «для тѣхъ слугъ, которые много, долго и прекрасно пользовались милостями судьбы, является роковымъ даже подозрѣніе въ измѣнѣ». Но онъ не выдерживаетъ начатаго тона, увлекается самимъ Валленштейномъ, исторію котораго онъ собственно приводитъ лишь для иллюстраціи своего положенія и, увлекаясь, является ярымъ панегиристомъ Валленштейна. Онъ съ негодованіемъ отвергаетъ подозрѣніе въ измѣнѣ Валленштейна, говоритъ, что онъ лишь для того сносился съ саксонцами, чтобы разъединить непріятельскія силы и постоянно—кстати или не кстати—называетъ Валленштейна героемъ, сравниваетъ его съ Моисеемъ, Ромуломъ и Пирромъ. Убійство Валленштейна возмущаетъ его до глубины души. «Печально», говоритъ онъ, «окончилъ жизнь Валленштейнъ, этотъ человѣкъ, стоявшій выше всѣхъ, непобѣдимый вождь на войнѣ, благородный глава дома,

благоразумный слуга (своего государя), неутомимый и проницательный воинъ».

Вообще, Гвальди глубоко пораженъ убійствомъ Валленштейна: по поводу этого онъ философствуетъ на протяженіи многихъ страницъ, наполняя ихъ вздохами и риторическими восклицаніями, вродѣ слѣдующихъ: «Таковъ-то былъ конецъ столь великаго мужа, такова была кончина столь славнаго героя! Потерпѣлъ крушеніе тотъ, кто усмирилъ столько бурь и т. д.» —все въ томъ-же жалобномъ тонѣ... Для того, чтобы еще больше оправдать Валленштейна, онъ заставляетъ его передъ смертью, уже пронзеннаго копьемъ, произнести цѣлый монологъ о томъ, что онъ умираетъ невинно, монологъ, кромѣ этого, ужасно длинный и ужасно скучный.

Вообще, видно, что Гвальди просто пораженъ личностью герцога Фридландскаго: какъ патріотъ, любящій свое отечество, онъ очень долго останавливается на томъ фактѣ, что Валленштейнъ занимается въ Италіи, именно въ этихъ великихъ «Аѳинахъ Европы» (въ Падуѣ) и видитъ въ этомъ для себя славу...

Фактовъ книга Гвальди даетъ очень мало, а если даетъ, то эти факты возбуждаютъ большія сомнѣнія:

Гвальди то передаетъ какія-то любовныя исторіи изъ жизни Валленштейна, то свидѣтельствуетъ о томъ, что его послѣдній вздохъ былъ такъ могучъ, что испугалъ всѣхъ присутствующихъ... Но книга Гвальди свидѣтельствуетъ очень сильно о томъ, что фактъ измѣны его не былъ очевидно доказанъ, если могли появляться произведенія, какъ книга Гвальди.

То, что фактъ измѣны въ первое время не былъ доказанъ, также свидѣтельствуютъ и знаменитые анналы Кевенгиллера, хотя на нихъ историки обыкновенно ссылаются для подтвержденія своихъ обвиненій противъ Валленштейна. Впрочемъ, анналы Кевенгиллера настолько важны для исторіи Валленштейна, что мы считаемъ нужнымъ подробнѣе остановиться на нихъ.

Кевенгиллеръ (Khevenhiller) принадлежалъ къ очень знатному австрійскому дворянскому роду, былъ выдающимся дипломатомъ и, состоя посланникомъ въ Мадридѣ, оказалъ много услугъ австрійскому императорскому дому. Его отецъ, умирая, завѣщалъ сыну записывать тѣ событія, свидѣтелемъ которыхъ онъ будетъ въ теченіе своей жизни... Кевенгиллеръ не только исполнилъ завѣтъ отца своего, но сдѣлалъ больше,— онъ собралъ всѣ матеріалы, существова-

вшіе въ то время, о царствованіи Фердинанда II, записалъ это, дополнивъ своими личными наблюденіями, и издалъ. Получилось 12 громадныхъ томовъ in folio, которые были посвящены императору Фердинанду III (Лейпцигское изданіе 1721 года, которымъ мы пользовались, посвящено, кромѣ того, Карлу VI). Анналы трактуютъ собственно только о Фердинандѣ II. Кромѣ Фердинанда для Кевенгиллера, какъ будто, и людей не существуетъ.

Его анналы расположены по годамъ, которые, однако, носятъ двоякое названіе: отъ Рождества Христова и отъ дня рожденія императора Фердинанда. Каждое событіе, каждый фактъ интересуютъ Кевенгиллера лишь постольку, поскольку они совершились въ царствованіе Фердинанда. Поэтому, собственно говоря, для него всѣ факты безразличны: на одной и той-же страницѣ онъ говоритъ и о крещеніи какого-то араба въ соборной Пражской церкви, и о зимнихъ квартирахъ, занятыхъ войсками Валленштейна. Единственная мѣрка для фактовъ, достойныхъ попасть на страницы его аналовъ, это—время царствованія императора Фердинанда. Если фактъ совершился въ это царствованіе, то Кевенгиллеръ подводитъ его подъ извѣстный годъ и мѣсяцъ и

удовлетворяется этимъ. Скучно и вяло тянется его исторія: фактъ слѣдуетъ за фактомъ, событіе за событіемъ — точно нанизанные на нить хронологической послѣдовательности, — если можно такъ выразиться.

О Валленштейнѣ, какъ объ очень крупномъ дѣятелѣ царствованія Фердинанда, Кевенгиллеръ говоритъ довольно много въ различныхъ мѣстахъ. Во второмъ томѣ своихъ анналовъ онъ помѣщаетъ его характеристику, какъ одного изъ генераловъ Фердинанда II. Пересчитавъ нѣсколько ничего не значущихъ эпитетовъ, укоривъ Валленштейна въ жестокомъ и суровомъ поведеніи (doch harter und rauher Condition), Кевенгиллеръ начинаетъ собирать всѣ тѣ факты, которые онъ знаетъ о Валленштейнѣ, начинаетъ передавать, то, что говорилось тогда при дворѣ. Онъ прямо не высказываетъ обвиненія въ измѣнѣ Валленштейна, не говоритъ того, что Валленштейнъ сносился съ врагами, желая ниспровергнуть императора. Кевенгиллеръ смутно говоритъ лишь, что Его Величество изъ всего поведенія Валленштейна (aus seinen Actionen, Handlungen, Thuen und Lassen) вывело заключеніе, что замыслы Валленштейна идутъ слишкомъ

далеко и поэтому отрѣшилъ его отъ должности. Кромѣ этого, Кевенгиллеръ упрекаетъ Валленштейна въ томъ, что онъ присвоивалъ себѣ контрибуціи, проводилъ время въ „ничего недѣланьи“ и не нападалъ на шведовъ.—однимъ словомъ въ томъ, въ чемъ упрекалъ его въ то время вѣнскій дворъ. Но факта измѣны, факта сношеній его со шведами съ цѣлью ниспровергнуть императора Кевенгиллеръ рѣшительно не приводитъ. Напротивъ, въ одномъ мѣстѣ, упоминая о сношеніяхъ Валленштейна со шведами, онъ говоритъ, что Валленштейнъ въ этомъ случаѣ старался объ установленіи мира (II 224). Конечно, это очень далеко отъ измѣны.

Очевидно, въ первое время послѣ убійства Валленштейна не имѣлось положительнаго доказательства его измѣны. Но крайней мѣрѣ въ первыхъ 11-ти томахъ на это нѣтъ опредѣленнаго указанія. Въ XI томѣ даже говорится, что Густавъ Адольфъ, первый предложивъ Валленштейну союзъ, послѣ того какъ послѣдній (т. е. Валленштейнъ) былъ отрѣшенъ отъ должности послѣ Регенсбургскаго сейма, получилъ отказъ.

Въ XII-же томѣ Кевенгиллеръ разсказываетъ о томъ, что въ это-же самое время, послѣ Регенсбург-

скаго сейма, между шведами и Валленштейномъ происходили сношенія и сношенія эти по самому существу своему были враждебны императору. Это, бросающееся въ глаза, противорѣчіе, впрочемъ, очень легко объяснить, если принять во вниманіе, что весь разсказъ объ измѣнническихъ сношеніяхъ Валленштейна съ врагами императора почти цѣликомъ заимствованъ Кевенгиллеромъ изъ донесенія нѣкоего Рашина. Этотъ Рашинъ, какъ утверждаетъ онъ въ своемъ донесеніи, былъ посредникомъ въ переговорахъ между Валленштейномъ и Густавомъ Адольфомъ. Свидѣтельство такого человѣка, какъ Рашинъ, конечно, заслуживаетъ вниманія, и если оно не вымышлено, то оно положительно доказываетъ фактъ измѣны со стороны Валленштейна. Мы будемъ еще имѣть случай говорить объ этомъ донесеніи Рашина, пока-же намъ хочется лишь показать, что кромѣ Рашина не существовало другихъ свидѣтельствъ измѣны Валленштейна.

Рашинъ первый опредѣленно установилъ фактъ сношеній между Валленштейномъ и Густавомъ Адольфомъ, — тотчасъ-же послѣ Регенсбургскаго сейма, первый придалъ анти-императорскій характеръ сношеніямъ Валленштейна съ врагами, уже послѣ

того какъ Валленштейнъ былъ вторично назначенъ главнокомандующимъ.

Прежде знали объ этихъ сношеніяхъ, подозрѣвали очень многое, высказывали очень рѣзко свои подозрѣнія, но положительныхъ доказательствъ не имѣли. Свидѣтельство Рашина явилось первымъ доказательствомъ измѣны Валленштейна. Самъ Кевенгиллеръ говоритъ (стр. 1110—XII тома), что рѣшительно ничего не было извѣстно опредѣленнаго объ измѣнѣ Валленштейна и что поэтому онъ, желая дать вѣрное понятіе объ этомъ читателю, представляетъ разсказъ изъ одного очень вѣрнаго источника. Этотъ вѣрный источникъ и есть Сезима Рашинъ.

Все, что говоритъ Кевенгиллеръ объ измѣнѣ Валленштейна, то говоритъ не онъ самъ, то говоритъ лишь Рашинъ его устами. Поэтому нельзя приводить Рашина и Кевенгиллера вмѣстѣ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые историки,—говоря, что „Рашинъ и Кевенгиллеръ свидѣтельствуютъ объ измѣнѣ Валленштейна“,—это рѣшительно несправедливо.

Если Кевенгиллера нельзя считать свидѣтелемъ противъ Валленштейна, то еще менѣе можно считать таковымъ Хемнитца, шведскаго историка, не-

смотря на то, что на него Аретинъ ссылается для доказательства измѣны Валленштейна. Хемнитцъ, по самой своей національности, является врагомъ Валленштейна, но онъ все-таки говоритъ скорѣе за него, чѣмъ противъ. Хемнитцъ во многомъ является противоположностью Кевенгиллеру: шведскій историкъ не знаетъ той наивности, которою полонъ авторъ знаменитыхъ анналовъ. Хемнитцъ знаетъ силу исторіи и гордо заявляетъ объ этомъ въ началѣ сочиненія. «Древніе», говоритъ онъ, «желая увѣковѣчить имена героевъ, ставили ихъ статуи въ храмахъ, но вѣдь храмы разрушаются, исторія же никогда!» Въ этихъ юношески-надменныхъ словахъ чувствуется сознаніе своей собственной силы, своего собственнаго могущества. Хемнитцъ прямо говоритъ, что своей книгой онъ отдаетъ долгъ благодарности Густаву Адольфу. Прочтя книгу Хемнитца, Густафъ Адольфъ, съ своей стороны, могъ бы быть, я думаю, доволенъ этимъ подаркомъ. Хемнитцъ съ любовью и стараніемъ группируетъ факты для того, чтобы болѣе освѣтить дѣятельность знаменитаго короля. Дѣлаетъ онъ это, правда, не совсѣмъ умѣло, но все-таки дѣлаетъ. Въ его сочиненіи замѣчается даже попытка отнестись критически къ нѣкоторымъ

фактамъ. Относительно Валленштейна онъ не отвергаетъ факта сношеній его со шведами и саксонцами, но объясняетъ ихъ только тѣмъ, что Валленштейнъ хотѣлъ разъединить саксонцевъ со шведами и потомъ напасть на послѣднихъ. Въ настоящія же сношенія со шведами онъ уже вступилъ предъ самой кончиной, только ужъ тогда, когда императоръ первый объявилъ его измѣнникомъ и поставилъ внѣ закона. «Во всякое время», пишетъ Хемнитцъ во второмъ томѣ своего сочиненія «Валленштейнъ былъ вѣренъ своему господину—римскому императору, и постоянно заботился объ его величіи. Поэтому-то мы и сомнѣваемся не безъ основанія, имѣлъ ли онъ съ самаго начала переговоровъ заговоръ противъ императора? Не имѣлъ ли онъ въ виду, затѣявъ все это дѣло, обмануть протестантовъ и произвести между ними разъединеніе». Это мѣсто такъ опредѣленно выражаетъ мысль Хемнитца, что рѣшительно непонятно, какъ могъ Аретинъ говорить, что книга Хемнитца даетъ неопровержимыя доказательства измѣны Валленштейна. Очевидно, онъ или не читалъ Хемнитца, или, если читалъ, то прочелъ не то, что написано.

У Хемнитца, кромѣ этого свидѣтельства, указа-

нія, разбросанныя въ различныхъ мѣстахъ сочиненія, косвенно говорятъ также въ пользу Валленштейна. Мы считаемъ нелишнимъ остановиться здѣсь на одномъ пунктѣ, а именно: въ концѣ 1632 и въ 1633 году при вѣнскомъ дворѣ были ужасно недовольны тѣмъ, что Валленштейнъ избѣгалъ рѣшительнаго сраженія и постоянно заключалъ перемирія; за это одно его чуть-чуть не считали измѣнникомъ. За это упрекаетъ Валленштейна и Кевенгиллеръ. Отъ Кевенгиллера эти упреки перешли и къ современнымъ историкамъ. Но упреки эти, какъ видно изъ Хемнитца, рѣшительно несправедливы. Хемнитцъ прямо указываетъ, что перемирія были очень полезны для императорскихъ войскъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что только благодаря перемирію императорскія войска запаслись порохомъ. На стр. 273 Хемнитцъ говоритъ, что Валленштейнъ потому заключалъ перемирія, что они приносили большую пользу его войску... и т. д. Я полагаю, что этого достаточно, чтобы понять, что новѣйшіе историки, упрекающіе Валленштейна, на основаніи словъ Кевенгиллера, въ промедленіи, дѣйствуютъ по меньшей мѣрѣ неосмотрительно. Книга Хемнитца выдѣляется изъ общаго ряда, и

ужъ, конечно, лучше передаетъ смыслъ событій, чѣмъ анналы Кевенгиллера и Theatrum Europaeum, появившійся, если не ошибаюсь, въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка.

На Theatrum Europaeum тоже обыкновенно ссылаются для доказательства измѣны Валленштейна. Но это тоже недоразумѣніе. Theatrum Europaeum, хотя и отличается особенной несистематичностью и отсутствіемъ критическаго анализа тѣхъ событій, которыя онъ безъ всякаго порядка сваливаетъ по отдѣльнымъ годамъ, но авторъ его все-таки не считаетъ возможнымъ обвинить Валленштейна въ измѣнѣ. Единственный фактъ, который онъ констатируетъ, это то, что императоръ недоволенъ Валленштейномъ. Въ другомъ мѣстѣ Theatri Europaei прямо сказано, что Валленштейнъ желалъ только одного мира для Германіи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и Theatrum Europaeum тоже подтверждаетъ то заключеніе, которое мы вывели изъ разбора Кевенгиллера и Хемнитца,—это то, что сильныхъ доказательствъ измѣны Валленштейна, кромѣ донесенія Рашина, не существовало. Кромѣ того, Theatrum Europaeum, вышедшій уже послѣ того, какъ былъ напечатанъ XII томъ анналовъ Кевен

гиллера и все-таки не говорящій утвердительно объ измѣнѣ Валленштейна, даетъ намъ еще другое указаніе—это то, что донесеніе Рашина, которое въ первый только разъ было напечатано у Кевенгиллера, недостаточно, по мнѣнію современниковъ, свидѣтельствовало противъ Валленштейна.

Всѣ историческія сочиненія XVII вѣка говорятъ за Валленштейна, исключеніе составляетъ XII томъ сочиненій Кевенгиллера, или же, говоря вѣрнѣе, вошедшее въ него цѣликомъ донесеніе Сезимы Рашина. Этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется, что въ 18 вѣкѣ рѣшительно отказывались дать какое-либо опредѣленное рѣшеніе вопросу объ измѣнѣ Валленштейна. Писатели XVIII вѣка если и знали Валленштейна, то знали, главнымъ образомъ, по анналамъ Кевенгиллера; они, впрочемъ, вовсе не стремились объяснить кидающееся въ глаза противорѣчіе первыхъ 11-ти томовъ съ XII томомъ и ограничивались однимъ указаніемъ того, что во время Валленштейна было два различныхъ мнѣнія о немъ: одни его считали измѣнникомъ, другіе — нѣтъ. Такъ дѣлаетъ, между прочимъ, Пельцель въ своей „Исторіи Богеміи“.

Первый, кто болѣе или менѣе самостоятельно

постарался объяснить вопросъ о Валленштейнѣ и не удовлетворился пережевываніемъ Кевенгиллера, — былъ Мурръ. Его книга вышла въ 80-хъ годахъ 18 вѣка. Одновременно съ Мурромъ или нѣсколько позднѣе его появилась и знаменитая „Исторія тридцатилѣтней войны“ Шиллера, а за ней и его великая трилогія „Валленштейнъ“. Мы не будемъ говорить о трагедіи Шиллера, благодаря которой собственно и возбудился опять интересъ къ личности Валленштейна, — интересъ, неоскудѣвающій и теперь. Мы не будемъ также останавливаться и на характеристикѣ Валленштейна въ „Исторіи тридцатилѣтней войны“,—характеристикѣ замѣчательной въ художественномъ отношеніи. Упомянемъ только, что хотя Шиллеръ и говоритъ объ измѣнѣ Валленштейна, но подъ конецъ все-таки признаетъ, что ни одинъ изъ его поступковъ не даетъ права на это.

„По справедливости надо признаться“, говоритъ Шиллеръ про Валленштейна, „что перья, передавшія намъ исторію этого необыкновеннаго человѣка, не совсѣмъ безпристрастны, что измѣна герцога основывается не на достовѣрныхъ доказательствахъ, а только на вѣроятныхъ предположеніяхъ. Еще не

отыскался документъ, который бы обнаружилъ тайныя пружины дѣйствій съ историческою достовѣрностью, а между извѣстными, совершенно доказанными фактами нѣтъ ни одного, который бы не могъ имѣть невиннаго источника". Подъ конецъ Шиллеръ прямо утверждаетъ, что „ни одинъ изъ поступковъ Валленштейна не даетъ намъ права почитать его измѣнникомъ".

Сочиненія Шиллера имѣли, повторяю, громадное вліяніе на историческую литературу о Валленштейнѣ. Они обратили всеобщее вниманіе на таинственную личность мрачнаго полководца императора Фердинанда II. Интересъ къ Валленштейну чрезвычайно оживился. Уже въ 1811 и 1812 годахъ въ вѣнскомъ новомъ военномъ журналѣ („Wiener neue militärische Zeitschrift")—помѣщается цѣлый рядъ документовъ по исторіи Валленштейна. Въ 1829 году появляются три тома писемъ Валленштейна, собранныхъ Фёрстеромъ, черезъ пять лѣтъ выходитъ очень подробная біографія Валленштейна, принадлежащая перу того же Ферстера.

Эта біографія представляетъ собою одно изъ самыхъ солидныхъ сочиненій по вопросу о Вал-

ленштейнѣ. Фёрстеръ является ярымъ поклонникомъ Валленштейна. Онъ удивляется ему какъ человѣку, онъ негодуетъ на клеветниковъ, осмѣливающихся бросать грязью въ этого великаго мужа. „Das war ein Mann,“ — восклицаетъ онъ иногда. По его мнѣнію, Валленштейнъ всю свою жизнь стремился только къ одному—къ возвеличенію своего императора, думалъ только объ одномъ усиленіи католицизма. Послѣднему Фёрстеръ не сочувствуетъ. Въ одномъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, онъ называетъ протестантовъ прямо „болѣе благороднойчастью нѣмецкаго народа“. Но дѣло въ томъ, что преданность Валленштейна католицизму является почти совсѣмъ недоказанной у Фёрстера. Единственный доводъ въ пользу этого то, что Валленштейнъ въ своихъ полученныхъ отъ императора герцогствахъ даровалъ земли іезуитамъ, строилъ зданія для ихъ коллегій, отдавалъ имъ монастыри и т. д, Но эти факты объясняются, какъ намъ кажется гораздо проще; именно и у Кевенгиллера есть прямо указаніе на это: Кевенгиллеръ говоритъ (XI, 67), что Валленштейнъ только потому получилъ Мекленбургъ, что далъ обѣщаніе іезуитамъ даровать имъ монастыри въ своемъ новомъ герцогствѣ. Очевид-

но слѣдуетъ, что не любовь къ религіи руководила въ данномъ случаѣ Валленштейномъ, а простой холодный расчетъ. Да и вообще преданность католицизму рѣшительно не вяжется съ другими обстоятельствами изъ жизни Валленштейна съ тою циничною бранью, которою онъ такъ часто осыпалъ іезуитовъ, съ тѣми упреками, которыми католическое духовенство осыпало его.

Фёрстеръ ,конечно, возстаетъ также противъ подозрѣнія Валленштейна въ измѣнѣ. По мнѣнію Фёрстера, Валленштейнъ обратился за помощью къ Шведамъ только по прошествіи 20 дней послѣ того, какъ императоръ объявилъ его измѣнникомъ (261). Ранѣе если онъ и сносился съ врагами, то или для того лишь, чтобы обмануть ихъ или для того, чтобы заключить съ ними миръ, причемъ онъ дѣйствовалъ по порученію императора. Фёрстеръ въ этомъ случаѣ стоитъ совершенно на той же почвѣ, на какой стоятъ и писатели XVII вѣка. Никакихъ новыхъ данныхъ въ пользу невинности Валленштейна Фёрстеръ не приводитъ. Нѣсколько писемъ императора Валленштейну съ порученіями вести переговоры о мирѣ, нѣсколько писемъ Оксенштерна, въ которыхъ шведскій канцлеръ выражаетъ опасенія,

какъ бы не обманулъ его Валленштейнъ, не могутъ считаться рѣшающими доказательствами невинности Валленштейна. Показанія Рашина Фёрстеръ, конечно, отвергаетъ, хотя Фёрстеръ и гордо объявляетъ, что послѣ его книги никто не посмѣетъ уже обвинять Валленштейна, но, собственно говоря, нѣмецкій ученый ничего новаго не вноситъ къ разрѣшенію вопроса объ измѣнѣ Валленштейна. И дѣйствительно, взглядъ Фёрстера былъ принятъ лишь очень немногими.

Въ своей исторіи Швеціи Гейеръ прямо высказывается противъ Фёрстера и полемизируетъ съ нимъ, не называя его, впрочемъ, по имени (387). Между нѣмецкими учеными господствовалъ въ то время взглядъ, изложенный въ знаменитой „Исторіи Австріи“ графа Майлата. Майлатъ безъ всякихъ обиняковъ называлъ Валленштейна измѣнникомъ на томъ основаніи, что „измѣнникъ—всякій генералъ, который сносится со врагами безъ вѣдома государя“, — основаніи неприложимомъ къ Валленштейну, во 1-хъ потому, что онъ вовсе не былъ „всякимъ“ генераломъ и, во 2-хъ, потому, что онъ имѣлъ какъ юридическое, такъ и нравственное право вести переговоры съ врагами для блага своей родины и для пользы своего государя.

Взглядъ Майлата раздѣляетъ также и Шлоссеръ въ своей «Всемірной исторіи».

Это враждебное къ Валленштейну направленіе въ исторической литературѣ особенно сильно выразилось въ книгѣ баварскаго ученаго Аретина. Аретинъ горячій патріотъ,—даже свою книгу онъ кончаетъ восклицаніемъ: «Heil unsern König und Königlichen Hause». Аретинъ—офиціальный историкъ короля баварскаго, поэтому онъ считаетъ своимъ долгомъ прославлять предшественниковъ короля и между прочимъ Максимиліана. Аретинъ приписываетъ послѣднему, между прочимъ, то, въ чемъ тотъ рѣшительно неповиненъ: такъ, напр., онъ утверждаетъ, что Максимиліанъ былъ полонъ любви къ императору, чего, однако, серьезно не утверждали ни самъ Максимиліанъ, ни его современники. Тилли Аретинъ, конечно, превозноситъ, Валленштейна же считаетъ человѣкомъ, обуреваемымъ самыми низменными страстями и при томъ измѣнникомъ. По измѣну Аретинъ пытается доказать нѣсколько иначе, чѣмъ дѣлали его предшественники. Баварскій ученый отвергаетъ свидѣтельство Раншна, но утверждаетъ, что измѣна очевидна изъ Хемнитца. Но мы видѣли, что Хемнитцъ, напротивъ, возстаетъ противъ подозрѣнія

Валленштейна въ измѣнѣ. Книга Аретина, такимъ образомъ, не даетъ никакихъ новыхъ доказательствъ измѣны Валленштейна. Вопросъ остается въ прежнемъ положеніи: или отвергать донесеніе Раншна, т. е., другими словами, XII томъ анналовъ Кевенгиллера, или, если принимать его, — то признавать фактъ измѣны.

Вотъ, собственно, на какой почвѣ стоялъ вопросъ, когда появилась знаменитая книга Ранке о Валленштейнѣ.

Въ громадной исторической литературѣ о Валленштейнѣ книга Ранке занимаетъ безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ. Если не считать Фёрстера, сочиненіе котораго, написанное довольно вычурно, вообще не пользовалось распространеніемъ, то Ранке первый точно и ясно изложилъ исторію Валленштейна на вполнѣ научномъ основаніи. До Ранке въ описаніи отдѣльныхъ фактовъ изъ жизни знаменитаго герцога Фридландскаго существовала такая путаница, что искажались не только частности, но даже и самый смыслъ, самый характеръ событій. Стоитъ только прочесть біографію Валленштейна въ «Исторіи Германіи» Кольрадша или въ «Исторіи Реформаціи» Гейссера, чтобы убѣдиться въ этомъ.

У Гейссера попадаются прямо, какъ намъ кажется, непростительныя ошибки.

Такъ, напримѣръ, въ изложеніи дѣтства Валленштейна Гейссеръ утверждаетъ, что „рано осиротѣвшій Валленштейнъ получилъ воспитаніе въ домѣ одного изъ своихъ дядей, строгаго католика, который обратилъ мальчика въ католичество“. Это не точно: во 1-хъ, осиротѣлъ Валленштейнъ вовсе не такъ ужъ *рано* (ему было 12 лѣтъ, когда умеръ его отецъ), и во 2-хъ, послѣ смерти родителей Валленштейнъ не сейчасъ былъ обращенъ въ католичество, а, напротивъ, взятый въ домъ своимъ дядей, протестантомъ Словатой, нѣкоторое время учился въ протестантской школѣ.

Гейссеръ излагаетъ всю датскую войну такъ, какъ будто бы она только и состояла изъ похода 26 года и кончилась битвой при Баренбергѣ. Невѣрно также передаетъ Гейссеръ тѣ условія, на которыхъ Валленштейнъ согласился принять на себя вторичное командованіе войскомъ. Правда, мы знаемъ объ этихъ условіяхъ лишь изъ вторыхъ рукъ и въ точности не можемъ возстановить ихъ. „Они дошли до насъ“, говоритъ Ранке, „лишь въ

очень несовершенной формѣ и подали, вслѣдствіе этого, поводъ ко многимъ неосновательнымъ предположеніямъ. Говорятъ, что императоръ будто бы согласился на неслыханныя и неисполнимыя обязательства: предложилъ будто бы генералу уступить одну наслѣдственную землю и даже верховное ленное владѣніе надъ вновь завоеванными землями". Ранке возстаетъ противъ этого предположенія, указывая, что въ лучшихъ и болѣе достовѣрныхъ источникахъ ничего объ этомъ не сказано. Въ приложеніяхъ къ своей книгѣ онъ также старается показать и ложность другого предположенія, именно доказываетъ, что Валленштейнъ не могъ быть признанъ полководцемъ испанской короны и блистательно успѣваетъ въ этомъ. Взглядъ Ранке принятъ современной наукой. Гейссеръ же держался того взгляда, противъ котораго возставалъ Ранке. Однимъ словомъ, книга Ранке впервые точно и опредѣленно установила исторію Валленштейна, внесла въ нее свѣтъ и, говоря словами Хальвиха, „какъ могучій ударъ грома очистила существовавшую до нее душную атмосферу неосновательныхъ гипотезъ и предположеній". Въ этомъ заключается великая и незабвенная заслуга Ранке въ дѣлѣ рѣшенія вопроса о Валленштейнѣ.

Ранке прежде всего провѣрилъ фактическую сторону исторіи Валленштейна, разсмотрѣлъ каждое обстоятельство и потомъ уже рѣшился комбинировать отдѣльные факты, своеобразно освѣщая ихъ. Даже теперь, когда прошло 20 лѣтъ послѣ появленія книги Ранке, рѣшительно нельзя его уличить ни въ одной фактической ошибкѣ.

Собственно говоря, въ объясненіе фактовъ изъ жизни Валленштейна Ранке внесъ не особенно много новаго. Главная заслуга его заключается въ томъ, что онъ скомбинировалъ существовавшіе до него взгляды и скомбинировалъ ихъ чрезвычайно удачно. До Ранке существовало собственно два строгонаучныхъ взгляда на Валленштейна, совершенно противуположныхъ между собой: одни считали Валленштейна человѣкомъ, полнымъ самыхъ высокихъ идеальныхъ помысловъ, другіе—смотрѣли на него, какъ на низкаго честолюбца, думающаго только о своей личной выгодѣ. Первые считали его искреннимъ и горячимъ слугой императора, вторые измѣнникомъ, думающимъ свергнуть императора съ престола. Защитники Валленштейна объясняли, что сношенія съ врагами велись лишь

въ интересахъ императора, противники знаменитаго герцога Фридландскаго думали какъ разъ наоборотъ. Какъ мы старались показать, дѣло въ общемъ сводилось лишь къ опредѣленію характера и времени сношеній Валленштейна съ врагами, причемъ единственнымъ доказательствомъ измѣны служило донесеніе Рашина или, другими словами, XII томъ анналовъ Кевенгиллера. Защитники отвергали это донесеніе, противники должны были принимать его, такъ какъ другихъ доказательствъ измѣны не существовало. Ранке постарался примирить эти два рѣшенія: онъ, правда, принялъ показаніе Рашина, но не перешелъ, благодаря этому, въ лагерь противниковъ Валленштейна.

Ранке принялъ фактъ сношеній Валленштейна съ непріятелемъ съ враждебной для императора цѣлью, но идеализировалъ эти сношенія. Прежде было лишь для объясненія этихъ сношеній: или Валленштейнъ сносился съ врагами, не думая ни о какой своей выгодѣ, лишь для пользы императора, или эти сношенія происходили лишь съ враждебной для императора цѣлью въ видахъ личной пользы герцога Фридландскаго. Ранке далъ

третье объясненіе. Онъ не отвергаетъ личную пользу, личную выгоду, какъ стимулъ этихъ сношеній, но утверждаетъ, что они были предприняты во имя болѣе высокой идеи: именно, сносясь съ врагами, Валленштейнъ желалъ принудить императора къ религіозному миру (422), онъ имѣлъ при этомъ ту же цѣль, что и Морицъ Саксонскій— уравненіе правъ обоихъ вѣроисповѣданій и позднѣйшую независимость сѣверо-германскихъ элементовъ (424). Валленштейнъ въ этихъ сношеніяхъ являлся врагомъ императора, но другомъ германскаго народа, котораго онъ хотѣлъ избавить отъ испанско-католической партіи, властвовавшей въ то время при дворѣ (350, 367, 423).

Ранке не говоритъ, что при этомъ Валленштейнъ не думалъ о себѣ,—напротивъ, и при этихъ переговорахъ Валленштейнъ не позабывалъ себя. Историкъ утверждаетъ лишь, что идеальныя стремленія герцога Фридландскаго были сильнѣе частныхъ интересовъ (428). Итакъ, повторяю, сношенія съ врагами, по мнѣнію Ранке, происходили не во имя выгоды императора, не во имя также и одной только личной пользы Валленштейна; они происходили, главнымъ образомъ, во имя блага нѣмецкаго народа.

Валленштейнъ, по мнѣнію Ранке, преслѣдуетъ и свои личныя цѣли, но защищаетъ также и религіозную терпимость (308) и національность нѣмецкаго народа—противъ іезуитовъ и испанцевъ, завладѣвшихъ въ то время императоромъ и всей Германіей (360). Но такимъ собственно Валленштейнъ является лишь во второй періодъ своей дѣятельности, лишь во вторичное свое командованіе.

Въ первый періодъ своей дѣятельности Валленштейнъ, по мнѣнію Ранке, является представителемъ интересовъ австрійскаго дома, горячимъ борцомъ за императора, и вслѣдствіе этого врагомъ княжеской партіи, которая была ему ненавистна уже потому, что ослабляла власть императора въ Германіи. Въ 30-мъ году на Регенсбургскомъ сеймѣ партія князей восторжествовала (191), и Валленштейнъ былъ удаленъ, въ 34 году испанско-іезуитская партія, которая прежде была за Валленштейна, тоже восторжествовала и Валленштейнъ былъ объявленъ внѣ закона, но это были совершенно противоположныя другъ другу партіи съ совершенно противоположными желаніями и стремленіями (191). Да и самъ Валленштейнъ перваго періода и Валленштейнъ втораго—совершенно

различны между собою. Валленштейнъ перваго періода заботится о возвышеніи власти императора и борется съ князьями. Валленштейнъ второго періода готовъ даже протянуть руку князьямъ, чтобы бороться во имя идеи терпимости и національности съ императоромъ (435). Правда, ни въ первый періодъ, ни во второй Валленштейнъ себя не забываетъ; послѣ Регенсбургскаго сейма Валленштейнъ даже сносится съ Густавомъ Адольфомъ только для своей личной выгоды. По мнѣнію Ранке, въ общемъ, его честолюбивыя и эгоистическія стремленія были переплетены также съ идеальными и послѣднія перевѣшивали (372).

Ранке, повторяю, не принадлежитъ ни къ противникамъ Валленштейна, ни къ его защитникамъ: онъ держится середины. Съ противниками онъ сходится въ томъ, что признаетъ честолюбіе и эгоизмъ Валленштейна, вмѣстѣ-же съ защитниками онъ утверждаетъ, что, въ первый періодъ дѣятельности своей, знаменитый герцогъ Фридландскій готовъ былъ все сдѣлать для блага императора и австрійскаго дома (434). Для объясненія-же послѣдующаго періода дѣятельности Валленштейна Ранке приписываетъ ему высокіе и идеальные помыслы,

во имя которыхъ Валленштейнъ измѣнилъ императору. Прежде для объясненія сношеній съ врагами—приводимъ два стимула: личное благо Валленштейна и личное благо императора. Ранке привелъ другую причину: не во имя личнаго блага какого-либо отдѣльнаго человѣка сносился, по мнѣнію историка, Валленштейнъ съ врагами, а во имя блага цѣлаго народа, цѣлой націи. Это возвышенное объясненіе низкаго факта измѣны составляетъ совершенно оригинальную черту взгляда Ранке. Правда, и до Ранке Валленштейна считали борцомъ за терпимость въ Германіи, но не высказывали этого ясно и опредѣленно.

Хемницъ, напримѣръ, или Гвальди приводятъ въ своей исторіи существовавшіе въ то время разсказы о томъ, что Валленштейнъ очень сильно стоялъ за терпимость, за равноправность религій и т. д. Но, очень характерный фактъ! Ни одинъ изъ историковъ XVII вѣка не принималъ эти разсказы за достовѣрные: и Хемницемъ и Гвальди чувствовалось субъективное происхожденіе этихъ разсказовъ. По крайней мѣрѣ и тотъ и другой объясняютъ сношенія съ врагами желаніемъ обмануть враговъ въ видахъ личной выгоды императора

и никогда не пытаются объяснить сношенія съ врагами идеальнымъ стремленіемъ Валленштейна устроить религіозный миръ въ Германіи вопреки личной выгодѣ императора, какъ это дѣлаетъ Ранке. А между тѣмъ фактическаго матеріала къ рѣшенію этого вопроса не прибавилось съ 17 вѣка, и Ранке стоитъ на той-же почвѣ, имѣетъ дѣло съ тѣми-же фактами, какъ и Хемницъ и Гвальди. То, что казалось невѣроятнымъ писателямъ XVII вѣка, кажется вѣроятнымъ великому представителю исторической науки XIX вѣка.

Мы, съ своей стороны, позволяемъ себѣ присоединиться къ скромнымъ писателямъ XVII вѣка. Намъ такъ же, какъ и имъ, кажется невѣроятнымъ да и невозможнымъ идеализировать измѣну Валленштейна, объяснять ее борьбой за вѣротерпимость или національность нѣмецкаго народа... Намъ кажется невѣроятнымъ это потому уже, что изъ жизни Валленштейна мы имѣемъ нѣкоторые факты, которые ясно указываютъ, что Валленштейнъ вовсе не былъ приверженцемъ ни вѣротерпимости, ни нѣмецкаго національнзма. У Фёрстера, напримѣръ, приведены яснѣе доказательства того, что Валленштейнъ покровительствовалъ іезуитамъ. Изъ

другихъ источниковъ также очевидно проистекаетъ, что герцогъ Фридландскій въ началѣ былъ даже другомъ испанской католической партіи (Gindely II, 34). Странно считать его—на основаніи этихъ фактовъ—представителемъ католической партіи, какъ это дѣлаетъ Фёрстеръ (такъ какъ Валленштейнъ дѣлалъ все это только для своей личной выгоды), но также странно при всѣхъ этихъ фактахъ считать Валленштейна, какъ дѣлаетъ это Ранке, горячимъ защитникомъ интересовъ германскаго народа, борцомъ за вѣротерпимость, у котораго идеальные помыслы превозмогали частные интересы. Если помыслы идеальны, то они искренни. А развѣ могъ Валленштейнъ искренно стоять за вѣротерпимость, когда онъ за два года передъ этимъ поддерживалъ іезуитовъ, злѣйшихъ враговъ ея; развѣ могъ онъ быть искреннимъ защитникомъ германской національной идеи, онъ, который оказывалъ разныя услуги испанцамъ!

Очевидно, приписывать Валленштейну идеальные помыслы и ими объяснять сношенія съ врагами, не говоря уже о томъ, что на это мы не имѣемъ никакихъ твердыхъ данныхъ,— не совсѣмъ правильно. Валленштейнъ не могъ сно-

ситься съ врагами во имя высокой идеи терпимости и неприкосновенности нѣмецкой партіи, потому что онъ раньше былъ врагомъ этихъ идей,—и слѣдовательно онѣ вовсе не были дороги ему. Для чего нибудь другого, слѣдовательно, сносился Валленштейнъ съ врагами, а ужъ никакъ не для блага нѣмецкаго народа. Объясненіе факта сношеній, предложенное Ранке, не можетъ быть принято: оно противорѣчитъ исторической правдѣ. Остается, слѣдовательно, прежнее объясненіе факта сношеній: или Валленштейнъ для своей личной выгоды сносился съ враждебной для императора цѣлью или, наоборотъ, онъ сносился, желая блага императору и его государству.

Въ первомъ случаѣ, какъ на единственное доказательство измѣны Валленштейна историки принуждены ссылаться на донесеніе Раунча, во второмъ—имъ приходится отвергать его. Книга Ранке не дала никакихъ новыхъ доказательствъ измѣны, внесла мало оригинальнаго въ освѣщеніе вопроса о Валленштейнѣ: намъ, по крайней мѣрѣ, кажется рѣшительно невозможнымъ объяснять сношенія съ врагами идеальными стремленіями Валленштейна. Но заслуга Ранке все-таки неизмѣримо

велика въ данномъ случаѣ: собственно, только благодаря книгѣ Ранке была точно и вполнѣ научно опредѣлена фактическая основа исторіи Валленштейна, та канва событій, на которой исторія вышила такой загадочный и таинственный узоръ. Ранке стоитъ посрединѣ между противниками и защитниками Валленштейна: подавая тѣмъ и другимъ руку, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не принадлежитъ ни къ какой отдѣльной партіи.

Это безпартійное положеніе очень трудно, и Ранке относительно самаго крупнаго факта изъ жизни Валленштейна, относительно сношеній съ врагами, не выдержалъ его: средняго рѣшенія онъ такъ и не далъ. Но что касается до перваго періода дѣятельности Валленштейна, до перваго командованія имъ арміей, то Ранке очень удачно скомбинировалъ два противоположные взгляда: а именно: противники Валленштейна говорили, что герцогъ Фридландскій заботился только о себѣ, о своихъ частныхъ интересахъ, объ усиленіи одного только своего могущества; защитники же Валленштейна говорили, что, наоборотъ,—въ первый періодъ Валленштейнъ стремился только къ возвеличенію власти императора, не думая о себѣ.

Ранке-же, не отрицая правильности ни одного изъ этихъ двухъ взглядовъ, объясняетъ дѣятельность Валленштейна въ первый періодъ такимъ образомъ: по его мнѣнію, Валленштейнъ стремился къ возвеличенію императора, но къ этому побуждали его личные интересы: въ увеличеніи императорской власти онъ видѣлъ свое собственное возвышеніе, свою собственную славу.

Служа императору, Валленштейнъ понималъ, что паденіе императора будетъ и его паденіемъ, возвышеніе императора—его собственнымъ возвышеніемъ. Валленштейнъ заботился объ усиленіи власти императора, но заботился только потому, что желалъ погрѣться въ лучахъ его славы. Поэтому можно сказать, что Валленштейнъ въ первый періодъ своей дѣятельности былъ вѣрнымъ слугою императора, защитникомъ его интересовъ. Если бы мы и предположили фактъ измѣны, то измѣнникомъ Валленштейнъ можетъ явиться лишь во второй періодъ, уже послѣ Регенсбургскаго сейма. Съ этимъ, собственно говоря, согласно большинство историковъ. Только одинъ Гинделп не согласенъ съ этимъ.

Въ двухъ томахъ своего сочиненія „Waldstein während seines ersten Generalats“ чешскій ученый про-

буетъ провести другой взглядъ, старается доказать, что изъ Валленштейна въ пять лѣтъ перваго командованія войскомъ образовался измѣнникъ. „Онъ не исполнялъ ни желаній, ни приказаній императора“, говоритъ Гиндели про Валленштейна. „Въ своихъ гигантскихъ планахъ онъ не сдерживался никакимъ авторитетомъ, никакой благодарностью, никакимъ чувствомъ обязанности“. Такъ говоритъ Гиндели и доказать это онъ стремится на цѣлыхъ сотняхъ слѣдующихъ затѣмъ страницъ. Но нельзя не согласиться съ Гедеке, что Гиндели еще въ долгу передъ читателемъ, еще не представилъ ему доказательства своего положенія. Дѣйствительно, отрывки изъ донесеній, враждебныхъ Валленштейну, или изъ другихъ источниковъ, столь же мало солидныхъ, не могутъ считаться доказательствами. Впрочемъ, имя Гиндели пользуется такимъ авторитетомъ, что мы поподробнѣе остановимся на его книгѣ. Хотя, собственно, Гиндели выставилъ въ началѣ книги то положеніе, которое хотѣлъ провести, онъ, однако, не ограничился однимъ доказательствомъ его и нагромоздилъ въ своей книгѣ всѣ обвиненія, которыя столь обильно сыпались на герцога Фридландскаго.

По мнѣнію Гинделя, Валленштейнъ виноватъ во всемъ, даже въ томъ, что не имѣетъ юношеской свѣжести и что онъ боленъ подагрой (II, 383). Гинделя рѣшительно не разбираетъ, съ какой стороны исходятъ обвиненія противъ Валленштейна: со стороны ли заинтересованныхъ лицъ или болѣе или менѣе безпристрастныхъ. Гинделя приводитъ одно обвиненіе за другимъ, ужасается, хотя часто нѣтъ ничего ужаснаго, ставитъ восклицательные знаки и объявляетъ, что отъ ужаса у него встаютъ волосы. Гинделя представляетъ собой рѣдкій примѣръ довѣрчивости: даже показанія такихъ отъявленныхъ враговъ Валленштейна, какъ Словата, Траутмансдорфъ, не отвергаются имъ, а подробно разсматриваются и приводятся въ качествѣ доказательствъ. Мы не имѣемъ возможности слѣдить за всѣми обвиненіями, которыя Гинделя возводитъ на Валленштейна, тѣмъ болѣе, что всѣ эти обвиненія, выраженныя въ очень рѣзкой формѣ, при ближайшемъ ознакомленіи возбуждаютъ большое сомнѣніе. Такъ, напр., Гинделя доказываетъ (II 336), что Валленштейнъ не могъ изъ своихъ денегъ брать тѣ громадныя суммы, которыя онъ одолжалъ императору, и доставалъ ихъ нечестнымъ путемъ. Между тѣмъ, дру-

гой чешскій ученый Билекъ, въ очень солидномъ сочиненіи своемъ „Beiträge zur Geschichte Wallenstein's“ доказываетъ обратное и доказываетъ массой цифръ и справокъ чисто спеціальнаго характера. Нужно быть спеціалистомъ въ бухгалтеріи, чтобы разобраться во всемъ этомъ. Или, напримѣръ, Гиндели упрекаетъ Валленштейна, что знаменитый полководецъ не такъ, какъ слѣдовало бы съ стратегической точки зрѣнія, велъ войну. Опять, для того, чтобы судить объ этомъ, нужно быть спеціалистомъ.

Кромѣ того, Гиндели высказываетъ сомнѣніе, что въ душѣ Валленштейна крылись честолюбивые помыслы,— онъ желалъ сдѣлаться императоромъ Германіи. Самъ Гиндели, впрочемъ, сознается, что Валленштейнъ ни одного намека не сдѣлалъ самъ на это (II, 27); чешскій ученый, въ доказательство своей мысли, приводитъ отзывы современниковъ Валленштейна, думая, что они достаточно убѣдительны. Но отзывы эти по самому тону и положенію настолько субъективны, что едва ли кто убѣдится ими. Да и, кромѣ того, почти во всѣхъ этихъ отзывахъ видна такая неопредѣленность и сбивчивость мысли, что дѣлается очевиднымъ, что сами говорящіе вовсе не были увѣрены въ справедливости своихъ подозрѣній.

Только въ одномъ памятникѣ XVII вѣка мы находимъ эти подозрѣнія выраженными въ очень рѣзкой формѣ: это именно въ донесеніяхъ капуцинскаго монаха, отца Александра, Максимиліану Баварскому. Отецъ Александръ былъ въ апрѣлѣ 1628 г. въ Прагѣ и тамъ бесѣдовалъ будто-бы съ какою то высокопоставленной особой. Эта высокопоставленная особа „Personaggio grande“, какъ она называется въ текстѣ донесеній, высказывала свои мнѣнія о современномъ положеніи вещей и преимущественно о герцогѣ Фридландскомъ. По ея мнѣнію, герцогъ Фридландскій думалъ только о своемъ собственномъ могуществѣ и мечталъ объ императорской коронѣ. Кто была эта таинственная высокопоставленная особа — неизвѣстно. Нѣмецкій ученый Швебекъ думаетъ, что здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать богемскаго канцлера Словату, заклятаго врага Валленштейна. Гиндели же полагаетъ, что это былъ князь Лобковицъ, тоже врагъ Валленштейна. Какъ Гиндели, такъ и Швебекъ доказательствъ почти не приводятъ.

Впрочемъ, мы не станемъ разсматривать, кто правъ въ данномъ случаѣ. Самый вопросъ намъ кажется со-

вершенно праздным. Намъ рѣшительно нѣтъ дѣла до того, кто была эта высокопоставленная особа, Слоата или Лобковицъ. Тотъ и другой были врагами Валленштейна, слѣдовательно, кто бы изъ нихъ ни говорилъ про Валленштейна,—его слова не имѣютъ вѣса, какъ слова человѣка пристрастнаго. Поэтому мы рѣшительно не понимаемъ, какъ можетъ Гинделн придавать какой-либо вѣсъ этому разговору, какъ можетъ заключать о честолюбивыхъ намѣреніяхъ герцога Фридландскаго, „душу котораго“, какъ выразился одинъ изъ современниковъ, „знаетъ только Господь Богъ!“ Вообще опираться, для подтвержденія своего мнѣнія, на заинтересованныя показанія современниковъ, намъ кажется рѣшительно не научно. Доказательства же Гинделн всѣ такого рода. Онъ, какъ мы уже сказали, перетряхиваетъ всѣ старинныя обвиненія противъ Валленштейна, упрекаетъ его въ производствѣ фальшивыхъ денегъ и въ нечестномъ пріобрѣтеніи одного наслѣдства и упрекаетъ, повторяю, очень рѣзко, несмотря на то, что, какъ показалъ Билекъ, всѣ эти обвиненія рѣшительно ни на чемъ не основаны.

Если мы отбросимъ, такимъ образомъ, всѣ обвине-

нія Гиндели, обвиненія, которыя въ сущности не прибавляютъ рѣшительно ничего для доказательства того, что Валленштейнъ сдѣлался въ первый періодъ уже измѣнникомъ, то у насъ останется все-таки очень много важнаго матеріала. Этотъ матеріалъ свидѣтельствуетъ очень сильно въ одномъ направленіи. Изъ книги Гиндели ясно, какъ тягостно отзывалась война на населеніи Германіи, какъ страдалъ народъ отъ контрибуціи и поборовъ, но Гиндели, къ крайнему сожалѣнію, освѣтилъ это очень односторонне. Онъ говоритъ лишь о тѣхъ контрибуціяхъ, о тѣхъ притѣсненіяхъ, которыя совершались однимъ только императорскимъ войскомъ, и обвиняетъ во всѣхъ бѣдствіяхъ Германіи—Валленштейна. Все это очень несправедливо. Во-первыхъ, войско Тилли совершало такія же притѣсненія, если еще не больше, а во-вторыхъ, Валленштейнъ не могъ поступать иначе: онъ содержалъ войско однѣми только контрибуціями, и еслибы не взыскивать ихъ, то все войско перемерло бы отъ голода. Гиндели упрекаетъ также Валленштейна за тѣ звѣрства, которыя совершали его солдаты. Это опять-таки невѣрно: Валленштейнъ былъ рѣшительно не виноватъ

въ нихъ; онъ держалъ очень строгую дисциплину, и нѣсколько очень рѣшительныхъ примѣровъ ея приведено въ книгѣ Билека. Такъ, напр., извѣстно, что онъ осудилъ на смерть за грабежи даже нѣсколькихъ полковниковъ. Но таковъ былъ самый характеръ войска Валленштейна, этой „цыганской банды", какъ называли его современники.

Гинделя всю исторію перваго командованія Валленштейна разсматриваетъ лишь, какъ исторію разграбленія Германіи. По мнѣнію Гинделя, все недовольство, которое было противъ Валленштейна, всѣ протесты князей имѣли одну цѣль,—это избавить страну отъ бѣдствій, причиняемыхъ войскомъ Валленштейна. Самъ Регенсбургскій сеймъ Гинделя разсматриваетъ лишь какъ проявленіе ненависти всей Германіи противъ Валленштейна за тѣ бѣдствія, которыя онъ низвелъ на нее. Это несправедливо. Прося отставки Валленштейна, князья желали, главнымъ образомъ, лишь ослабить возросшее могущество императора. Что это такъ, на это ясно указываетъ и самый характеръ княжескихъ требованій, а главнымъ образомъ поведеніе на сеймѣ пословъ протестантскихъ княжествъ. Протестантскія земли страдали всего больше отъ войскъ Валлен-

штейна. Страданіямъ Бранденбурга Гинделп посвящаетъ даже цѣлыхъ четыре главы. А между тѣмъ, въ инструкціи, данной посламъ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, послѣдній прямо говоритъ, чтобъ они не требовали отставки герцога Фридландскаго, такъ какъ одна армія не лучше, чѣмъ другая, и что княжества одинаково страдали, какъ отъ войскъ Тилли, такъ и отъ войскъ Валленштейна.

Намъ кажется, что это достаточно сильное доказательство того, что не одинъ Валленштейнъ былъ виноватъ въ бѣдствіяхъ Германіи и что поэтому его нельзя винить въ нихъ. Сама война служитъ причиной бѣдствій, а никакъ не полководецъ. Обвиненіе Гинделп въ томъ, что Валленштейнъ является причиной бѣдствій Германіи, намъ кажется рѣшительно не основательнымъ. Вообще, Гинделп, хотя и старался очернить герцога Фридландскаго, но рѣшительно не успѣлъ въ этомъ. Мы уже говорили о томъ, что Гинделп рѣшительно не доказалъ своего положенія, не доказалъ того, что Валленштейнъ въ первый періодъ своей дѣятельности былъ уже измѣнникомъ. Валленштейнъ остается вѣрнымъ слугой Фердинанда, слугой, можетъ быть, и не безко-

рыстнымъ, но никакъ не измѣнникомъ. Это мы говоримъ о первомъ періодѣ дѣятельности Валленштейна.

Что же касается до второго періода, то единственнымъ доказательствомъ измѣны служитъ показаніе Рашина. Мы говоримъ это опредѣленно, не смотря на то, что въ 85 г. вышли 2 спеціальныя работы по этому вопросу,—работа Гильдебрандта и работа Гедеке, которыя, по мнѣнію многихъ, поставили внѣ всякаго сомнѣнія фактъ измѣны. Въ сущности эти книги представляютъ собой сборники писемъ: у Гильдебрандта нѣтъ ни одной строчки изъ писемъ Валленштейна, у Гедеке есть нѣсколько писемъ Валленштейна, но они безразличны въ данномъ вопросѣ. Остаются письма современниковъ Валленштейна: въ нихъ часто сношенія Валленштейна съ саксонцами и шведами разсматриваются за измѣнническія. Это, повторяю, не даетъ намъ повода думать, что они въ самомъ дѣлѣ были таковыми. тѣмъ болѣе, что существуютъ другія письма, въ которыхъ сношенія эти толкуются совершенно иначе: такъ, напр., у Билека приведено письмо Квестенберга, въ которомъ послѣдній прямо говоритъ, что Валленштейнъ стремится къ разъединенію враговъ.

Мы рѣшительно не имѣемъ права дать однимъ письмамъ предпочтеніе передъ другими.

Кромѣ того, у Гильдебрандта приведено нѣсколько писемъ шведскихъ комиссаровъ, въ которыхъ (т. е. письмахъ) въ очень неопредѣленной формѣ передаются слухи о томъ, что и въ 1631 году, т. е. послѣ Регенсбургскаго сейма, Валленштейнъ, проживая частнымъ человѣкомъ въ Прагѣ, сносился съ Густавомъ Адольфомъ. Но эти слухи такъ нелѣпы сами по себѣ, такъ противорѣчатъ въ подробностяхъ извѣстнымъ и вполнѣ завѣреннымъ фактамъ, что рѣшительно не возбуждаютъ къ себѣ довѣрія. Въ одномъ показаніи, напр., передается, что императоръ, перехвативъ письмо, узналъ о сношеніяхъ Валленштейна съ врагами, и потребовалъ отъ герцога Фридландскаго, чтобы тотъ сталъ во главѣ императорскихъ войскъ. Это до такой степени противорѣчитъ простой правдоподобности, что мы рѣшительно не понимаемъ, какъ Гедеке можетъ видѣть въ этомъ доказательство измѣны Валленштейна. Неужели можно предположить, чтобы императоръ, зная Валленштейна за измѣнника, могъ предложить ему предводительство войскомъ, могъ сдѣлать его чуть ли не полновластнымъ господиномъ цѣлой Германіи.

Очевидно, про Валленштейна, когда онъ жилъ въ Прагѣ, носились различные неосновательные, нелѣпые слухи. Эти слухи нашли себѣ отраженіе въ тѣхъ письмахъ, которыя приведены у Гильдебрандта. Но мы рѣшительно не понимаемъ, какъ можно, на основаніи этихъ слуховъ, утверждать, что Валленштейнъ, живя въ Прагѣ, сносился со шведами. Повторяю, работа Гильдебрандта и Гедеке не даютъ никакихъ твердыхъ и положительныхъ доказательствъ измѣны Валленштейна. Единственнымъ доказательствомъ измѣны Валленштейна служитъ лишь показаніе Рашина.

Въ такомъ положеніи вопросъ о Валленштейнѣ находится и теперь: въ тѣ девять лѣтъ, которыя прошли со времени появленія работъ Гильдебрандта и Гедеке, не высказывалось никакихъ новыхъ соображеній въ пользу измѣны Валленштейна. Появившаяся въ 89 году въ Historisches Taschenbuch статья Гедеке ничего новаго не вноситъ для доказательства измѣны, и если и представляетъ какой либо интересъ, то чисто отрицательный. Въ этой статьѣ нѣмецкій ученый пытается поставить вопросъ объ измѣнѣ Валленштейна на какую-то странную, антинаучную почву. Гедеке именно старается

доказать, что дѣйствія Валленштейна нужно разсматривать не съ точки зрѣнія людей XVII вѣка, а съ нашей точки зрѣнія, сообразно нашимъ понятіямъ о чести, объ обязанностяхъ полководца (116). Этого мы рѣшительно не понимаемъ. Такое отношеніе къ историческимъ личностямъ намъ кажется въ высшей степени несправедливымъ, да и невозможнымъ. Какимъ образомъ судить Валленштейна за то, что онъ поступалъ не такъ, какъ наши генералы, когда условія, въ которыхъ онъ дѣйствовалъ, были совсѣмъ не тѣ, что теперь. Да и, кромѣ того, мы думаемъ, что роль ученаго вовсе не должна состоять въ томъ, чтобы судить историческихъ дѣятелей или оправдывать ихъ: судъ и наука—двѣ вещи совершенно разныя. Собственно, только въ этой странной постановкѣ вопроса и состоитъ вся оригинальность статьи Гедеке. Новыхъ фактовъ въ пользу измѣны нѣмецкій ученый рѣшительно не приводитъ; вопросъ, какъ мы уже сказали, остается въ томъ же положеніи. Показаніе Рашина служитъ единственнымъ доказательствомъ измѣны Валленштейна.

Въ самомъ началѣ нашего очерка, когда мы разбирали сочиненія писателей XVII вѣка, мы от-

мѣтили тотъ фактъ, что собственно всѣ они говорятъ противъ подозрѣнія Валленштейна въ измѣнѣ, и что только Сезима Рашинъ, донесеніе котораго цѣликомъ перешло въ XII томъ Кевенгиллера, свидѣтельствуетъ объ измѣнѣ Валленштейна. Намъ кажется это чрезвычайно важнымъ и многозначущимъ. Очевидно, что писатели XVII вѣка, отвергая фактъ измѣны со стороны Валленштейна, объясняя сношенія послѣдняго желаніемъ разъединить враговъ, имѣли твердыя основанія для этого. Если шведъ Хемнитцъ, рѣшительно по всему враждебный Валленштейну, твердо и опредѣленно говоритъ, что герцогъ Фридландскій всю свою жизнь былъ вѣренъ императору, не измѣнилъ ему, и если, повторяю, тотъ же Хемнитцъ прямо утверждаетъ, что сношенія Валленштейна съ врагами имѣли одну цѣль—это разъединить послѣднихъ, то, очевидно, въ XVII вѣкѣ были твердыя доказательства невинности Валленштейна. Разсматривая исторію Валленштейна, необходимо принимать во вниманіе это обстоятельство. Къ несчастію, ученые, занимающіеся исторіей Валленштейна, совершенно упускаютъ это изъ виду.

Нельзя думать, что вопросъ о Валленштейнѣ состо-

нтъ только въ томъ, чтобы рѣшить, достойно-ли довѣрія показаніе Рашина или нѣтъ. Это лишь часть вопроса. Кромѣ показанія Рашина существуютъ свидѣтельства историковъ XVII вѣка, утверждающихъ, что измѣны не было. Для того, чтобы принять показаніе Рашина, нужно отвергнуть эти свидѣтельства. Но обстоятельство это совершенно игнорировали до сихъ поръ: въ концѣ-концовъ все отношеніе историковъ къ вопросу о Валленштейнѣ сводилось лишь къ тому, что они или отвергали или, наоборотъ, принимали показанія Рашина и сообразно этому освѣщали пресловутыя сношенія знаменитаго герцога Фридландскаго съ врагами. Намъ такое отношеніе кажется рѣшительно неправильнымъ: для того, чтобы принять показаніе Рашина, нужно прежде всего отвергнуть свидѣтельства историковъ XVII вѣка о Валленштейнѣ. Да и не одни эти свидѣтельства, а цѣлый рядъ фактовъ, приведенныхъ Хальвихомъ, который съ своей стороны, очень сильно свидѣтельствуетъ въ пользу невинности Валленштейна. Изъ этихъ фактовъ ясно проистекаетъ, по нашему мнѣнію, что Валленштейнъ во весь второй періодъ своей дѣятельности, точно такъ же, какъ и

въ первый, принималъ во вниманіе интересы одного только императора. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію фактовъ, обнаруженныхъ работами Хальвиха, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о книгѣ Швебека, чтобы устранить одно недоразумѣніе.

Книга Швебека — это очень странная книга: авторъ на нее потратилъ, безъ сомнѣнія, очень много труда, но не достигъ никакого результата. Швебекъ задался чрезвычайно неблагодарной мыслью доказать, что всѣ обвиненія, направленныя противъ Валленштейна, проистекали отъ одного источника, а именно—отъ богемскаго канцлера Словаты. Послѣдній, по мнѣнію нѣмецкаго писателя, былъ демономъ тридцатилѣтней войны, который такъ ненавидѣлъ Валленштейна, что готовъ былъ прибѣгнуть за помощью къ нечистой силѣ. Все, что говорилось противъ Валленштейна при жизни послѣдняго, все это исходило изъ однихъ только устъ Словаты. Словата увѣрилъ императора въ измѣнѣ Валленштейна. Словата, по смерти знаменитаго генерала, написалъ на него памфлеты, Словата сочинилъ показаніе Рашина: однимъ словомъ, всѣ современники были въ восторгѣ отъ Вал-

ленштейна, считали его идеаломъ и образцомъ всѣхъ добродѣтелей, и только одинъ Словата клеветалъ на Валленштейна, только онъ одинъ, говоря словами Швебека, „затуманилъ лучезарный обликъ этого героя“.

И все это, по мнѣнію Швебека. Словата дѣлалъ не изъ какихъ нибудь личныхъ выгодъ, а изъ одной только чистой ненависти, изъ одной только болѣзненной страсти преслѣдованія. Все это чрезвычайно неправдоподобно! Для доказательства же своей странной мысли Швебекъ прибѣгаетъ къ какому-то, никому неизвѣстному психологическому методу, въ которомъ рѣшительно нѣтъ никакихъ доказательствъ. По крайней мѣрѣ мы рѣшительно не нашли таковыхъ. Если-же иногда и попадаются въ книгѣ Швебека сколько-нибудь обоснованныя мысли, то эти мысли не относятся до главнаго положенія. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ доказательства до такой степени слабы, что едва-ли кого убѣдятъ. Такъ, напр., въ томъ обстоятельствѣ, что въ домѣ герцога Фридландскаго, въ Прагѣ, висѣли портреты императорской фамиліи (520), Швебекъ видитъ доказательство любви Валленштейна къ императору. „Валленштейнъ“, также по мнѣнію Шве-

бека, „не могъ мечтать о богемской корнѣ, такъ какъ имѣлъ передъ собой несчастный примѣръ Фридриха V'''. «Это психологически невозможно»,—восклицаетъ Швебекъ. Мы же, съ своей стороны, никакой невозможности тутъ не видимъ. Впрочемъ, мы не станемъ вдаваться въ критику Швебека.

Самое основное положеніе Швебека такъ нелѣпо, доказательства такъ странны и, наконецъ, самые его пріемы такъ ненаучны, что, очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ диллетантомъ-любителемъ, а никакъ не съ ученымъ. Самъ Швебекъ въ одномъ мѣстѣ сознается въ этомъ и называетъ себя чуждымъ наукѣ. Мы же, съ своей стороны, упоминаемъ о книгѣ Швебека только потому, что иногда его совершенно смѣшиваютъ съ Хальвихомъ, ставя его на ряду съ послѣднимъ. Такъ, напримѣръ, Гедеке въ вышеупомянутой статьѣ своей обращается прямо иногда къ господамъ Швебеку и Хальвиху. Подобное сопоставленіе намъ кажется рѣшительно несправедливымъ. Швебекъ—диллетантъ, человѣкъ чуждый наукѣ; Хальвихъ, несмотря на всѣ его недостатки, безспорно ученый, человѣкъ науки. Швебекъ ничего не прибавилъ къ рѣшенію вопроса о Валленштейнѣ, Хальвихъ внесъ чрезвычайно много новаго.

Впрочемъ, говоря о Хальвихѣ, нужно различать двѣ стороны: нужно отдѣлить Хальвиха — мыслителя, комментатора фактовъ, отъ Хальвиха — изслѣдователя, собирателя фактовъ. Какъ мыслителя, Хальвиха можно считать просто плохимъ. Ничего оригинальнаго въ объясненіе характера Валленштейна Хальвихъ не вноситъ: онъ просто-на-просто преклоняется передъ герцогомъ Фридландскимъ и въ этомъ преклоненіи доходитъ часто до смѣшного. «Я возлагаю своей книгой пальмовую вѣтвь на могилу великаго мужа» ,— говоритъ Хальвихъ по поводу изданія одного своего сочиненія. Кромѣ того, у Хальвиха замѣчается отсутствіе нѣкоторыхъ общепринятыхъ въ литературѣ правилъ: въ полемикѣ нѣмецкій ученый рѣзокъ и грубъ,—въ своихъ сочиненіяхъ, говоря о повѣйшихъ изслѣдованіяхъ по вопросу о Валленштейнѣ, онъ на первомъ планѣ приводитъ свои работы. Въ его небольшой брошюрѣ „Thurn,—als Zeuge im Process Wallenstein“, попадаются прямо утвержденія, что никто лучше его не знаетъ вопроса о Валленштейнѣ. Все это, на первый разъ, можетъ оттолкнуть отъ Хальвиха; за этими мелочами можно не видѣть дѣйствительныхъ заслугъ нѣмецкаго ученаго. А заслуги эти, повторяю, чрезвычайно велики.

Хальвихъ собралъ, если вѣрить ему, 10 тысячъ новыхъ документовъ. Изъ этихъ документовъ напечатаны имъ 1350, — цифра все-таки чрезвычайно почтенная. Письма эти помѣщены въ 2-хъ томахъ сочиненія Хальвиха „Wallenstein's Ende". Между этими письмами много уже извѣстныхъ, но нѣкоторыя изъ нихъ появляются первый разъ въ печати. Мы не станемъ подробно разсматривать эти письма, скажемъ только, что изъ нихъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы: во-первыхъ, изъ этихъ писемъ ясно, что императоръ зналъ о сношеніяхъ Валленштейна со шведами и саксонцами, по донесеніямъ послѣдняго, во-вторыхъ то, что эти сношенія вовсе не были враждебны императору.

Книга Хальвиха почти совершенно неопровержимо свидѣтельствуетъ въ пользу того, что пресловутыя сношенія съ саксонцами,—сношенія, которымъ придавали характеръ измѣны,—велись вовсе не о неисправленіи императора, а лишь о мирѣ. Къ чему велъ Валленштейнъ переговоры о мирѣ,—желалъ ли онъ дѣйствительно прочнаго мира, или стремился только разъединить враговъ,—на это книга Хальвиха не даетъ прямого отвѣта. Вѣроятнѣе послѣднее. На это указываетъ очень много фактовъ:

указываетъ, во-первыхъ, то, что многіе современники, какъ, напр., Георгъ Вильгельмъ Бранденбургскій, вѣрный союзникъ саксонцевъ, съ которымъ тоже Валленштейнъ вступилъ въ переговоры, прямо говорили, что цѣль этихъ переговоровъ это— лишь разъединеніе протестантскихъ силъ. Что Валленштейнъ, дѣйствительно, старался разъединить враговъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: когда саксонскій полковникъ Дюваль поссорился со своимъ главнокомандующимъ, Арнимомъ, Валленштейнъ сейчасъ же попробовалъ воспользоваться этимъ и привлекъ на свою сторону недовольнаго. Онъ также, какъ очевидно изъ Хальвиха, старался отвлечь отъ союза со Шведами рейнграфа—Отто Лудвига—и много фактовъ другихъ подобнаго рода находится въ книгѣ Хальвиха. Я не знаю, какъ можно, въ виду этихъ фактовъ, утверждать, что Валленштейнъ былъ измѣнникомъ; я не понимаю, какъ можно говорить, что знаменитый герцогъ Фридландскій тайно сносился съ саксонцами съ враждебной для императора цѣлью, когда онъ самъ доносилъ объ этихъ сношеніяхъ императору и когда сохранились даже письма Валленштейна къ Арниму и Арнима къ Валленштейну

и когда въ этихъ письмахъ говорилось только о мирѣ. Чрезвычайно важно также донесеніе графа Турна, по словамъ Рашина, главнаго посредника въ переговорахъ Валленштейна съ непріятелемъ. Это донесеніе въ первый разъ напечатано въ день юбилея Валленштейна — Хальвихомъ. Турнъ съ негодованіемъ отвергаетъ показаніе Рашина, и показаніе его, конечно, авторитетнѣе, чѣмъ показаніе послѣдняго. За Турна стоятъ всѣ историки XVII вѣка, за Турна стоятъ тѣ, приведенные Хальвихомъ, факты, о которыхъ мы сейчасъ упомянули; за Рашина же— рѣшительно ничего. Даже, если-бы не было противорѣчивыхъ Рашину свидѣтельствъ, если-бы изъ всѣхъ матеріаловъ исторіи Валленштейна осталось одно только показаніе Рашина, я не знаю, кто бы могъ принять его. Самая личность Рашина настолько загрязнена, самыя обстоятельства, при которыхъ онъ давалъ показанія, настолько подозрительны, въ его показаніи такъ много противорѣчій съ вполнѣ завѣренными источниками, что, по нашему мнѣнію, его свидѣтельство не заслуживаетъ рѣшительно никакого вниманія.

Свидѣтельство Турна, показанія писателей XVII вѣка, письма современниковъ,—близкихъ участни-

ковъ исторіи Валленштейна,—все это указываетъ на то, что при сношеніяхъ Валленштейна съ врагами преслѣдовались не враждебныя императору цѣли, а, наоборотъ, Валленштейнъ стремился разъединить враговъ императора, стремился къ личной пользѣ императора. Это не удалось ему: во время самаго разгара сношеній войска баварскаго курфюрста ударили на саксонцевъ. Другая неудача разрушила также всѣ стратегическія намѣренія Валленштейна: Бернгардъ неожиданнымъ, смѣлымъ, геніальнымъ поворотомъ разорвалъ всѣ тѣ сѣти, которыя сплелъ для него осторожный и тонкій умъ герцога Фридландскаго.

При вѣнскомъ дворѣ поднялось недовольство: испанская и баварская партіи восторжествовали, — Валленштейнъ понялъ, что онъ погибъ, и теперь у Валленштейна, всегда холоднаго и осторожнаго, начинается періодъ бурной, лихорадочной дѣятельности. Онъ то созываетъ своихъ полковниковъ и заставляетъ ихъ клясться, что они всюду пойдутъ за нимъ, то обращается за помощью къ шведамъ и саксонцамъ. Но надежды на спасеніе нѣтъ. Уже издастся патентъ, въ которомъ герцогъ Фридландскій объявляется измѣнникомъ. Валлен-

штейнъ дѣлаетъ отчаянныя усилія, но погибаетъ подъ ударами алебарды Деверу. Передъ смертью онъ обратился за помощью къ врагамъ, но это были лишь судороги утопающаго, лишь желаніе спасти свою жизнь, и никто не можетъ поставить это въ вину Валленштейну. До января же 34 года, до того времени, когда еще онъ не былъ обреченъ на гибель, Валленштейнъ заботился только объ одномъ величіи императора, стремился только къ одному уничтоженію враговъ Фердинанда. Дѣйствовалъ онъ такъ, конечно, потому, что видѣлъ въ величіи императора свое собственное величіе, въ его славѣ—свою собственную славу. Идеальные помыслы не волновали грудь Валленштейна, онъ былъ лишь вѣрнымъ, правда, небезкорыстнымъ, слугой императора, жестоко и несправедливо убитымъ послѣднимъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, что считать Валленштейна измѣнникомъ рѣшительно невозможно.

Мнѣ не хочется подводить итоговъ всему, что я перечислилъ. Вы, я думаю, и безъ меня это сдѣлаете. Мнѣ хотѣлось только указать, какъ простой и неинтересный фактъ убійства генерала придворной партіей съ согласія императора—окрасился

въ изображеніяхъ западно-европейскихъ историковъ въ такой яркій и рѣзкій цвѣтъ. Жизнь на самомъ дѣлѣ гораздо сѣрѣе и мельче, чѣмъ ее изображаютъ историки.

Я вообще не понимаю этого опоэтизированія представителей грубой, неуклюжей военной силы, этого преклоненія передъ тѣмъ, что богато, знатно и сильно, которое наполняетъ сердца людей холодной науки. Да неужели въ жизни человѣческой нѣтъ ничего красивѣе военныхъ парадовъ, достойнѣе расшитаго золотомъ мундира? И потомъ—все это могущество издалека кажется лишь такимъ большимъ. Гинделя, отъ всей души ненавидящій Валленштейна, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ передъ смертью докладовъ въ Королевскомъ Чешскомъ Научномъ Обществѣ, съ какимъ то содроганіемъ въ голосѣ говорилъ о томъ, какъ велика была его власть во второй періодъ его командованія. А между тѣмъ, если разобрать потщательнѣе, то будетъ видно, что Валленштейнъ получилъ лишь обычныя фельдмаршальскія полномочія.

Валленштейнъ былъ грубый и жесткій, очень энергичный и очень неглупый военный. При австрійскомъ дворѣ люди были маленькіе и мелкіе

интриганы и хитрецы больше изъ чистаго искусства, чѣмъ для своей пользы. Темныя фигуры іезуитовъ бродили тамъ и сямъ. Все это скучало, носило большіе отложные воротники и любило красныя свѣчи въ темныхъ шандалахъ, старое итальянское серебро и зеленый хрусталь на столѣ. Валленштейнъ же обожалъ высокіе сапоги на двойной подошвѣ, широкую шляпу со страусовыми перьями и тяжелый орденъ золотого руна; ему было скучно среди закопченыхъ стѣнъ габсбургскаго дворца,—онъ не выносилъ его маленькихъ оконъ. Солдатъ своихъ онъ любилъ, но такъ, какъ кучеръ любитъ лошадей, и пажамъ своимъ шилъ ливреи на ростъ. Онъ былъ энергиченъ, и отъ безсонной ночи у него никогда не болѣла голова. Онъ чего-то хотѣлъ и, понятно, добивался; при дворѣ же Габсбурговъ никто ничего не хотѣлъ, потому что „хотѣть“ было лѣнь.

Валленштейнъ совершилъ много побѣдъ, но принужденъ былъ удалиться. Партія князей возстала противъ него и это было очень понятно: Валленштейнъ, разъ обѣщавшись императору, честно дѣлалъ свое дѣло и стоялъ за него,—за него лично, даже противъ князей. Потомъ императоръ опять позвалъ Валленштейна: тотъ опять сталъ стараться,

но уже безъ прежняго увлеченія, какъ слуга, котораго разочли, а потомъ взяли вновь. Пухлая іезуито-испанская партія, свившая свое гнѣздо при габсбургскомъ дворѣ, должно быть отъ скуки начинаетъ клевстать на Валленштейна, императоръ вѣритъ и объявляетъ своего генерала измѣнникомъ. Валленштейнъ рвется во всѣ стороны, какъ раненый боевой конь, и, наконецъ, падаетъ подъ ударами подосланныхъ убійцъ. Его, конечно, жалко, но особенно плакать нечего. Въ исторію онъ никакой новой идеи не внесъ, а вѣдь еще наши дѣды говорили, по Гегелю, что только то заслуживаетъ вниманія, что имѣетъ подъ собой идею.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА
ВО ФРАНКСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Вопросъ о средневѣковомъ хозяйствѣ и землевладѣніи связанъ и перевитъ со многими существенными вопросами всеобщей исторіи. На сущности хозяйственнаго строя можно прослѣдить—что новаго внесли германцы въ жизнь, въ чемъ измѣнили они царствовавшій доселѣ римскій порядокъ. Другими словами, приходится опредѣлить—не является ли, напримѣръ, сельская община, бывшая очень важнымъ факторомъ хозяйственной жизни въ феодальный періодъ,—не является ли она продуктомъ германскаго вліянія. Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно опредѣлить существовала или не существовала сельская община во франкскій періодъ,—періодъ, слѣдовавшій за завоеваніемъ провинцій.

Объ этомъ вопросѣ существуетъ споръ, и споръ очень горячій. Съ одной стороны стоятъ романисты въ рукахъ со знаменемъ, оставленнымъ въ наслѣд-

ство Фюстель-де-Куланжемъ; они утверждаютъ, что хозяйственный строй римскихъ провинцій послѣ завоеванія ихъ варварами остался тотъ же, что и прежде; они говорятъ, что новаго германцы не внесли, да и внести не могли. Съ другой—стоятъ германисты: они еще съ блаженной памяти Маурера утверждаютъ, что, въ противуположность индивидуальной римской формѣ собственности, германцы внесли принципъ общиннаго владѣнія. Приходится разбираться во всемъ этомъ. Мнѣ хочется охарактеризовать взгляды романистовъ и въ особенности взгляды Фюстель-де-Куланжа. Но прежде чѣмъ приняться за это, я думаю сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Великій Римъ палъ, провинціи были заняты варварами. Это было нестройное, смутное время. Главный источникъ этого періода—„Правды“ или „Leges barbarorum“: „Правда Салическая“, двѣ „Бургундскія Правды“, „Правда Остготовъ“ и другія. Кромѣ того существуютъ еще объ этомъ періодѣ извѣстія у лѣтописцевъ, остались т. н. формулы, но все это сравнительно маловажно. Приходится разсматривать главнымъ образомъ различныя постановленія „Правдъ“ и стараться возсоздать по нимъ тотъ хозяйствен-

ный строй, который существовалъ тогда: это очень трудно. „Правды“ слишкомъ холодный и офиціальный источникъ, чтобы дать полную картину жизни: многіе факты обычнаго права остались совершенно незатронутыми имп. Вслѣдствіе этого объ общинѣ могутъ быть лишь отдѣльные намеки; романисты считаютъ ихъ лишенными всякаго значенія, германисты находятъ ихъ достаточными для доказательства существованія общины. Но кромѣ текстовъ важны еще обстоятельства самого завоеванія провинцій. Нужно опредѣлить — какъ занимались провинціи варварами, было ли это сліяніе или завоеваніе. Если это было сліяніе, то правдоподобнѣе предположить, что въ сплѣ остался римскій порядокъ индивидуальной собственности; если было завоеваніе, то является возможность, что германцы внесли что-либо свое. Но при ознакомленіи съ исторіей этого періода, приходится отмѣтить, что завоеваніе происходило крайне безпорядочно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно ясно можно установить фактъ сліянія: герулы, готы, бургунды размѣщаются впачалѣ въ качествѣ военнаго постоя въ римскихъ провинціяхъ. Потомъ это оказывается неудобнымъ, и имъ отводится третья часть всей

территоріи. При такихъ условіяхъ германцамъ, конечно, было трудно внести что-либо новое.

Не такъ поступали франки. Они грубо и властно захватывали землю. Какъ извѣстно,—вначалѣ часть ихъ была поселена, еще при Аэціѣ, въ качествѣ военныхъ постовъ, въ чертѣ римскихъ владѣній. Въ 486 они взяли Суасонъ и затѣмъ завладѣли страной до Луары. Мы не станемъ говорить, какъ помогала Хлодвигу церковь, какъ онъ отнялъ у вестготовъ Аквитанію, какъ онъ побѣдилъ аллемановъ и проч. Затѣмъ сынъ его Клотарь завоевалъ Бургундію. Нашей главнѣйшей задачей является установить—была ли община у франковъ или нѣтъ. Не нужно забывать, что франки не сливались: они завоевывали. Какъ уже было сказано, – главнымъ источникомъ этого періода являются „Правды“, въ особенности „Правда Салическая“.

Есть нѣкоторые намеки въ „Салической Правдѣ“, указывающіе, по словамъ германистовъ, на существованіе общины, -напр., параграфъ „De migrantibus“. Этотъ параграфъ гласитъ такъ: „Если кто захочетъ поселиться у другого лица или на его мѣстѣ въ деревнѣ, то ему можно сдѣлать это только тогда, когда никто изъ остальныхъ обитателей въ деревнѣ

не будетъ противъ этого". Германисты объясняютъ это такъ, что земля принадлежала всѣмъ сельчанамъ, была общая, если нужно было для занятія земли согласіе всѣхъ. Затѣмъ есть указаніе на общину въ одномъ изъ эдиктовъ Хильперика,—наслѣдуютъ землю, когда нѣтъ прямыхъ родственниковъ, vicini „сосѣди". Но все это лишь отдаленные намеки. Общину можно прямо и опредѣленно установить лишь послѣ Карла Великаго, но эта община не свободна, она въ крѣпостной зависимости у помѣщика. Фюстель-де-Куланжъ утверждаетъ, что общину образовалъ помѣщикъ, Мауреръ говоритъ, что община есть проявленіе свободнаго германскаго духа. Для насъ интереснъ одинъ Фюстель-де-Куланжъ, и мы разберемъ въ подробности его взгляды. Теперь только мы скажемъ, какой видъ имѣла община въ средніе вѣка.

Часть земель находилась не только въ общемъ владѣніи, но и пользованіи. Таковы были лѣсъ и пастбища. Вначалѣ, какъ кажется, можно было рубить деревъ и выгонять скота сколько угодно; потомъ стали сильно ограничивать: нельзя было выгонять болѣе опредѣленнаго количества головъ скота, нельзя было рубить дерева, не отмѣтивъ его раньше. Право об-

работки пустопорожней земли было тоже строго ограничено. Но свободной необработанной земли оставалось уже очень немного. Больше всего въ то время было луга. Относительно луговъ поступали такъ: разбивали ихъ на клинья, которые потомъ и доставались по жребію отдѣльнымъ владѣльцамъ. Но лугъ находился въ частномъ пользованіи только тогда, когда трава не была скошена. Послѣ покоса лугъ дѣлался общественнымъ выгономъ. Поля были, въ сущности, всегда въ отдѣльномъ пользованіи. Общественное же владѣніе полями высказывалось въ очень незначительныхъ случаяхъ передѣла, принудительномъ сѣвооборотѣ, чересполосицѣ и проч.

Я очень кратко и, можетъ быть, неточно охарактеризовалъ средневѣковую общину. Повторяю еще разъ—эта община—крѣпостная. Фюстель-де-Куланжъ, Сибомъ и другіе стремятся доказать, что она произошла, какъ результатъ соглашенія помѣщика съ крестьянами. Мнѣ именно и хочется разобрать аргументацію Фюстель-де-Куланжа по этому поводу. Можетъ, это дастъ намъ нѣсколько новыхъ чертъ для характеристики западной науки.

Во французской исторической литературѣ за пафосомъ Мишле, надутымъ доктринерствомъ Тьера, всегда проглядывало другое — строгое и холодное направленіе людей, мало чему вѣрящихъ на слово и, какъ Ѳома, желающихъ вложить перстъ въ рану, чтобы убѣдиться въ ея существованіи. Еще Боморъ отрицалъ чуть ли не всю римскую исторію потому, что мало документальныхъ памятниковъ республиканскаго періода. Это направленіе теперь очень окрѣпло: однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей его является Фюстель-де-Куланжъ. Мы будемъ разсматривать его отношеніе къ спутанному и сбитому вопросу объ общинѣ во франкскій періодъ.

Пятую главу III тома «Histoire des institutions politiques de l'ancienne France» Фюстель-де-Куланжъ посвящаетъ вопросу о франкской общинѣ. Во второй главѣ Фюстель-де-Куланжъ уже разбиралъ этотъ вопросъ и рѣшилъ его отрицательно. V глава посвящена не столько разбору самаго вопроса, сколько разбору общинной теоріи. „Мы разобрали, — говоритъ Фюстель-де-Куланжъ въ началѣ главы, — всѣ документы меровингской эпохи: они всѣ намъ указали на существованіе частной собственности". Но, несмотря все-таки на это, Фюстель-де-Куланжъ не

считаетъ возможнымъ пройти молчаніемъ распространенное въ литературѣ противуположное мнѣніе и считаетъ своимъ долгомъ посмотрѣть, насколько оно близко къ истинѣ. Разсмотримъ же поподробнѣе его возраженія. „Представители общинной теоріи, несмотря на то, что документы ясно и единогласно говорятъ въ пользу частной собственности, утверждаютъ, что они нашли нѣсколько словъ въ законахъ, нѣсколько чертъ въ семи или восьми грамотахъ, чего достаточно, чтобы ихъ увѣрить въ существованіи общины," разсуждаетъ Фюстель-де-Куланжъ и, на основаніи этого, считаетъ своею обязанностью разобрать доводы своихъ противниковъ. „Для того, чтобы быть увѣреннымъ въ истинѣ,— продолжаетъ онъ,— существуетъ только одно средство". Это средство — разборъ тѣхъ текстовъ, которые приводятся представителями общинной теоріи въ ея оправданіе. „Самое лучшее,—по мнѣнію Фюстель-де-Куланжъ,—взять какое-нибудь одно подходящее сочиненіе и разобрать его цитаты". И Фюстель-де-Куланжъ беретъ сочиненіе Глассона „Histoire de droit et des institutions de la France", именно его главу объ общинѣ. Фюстель де-Куланжъ, хочетъ на примѣрѣ показать читателю, какимъ образомъ нахо-

дятъ истину и какимъ образомъ доходятъ до ложнаго заключенія. „Il n'y a rien de plus important en histoire que la methode“,—восклицаетъ Фюстель-де-Куланжъ по этому поводу. Но особенно вредныхъ какихъ-нибудь пріемовъ Глассона онъ не изобличаетъ и указываетъ лишь на то, что Глассонъ исказилъ и неправильно понялъ тексты. Я не думаю, чтобы Фюстель-де-Куланжъ серьезно задавался педагогической цѣлью научить читателя не искажать текстовъ и полагаю, что главная цѣль Фюстель-де-Куланжъ была чисто полемическая: главная его цѣль—доказать всю неосновательность аргументовъ Глассона. Главная цѣль Глассона была опровергнуть доказательства Фюстель-де-Куланжъ, изложенныя въ его „Recherches sur quelques problèmes d'histoire“. Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ полемикой двухъ ученыхъ. Полемика, конечно, дѣло законное,—она даже можетъ чрезвычайно помочь для уясненія предмета, особенно, какъ въ данномъ случаѣ, когда та и другая сторона основываютъ свои доказательства на текстахъ и фактахъ; но она, какъ намъ кажется, всегда влечетъ за собою необходимое слѣдствіе—это извѣстное увлеченіе спорящихъ, извѣстное преувеличеніе въ свою пользу, извѣстное подчеркиваніе нѣкоторыхъ, въ об-

щей суммѣ, неважныхъ фактовъ. Впрочемъ, объ этомъ потомъ.

Куланжъ употребляетъ въ полемикѣ пріемъ очень удачный и очень простой: онъ провѣряетъ всѣ цитаты противника, разсматриваетъ всѣ тексты, приводимые послѣднимъ. Къ этому пріему Фюстель-де-Куланжъ прибѣгалъ очень часто, какъ, напр., въ своихъ „Recherches“, въ статьѣ „Le problème des origines de la propriété foncière“, помѣщенной въ „Revue des questions historiques“ (1890), наконецъ въ данномъ случаѣ. Но пріемъ этотъ имѣетъ также и свои темныя стороны: Фюстель-де-Куланжъ провѣряетъ всѣ цитаты съ одинаковымъ усердіемъ и точностью, но вѣдь цитаты цитатамъ рознь: однѣ цитаты важны, другія имѣютъ малое значеніе. На однихъ авторъ можетъ ссылаться для подтвержденія самыхъ основныхъ своихъ положеній, относительно неточности или неважности другихъ авторъ можетъ сдѣлать также оговорку. Разсматриваніе всѣхъ цитатъ подрядъ, намъ кажется, иногда обусловливаетъ за собой непроизводительную трату силъ. А потомъ и не совсѣмъ справедливо: побѣда, правда, бываетъ, но часто слишкомъ дешевая.

Примѣръ подобнаго неудобства системы Куланжа

является и въ данномъ случаѣ полемики Куланжа съ Глассономъ. Первыя три замѣчанія Фюстель-де-Куланжа относятся къ употребленію слова „marca“. Фюстель-де-Куланжъ много и очень убѣдительно говорилъ относительно этого: и въ „Recherches“ и въ „Revue des questions historiques“ онъ доказывалъ, что „marca“ въ началѣ обозначала собой границу между владѣніями, а потомъ и сами владѣнія, но никогда не обозначала собой земли, принадлежащей сельской общинѣ, какъ то полагали представители общинной теоріи—Мауреръ и Вайцъ. Мы не станемъ разсматривать, насколько справедливо положеніе Куланжа, не станемъ разсматривать уже потому, что нашей задачей вовсе не является рѣшеніе вопроса по существу: мы только стараемся уловить особенности Фюстель-де-Куланжа, какъ представителя извѣстной школы. И вотъ поэтому первыя три замѣчанія очень характерны.

Правда, что Глассонъ для доказательства своего положенія, что слово „marca“, кромѣ значенія—„граница“, употреблялось также для обозначенія общинной земли—правда, что для доказательства этого положенія, Глассонъ привелъ два текста совсѣмъ неудачныхъ, а одинъ (Lex Ripuaria,

L X, 5.) не совсѣмъ ясный, но правда также и то, что самъ Глассонъ вовсе не думаетъ серьезно и сильно поддерживать свое утвержденіе. По крайней мѣрѣ, сейчасъ же послѣ этого утвержденія онъ говоритъ, что даже, если и признать, что слово „marca“ въ эту эпоху и никогда не обозначаетъ общинной земли, то все-таки неосновательно заключать изъ этого, что никакой земли не было въ общинномъ пользованіи. Аргументація Фюстель-де-Куланжа такимъ образомъ пропадаетъ даромъ или почти даромъ: Фюстель-де-Куланжъ доказываетъ то, съ чѣмъ Глассонъ считаетъ возможнымъ согласиться безъ ущерба для себя. Въ этой непроизводительной тратѣ силъ и, кромѣ того, въ этомъ подчеркиваніи мнѣнія противника вина, главнымъ образомъ, самой методы Фюстель-де-Куланжа, обращающаго, по его собственному признанію, вниманіе не на самую теорію, а лишь на ту одежду эрудиціи, которую ей придаютъ (Revue des questions historiques).

Конечно, тексты — чрезвычайно важная вещь, но и общія соображенія иногда не лишены значенія. Обращая вниманіе на одни только тексты и тексты, не зная ничего больше ихъ, Куланжъ рѣшительно не признаетъ силы общихъ соображе-

ній, а общія соображенія иногда имѣютъ большую силу; такъ, напр., въ данномъ случаѣ: вслѣдъ за вышеприведеннымъ мѣстомъ сейчасъ же Глассонъ приводитъ такое общее соображеніе: „Нельзя“, говоритъ онъ, „оспаривать существованія „марки“, какъ общинной земли, начиная съ XII вѣка и поэтому, по системѣ Фюстель-де-Куланжа, нужно признать, что на извѣстныхъ частяхъ территоріи общинное пользованіе замѣнило индивидуальную собственность. Не подлежитъ сомнѣнію, что нужно было бы по крайней мѣрѣ показать, вслѣдствіе какихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ образованъ этотъ единственный въ исторіи феноменъ“.

Противъ этого можно очень многое возразить: Фюстель-де-Куланжъ даетъ на стран. 355 и 356 своихъ „Recherches“ и на стран. 272 III тома „Histoire des institutions politiques de l'ancienne France“ очень много ясныхъ намековъ для этого, но противъ Глассона въ данномъ случаѣ не возражаетъ и оставляетъ безъ вниманія все-таки вѣское заявленіе Глассона. Или, далѣе, по поводу той-же земли, находящейся въ общемъ пользованіи (Глассонъ ее все-таки называетъ не совсѣмъ правильно—„marca“), Глассонъ приводитъ

очень солидное соображеніе, почему общинное пользованіе землею не отразилось цѣликомъ въ законодательствѣ: „Очень естественно“, говоритъ Глассонъ, „что между сосѣдями относительно общиннаго пользованія были извѣстные мѣстные обычаи. Изъ уваженія къ нимъ „Варварскія Правды“ и не даютъ общиннымъ владѣніямъ однообразной организаціи“. Это очень вѣское соображеніе. Оно также нѣкоторымъ образомъ существенно подрываетъ предшествовавшую аргументацію Куланжа, видѣвшаго отсутствіе сельской общины у франковъ въ отсутствіи указаній на нее въ „Варварскихъ Правдахъ“! Но Фюстель-де-Куланжъ молчитъ объ этомъ утвержденіи Глассона: оно, правда, не подкрѣпляется никакой цитатой. Вообще намъ кажется, что способъ полемики Фюстель-де-Куланжа посредствомъ провѣрки цитатъ, хотя иногда и очень убѣдителенъ и производитъ впечатлѣніе, но имѣетъ также и свои темныя стороны: во-первыхъ, благодаря ему подчеркиваются положенія противника, оставленныя тѣмъ въ тѣни и, такимъ образомъ, измѣняется до извѣстной степени ихъ смыслъ, и во-вторыхъ, благодаря этому, остаются безъ вниманія общія, иногда очень важныя, соображенія противника.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, мы перей-

демъ къ другимъ замѣчаніямъ Фюстель-де-Куланжа, касающимся болѣе важныхъ текстовъ. Впрочемъ, скажемъ ранѣе, какого мнѣнія держится Глассонъ относительно общиннаго владѣнія землею. Глассонъ вовсе не думаетъ отрицать частную индивидуальную собственность. Общинное-же владѣніе, по его мнѣнію, иногда можетъ простираться на земли необработанныя, на лѣсъ, на пастбища; иногда на земли обработанныя и населенныя и тогда оно распространяется надъ индивидуальной собственностью. Члены общины владѣютъ своими участками; они пользуются ими, собираютъ съ нихъ плоды, могутъ ихъ отчуждать и даже передавать по наслѣдству, но общинность земли ограничиваетъ до извѣстной степени ихъ права.—Такъ думаетъ Глассонъ; такъ или почти такъ думаютъ и другіе представители общинной Теоріи (Вайцъ и Мауреръ). Фюстель-де-Куланжъ все это пропускаетъ мимо: онъ видитъ слѣдующую цитату и выписываетъ только одно мѣсто, относящееся до нея; это опять-таки несправедливо.

„Общинное владѣніе“, говоритъ Глассонъ, „распространяется на лѣсъ, пастбища, на необработанныя земли, но иногда даже и земли обработанныя

эксплоатируютъ сообща". Послѣ этого слѣдуетъ цитата. Фюстель-де-Куланжъ передаетъ дѣло такъ, что эту цитату Глассонъ привелъ для того, чтобы доказать, что „les fôrets et même les terres labourables étaient en commun". Слово „quelquefois" пропущено. — утвержденіе Глассона получаетъ другую окраску. Все это, какъ намъ кажется, очень характерно для Фюстель-де-Куланжа.

Для подтвержденія вышеупомянутаго мѣста относительно общиннаго владѣнія Глассонъ приводитъ I статью изъ „Бургундской Правды". 1 § этой статьи очень важенъ: Quia nihil de praestita patribus donandi licentia, vel munificentia dominantium, legibus fuerat constitutum, praesenti constitutione omnium uno voto et voluntate decrevimus, ut patri etiam, antequam dividat, de communi facultate et de labore suo cuilibet donare liceat; absque terras ortis titulo adquisita, de qua prioris legis ordo servabitur. Вотъ какъ гласитъ этотъ законъ. Фюстель-де-Куланжъ нѣсколько измѣняетъ его. „Au sujet de la faculté laissée aux pères de faire des donations, nous avons décrété que le père, avant de faire le partage entre ses fils, pourrait, sur la fortune encore indivise et sur ses acquêts, faire des donations à qui il voudrait.

По поводу права даренія, предоставленнаго отцамъ, мы постановили, что отецъ прежде, чѣмъ совершить раздѣлъ между своими сыновьями, можетъ дарить кому онъ хочетъ изъ общаго (семейнаго, общиннаго) достоянія и изъ благопріобрѣтеннаго имущества.

Здѣсь весь смыслъ заключается въ выраженіи «communis facultas». Куланжъ объясняетъ это выраженіе «de communi facultate», какъ обозначающее общую семейную собственность. Общинную собственность села, по мнѣнію Куланжа, это выраженіе не можетъ обозначать потому, что если бы «земли были въ общинномъ владѣніи деревни, то отецъ не могъ ихъ дѣлить между своими сыновьями». Это не совсѣмъ такъ: Глассонъ вѣдь прямо говоритъ, что члены общины могли отчуждать свои участки, но что все-таки подкладкой этой индивидуальной собственности была общинная собственность, обстоятельство, въ извѣстныхъ случаяхъ ограничивающее индивидуальное право. Членъ общины могъ дарить кому угодно пользованіе своею частью, могъ извѣстную часть земли дѣлить между сыновьями,—въ этомъ не было ничего противорѣчащаго общинному владѣнію.

Намъ, поэтому, кажется возраженіе Фюстель-де-Куланжа довольно слабымъ; подобное же возраженіе, однако съ гораздо большей силой, можетъ быть обращено противъ самого Фюстель-де-Куланжа: общую семейную собственность никто не имѣлъ права дарить кому угодно: это была бы не общая, а индивидуальная собственность и эпитетъ «communis» является у Фюстель-де-Куланжа совершенно непонятнымъ; только объясняя communis въ смыслѣ общиннаго владѣнія, только такимъ образомъ можно понять I статью „Бургундской Правды“. Это, конечно, лишь намекъ на существованіе общиннаго владѣнія, а не ясное и очевидное доказательство, какъ то, можетъ быть, думаетъ Глассонъ; но намекъ безспорный, не смотря на возраженіе Фюстель-де-Куланжа, возраженіе, во 1-хъ, какъ мы видѣли, не совсѣмъ основательное и во 2-хъ чрезвычайно голословное.

Кромѣ того, въ разбираемомъ нами первомъ параграфѣ перваго закона „Бургундской Правды“ очень интересно, пропущенное почему-то Фюстель-де-Куланжемъ, окончаніе. Въ этомъ окончаніи передается извѣстное ограниченіе права раздавать земли: отецъ можетъ дарить de communi facultate et de suo labore, no absque terra sortis titulo adquisita de qua prioris legis ordo

servabitur. Въ этомъ окончаніи сквозитъ косвенное опроверженіе предположенію Куланжа, что communis facultas равнозначуще съ fortune patrimoniale, потому что sors—вѣдь собственно ничто иное, какъ fortune partimoniale. Напр. Lex Burg. 78. De hereditatum successione statuimus ut, si pater cum filiis sortem suam diviserit... и пр.

Такимъ образомъ это противуположеніе теряетъ всякій смыслъ, если мы примемъ толкованіе Куланжа. Все это, правда, отдѣльные, отдаленные намеки. Можно, конечно, возразить, что этого недостаточно; но дѣло въ томъ, что община — фактъ обычнаго права, права неоднороднаго, а разнороднаго въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, что община могла въ большомъ сводѣ оставить лишь отдѣльные, отрывочные намеки. Это во 1-хъ, а во 2-хъ не надо забывать и того, что община въ разбираемую нами эпоху не была въ томъ чистомъ видѣ, какою ее находятъ теперь иногда въ Россіи. Индивидуальное право было очень распространено: противъ этого не спорятъ даже самые яркіе представители общинной теоріи. «In den meisten Ländern,—говоритъ Мауреръ,—hat sich jedoch die alte Verfassung nicht in ihren Uhrsprünglichen Reinheit erhalten. Die

Loosgüter sind vielmehr schon frühe in Sondereigen dh. in das Eigenthum der Looseigner übergegangen etwa in derselben Weise wie die Erbpacht aus der verlängerten Zeitpacht hervorgegangen ist и потомъ прибавляетъ, что во Франціи это измѣненіе уже совершилось ко времени великаго переселенія народовъ.

«Hier und da scheint ein Reicherer einen grösseren zusammenliegenden Grundbesitz in Händen gehabt zu haben, den er dann mit seinen Knechten bewirthschaftete. Hier kann immer nur von wirklichem Eigenthum des Besitzers an Grund und Boden die Rede sein. Aber auch bei den Dorfbewohnern findet offenbar dasselbe statt» , говоритъ Вайцъ. «Nicht blos die Häuser», продолжаетъ Вайцъ. «Zäune und Erndten gehören den einzelnen, auch die Wiesen und Felder; mitunter auch der Wald» . Это была эпоха броженія, эпоха, для которой общинное право существовало бокъ-о-бокъ съ индивидуальнымъ правомъ и часто незамѣтно переходило въ него. Основной экономической формы не существовало въ то время. Вотъ этимъ-то, я думаю, можно объяснить то противорѣчіе, которое, какъ, напр., въ данномъ случаѣ, существуетъ между Фюстель-де-Куланжемъ съ одной

стороны и Глассономъ, Маурером, Вайцомъ и другими общинниками съ другой. Фюстель-де-Куланжъ неправъ, отрицая совершенно общину, точно также и неправы и его противники, которые черезчуръ подчеркиваютъ значеніе общиннаго права и часто видятъ общину тамъ, гдѣ ея и нѣтъ.

Глассонъ не чуждъ этого недостатка: для доказательства общины онъ иногда приводитъ тексты, неговорящіе прямо въ пользу ея существованія. Такъ, напр., въ той же ссылкѣ, для доказательства общиннаго владѣнія, Глассонъ приводитъ XXXI статью „Бургундской Правды". De plantandis vineis inter Burgungiones et Romanis id censuimus observandum. 1. Quicumque in communi campo nullo contradicente vinlam fortasse plantaverit, similem campum illi restituat, in cujus campo vineam posuit, — гласитъ эта статья.

Фюстель-де-Куланжъ довольно правдоподобно объясняетъ, что дѣло не идетъ объ общинномъ полѣ, а о полѣ общемъ между двумя владѣльцами. Правда, что относительно этого, равно какъ и относительно того, что поле находилось въ общинномъ пользованіи — нѣтъ прямыхъ указаній въ законѣ. Въ законѣ вообще встрѣчается противорѣчіе довольно странное: то говорится in communi campo, то in cujus campo—

«въ общемъ полѣ», «въ чьемъ полѣ». Вообще, этотъ текстъ неясный и ссылаться для доказательства общиннаго владѣнія землею на него не совсѣмъ правильно; но намекъ на общину, хотя и чрезвычайно отдаленный, все-таки существуетъ. Второй параграфъ этой статьи гласитъ такъ: Si vero post interdictum quicumque in campo alterius vineam plantare praesumpserit, laborem suum perdat, et vineam, cujus est campus, accipiat.

Намъ кажется, что объясненіе Куланжа, несмотря на всю свою правдоподобность, здѣсь все-таки не совсѣмъ подходитъ. Если бы, какъ думаетъ Куланжъ, здѣсь дѣло шло о простомъ совмѣстномъ владѣніи — то выраженія «in cujs campo», «in campo ulterius» — рѣшительно невозможно; vineam cujus est campus accipiat (виноградникъ получаетъ тотъ, чье поле) то же непонятно; стало-быть эта земля не была владѣема par indivis, какъ думаетъ Куланжъ, если это была чья-либо земля.

Это вообще неясное мѣсто. Если человѣкъ владѣетъ сообща полемъ съ какимъ-нибудь другимъ человѣкомъ, если онъ дѣлаетъ, насаждая виноградники, это поле или часть этого поля своимъ, если при этомъ никто ему не противорѣчитъ, не заявля-

етъ противъ него жалобы и т. п., — то къ чему же ему быть наказаннымъ, къ чему же ему отдавать другому такое же поле, какое онъ занялъ подъ виноградникъ. Это противорѣчіе, но оно прямо вытекаетъ изъ предположенія, предложеннаго Куланжемъ. Вѣдь это несправедливо; онъ долженъ былъ отдать лишь половину. Намъ кажется, что это, какъ и вышеприведенныя противорѣчія, способны поселить нѣкоторое сомнѣніе относительно правдоподобности предположенія Куланжа.

Объяснить всѣ эти противорѣчія въ данномъ текстѣ можно, лишь полагая, что здѣсь дѣло идетъ объ общинной землѣ. Земля въ сущности, общая всей деревни, но на практикѣ она принадлежитъ каждому въ отдѣльности. Одно лицо заняло часть земли другого (случай безспорно возможный, такъ какъ рѣзкихъ границъ въ то время не существовало) и должно отдать тому же такую часть. У каждаго члена общины въ землѣ сосѣда есть извѣстная часть: сосѣдъ, который беретъ и сосѣдъ, который получаетъ, имѣютъ дѣло съ землей, на которую они имѣютъ одинаковое право. Здѣсь мы видимъ опять-таки косвенное указаніе на существованіе общины, правда, — неопредѣленный намекъ, но все-таки намекъ.

Въ той же ссылкѣ Глассона упоминается законъ вестготовъ (Lex Wisigothorum, VIII, 5, 2). Фюстель-де-Куланжъ говоритъ, что изъ этого закона видно, что относительно сбора желудей лѣсъ былъ общій и количество свиней, посылаемыхъ въ лѣсъ, было урегулировано. Фактъ этотъ, въ отдѣльности, конечно, не имѣющій большого значенія, но содержащій все-таки въ себѣ намекъ на общинное пользованіе землею. Фюстель-де-Куланжъ говоритъ, что это было въ римскомъ правѣ и что вестготское право только повторило римское; насколько это правильно—судить нельзя, такъ какъ Фюстель-де-Куланжъ говоритъ это совершенно голословно.

Далѣе, въ той же самой цитатѣ Глассономъ приведены формулы изъ Розьера—137 и 339. Эти формулы выбраны очень неудачно; первая формула представляетъ собою формулу оставленія отцомъ наслѣдства, вторая—дарственная запись монастырю. «Dans les deux cas c'est le contraire de la communauté», говоритъ Фюстель-де-Куланжъ. Это не совсѣмъ такъ. Дареніе, оставленіе по наслѣдству могло быть и при общинѣ, но только иногда сдерживалось нѣкоторыми ограниченіями. Но вообще ссылаться на

данныя формулы, — для доказательства общиннаго владѣнія, — чрезвычайно неудачно. Хотя отдаленный намекъ можно видѣть хоть въ слѣдующихъ словахъ 339 формулы: trado atque transfundo ad possedendum hoc est tam terris... pascuis, cultis et incultis adiacentibusque nominibus... his mancipiis illa sicut dixi inequi sita portione mea. Впрочемъ, мы не будемъ особенно настаивать на этомъ.

Вообще своею ссылкою Глассонъ не доказалъ своего утвержденія, что общинное владѣніе распространяется обыкновенно на лѣсъ, пастбища, необработанныя земли, но что иногда также и обработанныя земли находятся въ общемъ владѣніи и въ общемъ пользованіи. Относительно этого Куланжъ правъ, но онъ не правъ, утверждая, что эти тексты не говорятъ ничего объ общинѣ, а говорятъ даже противуположное этому. Изъ этихъ текстовъ видно уже хотя то, что существовали земли, къ которымъ былъ приложимъ эпитетъ «communis», и что этотъ эпитетъ можетъ быть объясненъ только въ смыслѣ «общиннаго», хотя, повторяю, не надо думать, что въ то время могло существовать общинное пользованіе или совершенно ясно выраженное общинное владѣніе землею, — всякій владѣлъ,

по большей части, своимъ участкомъ, хотя это владѣніе до извѣстной степени могло быть ограничиваемымъ. Мы не только не думаемъ, что каждый владѣлъ своими земельными участками, но полагаемъ, что и лѣсъ былъ по большей части въ частной собственности, хотя эта частная собственность до извѣстной степени могла быть ограничена. На это, напр., хоть указываетъ XXVIII статья «Бургундской Правды», не приведенная, впрочемъ, Глассономъ.

«Si quis Burgundio, гласитъ эта статья, aut Romanus silvam non habet, incendi ligna ad usus suos de jacenti vis et sine fructu arboribus in cuius libet silva habeat liberam potestatem, neque ab illo cuius silva est, repellatur». Это очень любопытное ограниченіе частнаго права. Или, напр., XXXV статья «Салической Правды». По этой статьѣ за смерть или кражу прирученнаго и нѣкоторымъ образомъ дрессированнаго оленя платится 45 солидовъ, за смерть домашняго оленя—35.

«Si quis cervum quem alterius canes moverunt aut lassaverunt, говоритъ далѣе § 4 этой же статьи... occiderit et celaverit de dinariis, qui faciunt solidus XV, culpabilis judicetur». Въ § 5 говорится далѣе: «Si quis aprum lassum, quem

alieni canes moverunt occiderit vel furaverit, de dinariis, qui faciunt solidos XV culpabilis judicetur». Здѣсь мы опять видимъ извѣстный намекъ, намекъ на то, что право индивидуальной, частной собственности не всюду было въ полной силѣ, что, напр., относительно убійства оленя или кабана не принималось въ расчетъ, въ лѣсу какого владѣльца это происходитъ, а принималось лишь въ расчетъ одно условіе — собаки какого владѣльца подняли животное. Кромѣ того, изъ этого видно, что право охоты было общее. И такъ каждый могъ охотиться, посылать своихъ свиней въ лѣсъ, брать хворостъ. Все это очень сильныя указанія на то, что индивидуальное право не было въ рѣзкой формѣ, въ какой видитъ его Куланжъ.

Впрочемъ, мы будемъ продолжать разсмотрѣніе тѣхъ текстовъ, которые приводитъ Глассонъ для подтвержденія своихъ положеній. Для того, чтобы доказать, что «Варварскія Правды» заключаютъ въ себѣ предписанія о правѣ каждаго въ общемъ лѣсу и пастбищахъ, Глассонъ приводитъ прежде всего статью XIII, уже разбиравшуюся нами статью XXXI и проч. XIII статья гласитъ такъ: «Si quis tam burgundio quam romanus in silva communi exartum fecerit, aliud tantum spatii

de silva hospiti suo consignet et exartum, quem fecit, remota hospitis communione, possideat». Это мѣсто параллельно по содержанію 31 ст. Намъ кажется также и здѣсь невозможно понимать слово communis—въ смыслѣ общаго между двумя владѣльцами. Получается извѣстное противорѣчіе: одинъ изъ совладѣльцевъ беретъ себѣ часть лѣса, которымъ онъ владѣетъ пополамъ и вмѣсто этого принужденъ отдать такую же часть своего лѣса. Правда, что отдаетъ онъ свой лѣсъ—этого не сказано, но какой же лѣсъ онъ можетъ consiquare (donner — какъ переводитъ Фюстель-де-Куланжъ), какъ не лѣсъ, находящійся въ его личномъ владѣніи.

Намъ кажется, что здѣсь вѣроятнѣе предположить communis въ смыслѣ находящагося въ общинномъ владѣніи, но никакъ не въ общемъ пользованіи. какъ ошибочно думалъ Глассонъ. Намъ кажется, что легко можетъ быть объясненъ данный законъ: одинъ запахалъ часть лѣса сосѣда, лѣсъ находится въ частномъ владѣніи и принадлежитъ все-таки общинѣ. Запахавшій лѣсъ не сдѣлалъ кражи, не сдѣлалъ вторженія въ частную индивидуальную собственность, — за это его не наказываютъ, но онъ все-таки долженъ отдать сосѣду взятую у него

часть земли. Глассонъ неправъ въ данномъ случаѣ, ссылаясь для доказательства того, что «les lois contrennent prescriptions sur les droits de chacun dans le sterres communes», но неправъ также и Куланжъ, невидящій здѣсь никакихъ слѣдовъ общины.

Замѣчаніе Куланжа, относительно диплома Неугарта, въ которомъ упоминается о какихъ-то «anales terras» поражаетъ своею странностью. Фюстель-де-Куланжъ увѣряетъ, что Глассонъ привелъ этотъ текстъ для того, чтобы доказать, qu'il se faisait des partages annuels de terre, ce qui serait un signe de communauté. Откуда взялъ это утвержденіе Куланжъ— рѣшительно непонятно. Глассонъ прямо говоритъ, что «les textes de l'époque carolingienne ne lent, pour ainsi dire, jamais de partages periodiques».

Можетъ быть примѣчаніе навело Куланжа на подобную мысль. Въ примѣчаніи, правда, говорится Voy. cependant un diplome de 815 dans Neugart, и можетъ это «cependant» объясняетъ Куланжъ въ данномъ смыслѣ. Но это во 1-хъ чрезвычайно произвольно и во 2-хъ cependant здѣсь поставлено, по всей вѣроятности, потому что многіе и, между про-

чимъ, Мауреръ, приводили этотъ текстъ въ доказательство годичныхъ передѣловъ. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ очевидный примѣръ увлеченія Куланжа полемикой.

Дальнѣйшее замѣчаніе Фюстель-де-Куланжа касается утвержденія Глассона, что «Les vicins repondaient des crimes commis sur le territoire de la mark ou dont l'auteur s'y etait réfugié et, si on ne le decouvrait pas, ils devaient payer la composition à sa place». Въ доказательство этого приводятся Capita extravagantia legis Salicae IX. Decret de Childebert de 596 и др. Тексты эти не говорятъ прямо въ доказательство этого, но въ извѣстной статьѣ «Салической Правды» существуетъ какъ бы извѣстный намекъ, что между двумя виллами находится пространство, никому въ отдѣльности не принадлежащее. «Si sicut adsolet homo juxsta strada aut inter duas villas proximas sive vicinas fuerit interfectus». Фюстель-де-Куланжъ совершенно изгоняетъ этотъ намекъ: «si un meurtre a été commis entre deux villas» — передаетъ онъ этотъ законъ. Что же касается до эдикта Клотаря 615 года, Фюстель-де-Куланжъ говоритъ, что il n'y est question que de douanes et de tonlieus. Между тѣмъ въ этомъ

эдиктѣ говорится: «Si quis ad vestigium vel ad latrone persequendo ire noluerit, si moniti fuerunt solid. 15 culpabilis indicetur». Все-таки это неопредѣленный намекъ въ пользу утвержденія Глассона. Хотя, безъ сомнѣнія, Глассонъ здѣсь совершенно неправъ: на намеки ссылаться нельзя. До сихъ поръ, впрочемъ, мы разсматривали лишь эти отдѣльные намеки, но общинное основаніе земельной собственности отразилось главнымъ образомъ въ судебномъ отношеніи. Кромѣ того, извѣстный эдиктъ Гильперика и знаменитая статья «Салической Правды» — de migrantibus — довольно сильно говорятъ въ пользу общинной теоріи.

По мнѣнію Глассона, въ правосудіи отразились нѣкоторыя черты древней общины. Такъ, напр., существовала особенная юрисдикція дѣлъ, которыя касались споровъ между сосѣдями. Намъ кажется, что этотъ фактъ лишь чрезвычайно отдаленно свидѣтельствуетъ объ общинѣ. Кромѣ того — тексты Глассона въ этомъ мѣстѣ довольно неопредѣленны и сбивчивы. Но здѣсь мы встрѣчаемъ странный фактъ: самый важный изъ нихъ именно 3 и 4 §§ XII статьи Bajuv. Legis Куланжъ пропускаетъ безъ вниманія и совершенно умалчиваетъ о немъ. Ко-

нечно, это мелочь, но характерная мелочь. Для подтвержденія другого своего положенія, что „Les juges et les cojureurs étaient nécessairement pris parmi les vicini“,—Глассонъ приводитъ нѣсколько текстовъ. Намъ кажется, что выборъ судей изъ среды сосѣдей является довольно сильнымъ и яркимъ отпечаткомъ общиннаго владѣнія. По крайней мѣрѣ этотъ фактъ сильно противорѣчитъ Куланжу, полагающему, что деревень въ то время почти совсѣмъ не было, а что были отдѣльныя владѣнія. Выборъ судей изъ сосѣдей ясно указываетъ, что между сосѣдями была извѣстная связь, что было что-то соединявшее отдѣльныхъ владѣтелей. Непонятно, какъ Фюстель-де-Куланжъ, полагающій, что вся земля была разбита на отдѣльные, довольно значительные домены, находившіеся въ частномъ владѣніи, какъ, повторяю, онъ примиритъ этотъ фактъ съ выборомъ судей изъ сосѣдей. Стало быть vicini—сосѣди—благодаря своему сосѣдству отличались чѣмъ нибудь отъ другихъ владѣтелей, если только имъ была предоставлена судебная компетенція. Впрочемъ, Куланжъ отрицаетъ это: по его мнѣнію—сосѣди были только свидѣтелями. Дѣйствительно, § 3 XLIX статьи «Бургундской Правды» приведенной Глассономъ, го-

воритъ лишь о свидѣтеляхъ, но вся глава говоритъ въ пользу предположенія Глассона; мы позволимъ цѣликомъ привести ее.

«De animalibus dampnum facientibus et in clausuram missis seu caballis pervagantibus. *Ad utilitatem et quiestem constat omnium pertinere,* ut de singulis quibusque causis generalis de finitio proferatur sicque fiat *ut locorum comites atque praepositi* conpetenter instructi evidentius judicanda cognoscunt.

2... Nullum ex inde calumpniam nullumque solutionis dispendium is, a quo retenta fuerint, patiatur. *Quani quidem rem inter consortes et vicinos* pracapimus *custodire.*

3. Ceterum de inmentis et animalibus longius, ut solet fieri, vagantibus, quod prius statutum est, *universitatem conveniet observare* idest, ut caballos alienos per regionem vagantes nemo corripiat. Sane, si eos in re sua dampnum sibi facientes invenerit clauseritque, vicinis suis et consortibus contestetur et si dominus eorum non venerit, tertio die eos praesentibus testibus extra fines suos expellat». Но что говоритъ довольно сильно въ доказательство положенія Глассона, такъ это—409 формула Розвера. „Etrange citation. Vous lisez la formule, et vous y voyez que la

justice est rendue par le Comte", говоритъ по поводу этой формулы Фюстель-де-Куланжъ. Это не такъ. „Et quia illi judex vel vicini pagenses ad praesens venientes ita dixerunt", говорится, напр., въ этой формулѣ и изъ этого, какъ намъ кажется, можно заключить, что утвержденіе Глассона довольно справедливо. Итакъ, и въ судебномъ отношеніи существуютъ довольно ясные намеки относительно общиннаго землевладѣнія. Но общинное землевладѣніе, какъ кажется, очень сильно отразилось въ знаменитой статьѣ De migrantibus. «Le titre *De migrantibus*, говоритъ Глассонъ, a été très diversement compris dans ses détails; mais on admet en général qu'il suppose le cas où un etranger, *homo migrans*, veut s'etablir dans la marche, et il a besoin, à cet effet, du consentement de tous les habitans; l'opposition d'un seul suffit pour l'obliger à se retirer, au risque d'encourir une amende. D'ailleurs, le consentiment des *vicini* peut être tacite et il résulte d'une jouissance paisible pendant un an. Comment expliquer ce texte et ce droit d'opposition des *vicini*, si ce n'est en disant qu'il existe, au profit de la communauté, un droit de propriété supérieure» ?

Фюстель-де-Куланжъ, понявъ все значеніе этого закона, предложилъ другое объясненіе: дѣло идетъ о томъ, что отдѣльное лицо, по мнѣнію Фюстель-де-Куланжа, захватываетъ участокъ другого, когда послѣдній отсутствуетъ. Законъ предоставляетъ право каждому протестовать противъ захвата. Глассонъ сдѣлалъ очень много возраженій противъ этого объясненія Куланжа и возраженій чрезвычайно солидныхъ. Во 1-хъ, онъ указалъ на то, что рѣшительно ни откуда не видно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отсутствіемъ владѣльца, во 2-хъ, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о захватѣ, такъ какъ не могутъ-же всѣ, за исключеніемъ одного, согласиться не протестовать противъ такого несправедливаго дѣла, въ 3-хъ, что Фюстель-де Куланжъ не объясняетъ, какое право имѣютъ vicini вмѣшиваться въ чужія дѣла. На эти замѣчанія Фюстель-де-Куланжъ не прямо отвѣчаетъ, но приводитъ слѣдующія соображенія, что вышеупомянутое толкованіе Глассона неправильно: во 1-хъ то, что Глассонъ говоритъ, что un étranger veut s'établir dans la marche—это не правильно по двумъ причинамъ: 1) потому что въ законѣ нѣтъ слова marca и 2) что здѣсь дѣло идетъ о чуже-

земцѣ, qui veut s'établir sur une terre, qui ne lui appartient pas,—такъ полагаетъ Фюстель-де.Куланжъ на основаніи выраженія „Super alterum".

Что слово „marche" для обозначенія общиннаго владѣнія выбрано неудачно, объ этомъ можно спорить, но что дѣло не идетъ именно объ общинномъ владѣніи — этого вовсе не доказываетъ отсутствіе слова „marca", напротивъ, такъ какъ, по мнѣнію Фюстель-де-Куланжа, „marca" обозначаетъ собою или границу или частную собственность, то присутствіе этого слова доказывало бы совершенно обратное. Что же касается поправки Фюстель-де-Куланжа относительно характера той земли, которую занимаютъ, то она имѣетъ основаніе. Но „Super alterum" вовсе не значитъ, что нужно непремѣнно предполагать захватъ, какъ то думаетъ Куланжъ. Можно было занять чужой участокъ, свободный отъ хозяина, который тоже могъ принадлежать къ числу „migrantium". Хотя это замѣчаніе безспорно ослабляетъ силу перваго замѣчанія Глассона, но остальныя возраженія Глассона остаются во всей силѣ. Кромѣ того, Фюстель-де-Куланжъ дѣлаетъ возраженіе Глассону, который говоритъ, что для занятія участка требуется согласіе всѣхъ обитателей. Фю-

стель-де-Куланжъ указываетъ, что въ данномъ случаѣ нѣтъ слова „всѣ“ и вообще прямо не сказано этого; но намъ кажется это простой придиркой. Если каждому отдѣльному лицу предоставлено право требовать удаленія занявшаго землю и если никто не протестуетъ, стало быть всѣ согласны.

Много намековъ даетъ и эдиктъ Хильперика. Въ этомъ эдиктѣ во 1-хъ говорится только о тѣхъ, qui vicinos habent, слѣдовательно то обстоятельство, что кто нибудь имѣетъ сосѣдей, весьма значительно. Лицо имѣющее сосѣдей и лицо неимѣющее ихъ отличаются между собою. Въ чемъ состоитъ это отличіе? „Qui vicinos habent, говоритъ Глассонъ, c'est-à-dire des personnes appartenant à une communauté agraire, a une *marca*“, и это кажется единственное объясненіе этому факту. Кромѣ того, слова эдикта: „Et si moritur, frater alter accipiat, non vicini“,—ясно показываютъ, что прежде vicini могли наслѣдовать землю и что, слѣдовательно, эдиктомъ Хильперика модифицировался переходъ наслѣдства на основаніи родства, тогда какъ прежде vicini, т. е. община могла наслѣдовать землю. Противъ этого Фюстель-де-Куланжъ не дѣлаетъ существенныхъ возраженій и мы, такимъ образомъ, имѣемъ довольно ясные намеки на существованіе общины.

Собственно этимъ исчерпываются главные тексты, приведенные Глассономъ. Фюстель-де-Куланжъ говоритъ, что они ни одной чертой своей не говорятъ объ общинѣ. Намъ кажется это не вполнѣ правильнымъ. Правда, эти тексты не указываютъ, какъ думаетъ Глассонъ, на общее пользованіе землею. Земля находилась не только въ частномъ пользованіи, но и во владѣніи, по основаніемъ служитъ все-таки общинная собственность. На это указываютъ слѣдующіе факты:

1) Эпитетъ communis, прилагаемый въ «Правдахъ» къ землѣ—непонятенъ, если мы не признаемъ общиннаго владѣнія.

2) То, что существовало общинное владѣніе, которое являлось основою частнаго,—это сквозитъ во многихъ ограниченіяхъ индивидуальнаго права (сборъ желудей, сборъ хвороста, право охоты, даже пользованіе травою: Lex Wisigothorum, VIII, 5, 5)*).

3) Отличіе въ судебномъ отношеніи людей находящихся въ сосѣдствѣ отъ остальныхъ обитателей представляетъ собою намекъ на существованіе общин-

*) Si in pascua grex alienus intraverit, hoc quod de porcis constitutum est praecipimus custodori, consortes vero vel hospite nulli calumniae subjaceant, quia illis usum herbarum, quae conclusae non fuerunt, constat esse communem.

наго владѣнія. То, что судьи выбирались изъ числа vicini, это указываетъ на то, что vicini были связаны между собой чѣмъ то общимъ. Въ эдиктѣ Хильперика мы находимъ тоже противуположеніе людей находящихся въ сосѣдствѣ къ остальнымъ обитателямъ.

4) Право занятія земли подъ условіемъ согласія сосѣдей — ясно указываетъ, что въ основѣ своей владѣніе землею принадлежало общинѣ.

Вовсе не нужно дѣлать особенныхъ ухищреній, чтобы вывести и установить эти пункты. Но Фюстель-де-Куланжъ совершенно не желаетъ признавать этого. Онъ прямо отрицаетъ не только существованіе общины, но даже существованіе вообще деревень. По его мнѣнію вся земля была разбита главнымъ образомъ на домэны-помѣстья. Доказываетъ онъ это тѣмъ, что о деревняхъ нѣтъ упоминанія въ источникахъ, при этомъ Фюстель-де-Куланжъ исходитъ изъ того общаго положенія, что слово „villa“ всегда обозначало собою „домэнъ“. Мы не станемъ упоминать о мнѣніи Маурера и Вайца, полагавшихъ, что „villa“ можетъ иногда обозначать собою „деревню“. Не станемъ также упоминать и о мнѣніяхъ Pardessus и Guerard'a (Pardessus. Lex Salica, p. 389. L'acception du mot „villa“ est double dans la loi

Salique.—Guerard. Polyptyque de l'Abbé Irminon, p. 47), упомянемъ только, что самъ Фюстель-де-Куланжъ приводитъ текстъ Flodoard'a: „Dedit Rodemarus res suas in vico Castricensi, item Austrebertus in eadem villa", изъ котораго видно, что „vicus" и „villa" употреблялась синонимично. Конечно, въ данномъ случаѣ и „vicus" было употреблено въ смыслѣ „домэна". Но все-таки это указываетъ на извѣстную шаткость терминовъ, такъ что, повторяю, разсуждать какъ Фюстель-де-Куланжъ, утверждающій, что большое число упоминаній слова „villae" указываетъ на распространенность домэновъ,—утверждать это не совсѣмъ правильно. Villa можетъ собой и не обозначать домэна, она можетъ обозначать собою строеніе (villae incensae; villa Huxeli igne concremata est).

Однако, довольно! Я знаю, читатель усталъ—утомился и я. Впрочемъ, мы достигли кой-какого результата. Мы узнали, что Фюстель-де-Куланжъ—глава цѣлой школы, богъ современной исторической науки—дѣлаетъ грубыя ошибки. Это очень крупный и интересный фактъ для характеристики западной исторической науки. Но читатель, я думаю, понимаетъ это и безъ меня.

ОПЕЧАТКИ.

На стран.	75	стр.	5	св.	напеч.:	Ригіо	нужно:	Ричіо
„	„	108	„	10	„	„	называетъ	„	называетъ
„	„	108	„	11	„	„	благородноа	„	благороднои
„	„	108	„	16	„	„	полученныхъ	„	полученыхъ

LB N 18

Цѣна 1 руб. 50 коп.

LIBRARY OF CONGRESS
0 018 460 403 6